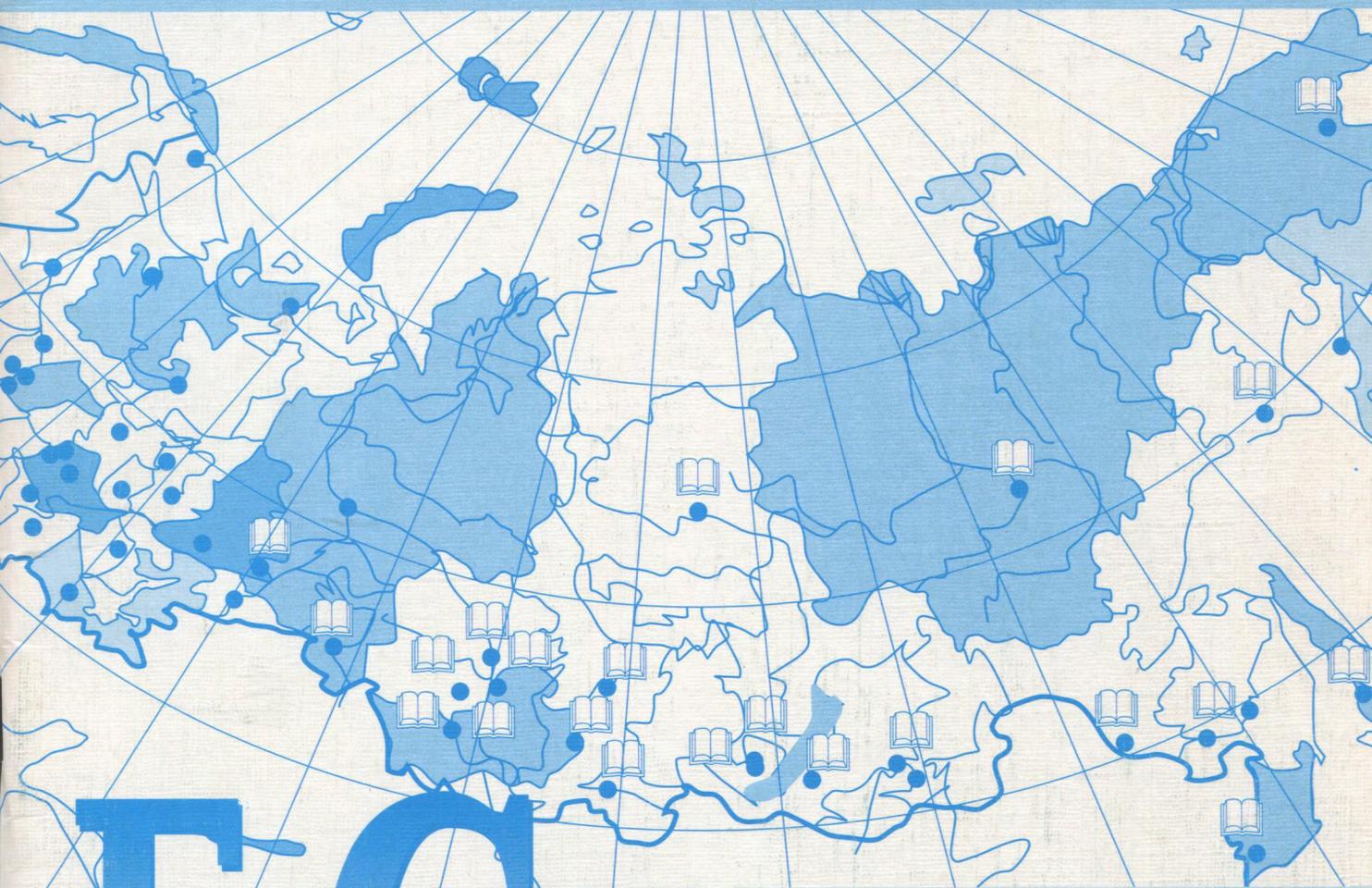

ISSN 1815-3186

№ 3, 2007

Библиосфера

БС

журнал по библиотековедению,
библиографоведению,
книговедению
и информатике

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

БИБЛИОСФЕРА

Научный журнал

№ 3 • Июль – сентябрь • 2007

Издается с января 2005 г.
Выходит четыре раза в год

Главный редактор

Елепов Б.С., д-р техн. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН

Научно-редакционный совет

Лаврик О.Л., д-р пед. наук, ГПНТБ СО РАН (зам. гл. редактора),

Алексеев В.Н., канд. филол. наук, ГПНТБ СО РАН,

Бахтина О.Н., д-р филол. наук, ТГУ,

Ванчикова Ц.П., д-р ист. наук, Ин-т монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН,

Васильев С.Н., чл.-кор. РАН, ИДСиТУ СО РАН,

Дворкина М.Я., д-р пед. наук, профессор, РГБ,

Гендина Н.И., д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ,

Каленов Н.Е., д-р техн. наук, БЕН РАН,

Крейденко В.С., д-р пед. наук, профессор, СПбГУКИ,

Лютов С.Н., д-р ист. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН,

Мелентьева Ю.П., д-р пед. наук, НЦ исследований истории
книжной культуры при академиздатцентре «Наука»,

Пайчадзе С.А., д-р ист. наук, профессор, ГПНТБ СО РАН,

Пилко И.С., д-р пед. наук, профессор, КемГУКИ,

Посадсков А.Л., д-р ист. наук, ГПНТБ СО РАН,

Трофимова Р.А., д-р социол. наук, профессор, АГИИК,

Федотов А.М., д-р техн. наук, чл.-кор. РАН, ИВТ СО РАН,

Шайдуров В.В., чл.-кор. РАН, ИВМ СО РАН

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-21712 от 17 августа 2005 г.
Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия

БИБЛИОСФЕРА

Ежеквартальный научный журнал

Номер 3, 2007

BIBLIOSPHERE

Quarterly scientific journal

Number 3, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ

Чтение и библиотечное обслуживание:
исследовательская деятельность
российских библиотек

В.В. Ялышева, А.С. Степанова 3

КНИГОВЕДЕНИЕ

Военное книгоиздание в России
в XVIII веке: опыт статистического
анализа

С.Ю. Дутов, С.Н. Лютков 13

МЕТОДОЛОГИЯ НИР

Компаративистика – новое направление
методологии анализа научной
деятельности и развития науки

В.П. Котенко 21

Использование декартовой
прямоугольной системы координат
в прикладном исследовании

С.А. Езова 28

Применение метода контент-анализа
в исследовании «Публичная библиотека
в обеспечении информационно-
психологической безопасности
читателей»

О.Л. Чурашева 31

Методология анализа ценностных
ориентаций университетского сообщества

Е.В. Строгетская 38

ОБЗОРЫ

Методика изучения читателей
и библиотечной практики
(Обзор публикаций 30-х гг. XX в.)

А.Н. Ванеев 43

Разработка методологических
и методических проблем
библиотекведения (Обзор публикаций
второй половины XX века)

А.Н. Ванеев 47

CONTENTS

LIBRARY SCIENCE

Reading and library service: research activity
of Russian libraries

V.V. Jalysheva, A.S. Stepanova

BIBLIOLOGY

Military book publishing in Russia in the
18th century: an experience of statistical
analysis

S.Ju. Dutov, S.N. Ljutov

METHODOLOGY OF RESEARCH WORK

Comparavistics – a new trend in the
methodology of scientific activity and
science development

V.P. Kotenko

The use of Cartesian coordinates in an
applied investigation

S.A. Jezova

The application of content-analysis in the
investigation «Public library for providing
information and psychological safety of
readers»

O.L. Churasheva

The methodology for analysing axiological
orientations of a university community

E.V. Strogetskaia

SURVEYS

Methods for studying readers and library
practice (review of publications of 1930-cs)

A.N. Vanejev

The development of methodological and
methodical problems (review of publications
of the 2nd half of the 20th century)

A.N. Vanejev

ОБМЕН ОПЫТОМ		EXPERIENCE EXCHANGE
Электронные ресурсы и их использование в Научной библиотеке Тихоокеанского государственного университета (по результатам исследования)		Electronic resources and their use in the Scientific library of the Pacific state university (investigation results)
<i>И.Н. Карпова</i>	53	<i>I.N. Karpova</i>
ЮБИЛЕИ		JUBILEE
Директору ГПНТБ СО РАН, главному редактору «Библиосферы» – 65!	57	The head of the SPSTL SB RAS, Biblioshere editor in sheef – 65!
ВЫШЛИ В СВЕТ	12	NEW BOOKS
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ	60	IN PRESS
РЕЦЕНЗИИ	61	REVIEWS
Информация для авторов	65	Information for authors

УДК 02
ББК 78.303+78.38

ЧТЕНИЕ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ БИБЛИОТЕК

© В.В. Ялышева, А.С. Степанова, 2007

*Российская национальная библиотека
191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18*

Представлена общая картина исследовательской деятельности отечественных библиотек в области изучения чтения и библиотечного обслуживания. Освещены основные направления социологических исследований и вопросы их организации. Особое внимание уделено актуальным проблемам данной деятельности.

Ключевые слова: исследовательская деятельность библиотек, чтение, читатели, библиотечное обслуживание.

Изучению чтения и читателей в последние годы уделяют внимание многие библиотеки нашей страны независимо от статуса и места нахождения. Важность проведения подобных исследований стала осознаваться библиотечной общественностью. Второй ежегодный конкурс Российской библиотечной ассоциации (РБА) для муниципальных библиотек «Современные тенденции в обслуживании читателей» (2002–2003 гг.) также был посвящен именно изучению читателей и чтения. Значение этого конкурса заключается в том, что он, с одной стороны, побудил муниципальные библиотеки к осмыслению своей исследовательской деятельности, с другой стороны, позволил собрать и объединить информацию о библиотечных исследованиях, проводимых в разных уголках России, и составить некоторое представление об ее тематике, уровне существующей исследовательской работы, а также выявить стоящие перед исследователями проблемы.

Материалы конкурса и публикации в профессиональной печати дают основание предполагать, что значительная часть библиотек проводит исследования в области изучения чтения и воспринимает их не как самоцель, а как важный этап своей деятельности, позволяющий в конечном итоге сделать работу более эффективной. Результаты исследований используются в следующих библиотечных процессах: 1) в управлении библиотекой (открытие новых структурных подразделений и реорганизация старых, профилирование филиалов, учет полученных данных при стратегическом планировании, разработке концепции деятельности, определении миссии библиотеки); 2) в комплектовании (учет читательских интересов при комплек-

товании книжных и медиафондов, а также распределение документов по структурным подразделениям библиотеки); 3) в обслуживании (использование полученных данных для улучшения взаимоотношений библиотекаря и читателя, для корректировки набора предоставляемых библиотекой услуг, в массовой работе, а также при работе с определенными категориями пользователей или литературой определенных тем и жанров).

Кроме того, исследования проводятся в рамках программно-проектной деятельности и являются важным этапом на пути ее реализации. Как правило, они осуществляются: перед началом программы или проекта, для того чтобы составить представление о ситуации на текущий момент и после завершения программы в целях оценки эффективности проделанной работы.

В настоящее время исследовательская работа ведется российскими библиотеками разного уровня. В зависимости от масштаба охваченной ими территории можно выделить следующие исследования:

1) Всероссийские исследования, охватывающие библиотеки различных регионов.

Характерной чертой начала 2000-х гг. является исчезновение и реорганизация структурных подразделений социологического профиля в федеральных библиотеках. Так, были реорганизованы: отдел социологических и психологических исследований Российской государственной юношеской библиотеки (РГЮБ), отдел социологии Российской государственной детской библиотеки (РГДБ), сектор социологии чтения и библиотечного дела Российской государственной библиотеки (РГБ), группа социологии чтения и работы с читателями Российской национальной библиотеки (РНБ). Эта

тенденция нашла отражение и в реорганизации единственной в стране кафедры социологии и психологии чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Социологические подразделения при библиотеках по большей части были преобразованы в специализированные структуры, занимающиеся продвижением чтения. Так, возникли центр чтения РНБ, отдел по проблемам чтения молодежи РГЮБ. Тем не менее исследовательская деятельность осталась в числе их функций.

В настоящее время осуществляется ряд исследовательских проектов федерального уровня. Сюда можно отнести исследование центра чтения РНБ «Чтение в библиотеках России» [37]. Сейчас это единственное в России исследование, которое продолжается более 10 лет, начиная с 1995 г. В разное время в нем принимали участие порядка 80 библиотек из малых и средних городов 26 регионов России, значительная часть из которых работает по проекту все эти годы.

Крупномасштабные исследования осуществляют и другие федеральные библиотеки. Большая и разноплановая работа по изучению чтения маленьких россиян ведется РГДБ. Отдел по проблемам чтения молодежи РГЮБ осуществляет ежегодные мониторинги чтения. Исследованиями всероссийского уровня занимаются не только библиотеки. Некоммерческий фонд «Пушкинская библиотека» в 2003–2005 гг. провел цикл социологических исследований, в ряде которых принимал участие Всероссийский центр изучения общественного мнения (ныне аналитический Центр Юрия Левады). Исследования подобного уровня ценны тем, что позволяют, с одной стороны, определить тенденции чтения, характерные для России в целом, с другой стороны, обозначить и сопоставить картину, сложившуюся в различных регионах.

2) Региональные исследования, осуществляемые в рамках национальной республики, края или области.

Специализированные социологические структурные подразделения в универсальных областных, краевых и республиканских библиотеках единичны. Например, с 1993 г. социологическая служба действует в Национальной библиотеке Республики Татарстан (НБ РТ). За эти годы здесь осуществлен целый ряд крупномасштабных и локальных исследований [17]. Первоначально ориентированная на обеспечение деятельности Национальной библиотеки, социологическая служба НБ РТ постепенно включила в сферу своего влияния централизованные библиотечные системы (ЦБС) республики. На основе изучения опыта работы ЦБС составляются обзоры социологической деятельности в библиотеках, ведется картотека «Социология в библиотеках Татарстана», создается

одноименная база данных. Информация об исследованиях отражается в отдельных публикациях, достаточно многоаспектно представлена и на веб-сайте библиотеки.

Структурные подразделения социологического профиля имеются в ряде детских и юношеских региональных библиотек. Например, в Иркутской областной юношеской библиотеке есть отдел психологии и социологии, в Красноярской краевой юношеской библиотеке – отдел маркетинга и социологии.

Во многих региональных библиотеках проведением социологических исследований занимаются преимущественно методические и научно-исследовательские подразделения. Например, научно-исследовательский сектор Национальной библиотеки Республики Бурятия видит одной из своих задач «оказание методической и консультативной помощи библиотекам республики в проведении научных, социологических, маркетинговых исследований». В Национальной библиотеке Республики Чувашия отдел научно-исследовательской и научно-методической работы проводит социологические исследования и координирует деятельность социологической службы. Еще в 1990 г. при Министерстве культуры РСФСР была создана отраслевая социологическая служба, объединившая городские и региональные службы. Чувашия – единственный на сегодняшний день регион, где такая форма продолжает успешно функционировать. В районных и городских библиотечных системах существуют ответственные за эту работу, которые прошли специальную подготовку. Помимо участия в исследованиях республиканского уровня, каждая из систем осуществляет собственные проекты. Ежегодно в НБ Республики Чувашия проводится День социолога – семинар для ответственных за отраслевую социологическую службу ЦБС республики. На таких семинарах подводятся итоги исследований, обсуждаются планы будущей работы, ведутся практические занятия, в том числе с привлечением профессиональных социологов и преподавателей вузов. Одним из последних реализованных проектов является республиканское исследование «Социальный облик читающей Чувашии» 2004 г. [15, 22, 25], в 2006–2007 гг. проводится исследование «Что читает Чувашия?»

Другой вариант организации исследовательской деятельности можно проиллюстрировать на примере Национальной библиотеки Республики Коми. Научно-методический отдел организует социологические исследования по проблемам чтения населения Коми и прогнозированию читательского спроса, по изучению библиотечно-информационных ресурсов г. Сыктывкара, а отдел маркетинга проводит социологические исследования в рамках Национальной библиотеки.

Следующий подход, существующий в настоящее время при отсутствии специального подразделения, – создание по мере необходимости временных творческих коллективов из специалистов разных отделов.

В качестве примера региональных исследований можно привести ряд проектов Якутской национальной библиотеки, в частности «Чтение детьми литературы на якутском языке и языках народов Севера» [1]. Большая работа осуществляется областными библиотеками. Например, Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека к присуждению библиотечной премии «Открытая книга» провела в 2004–2005 гг. на территории области исследование «Самая читаемая книга о Кольском крае». В 2005 г. Челябинская областная универсальная научная библиотека (ОУНБ) осуществляла в селах области социологическое исследование «Роль книги и чтения в жизни уральского села» [33], Новгородская ОУНБ провела областное исследование «Мы и книга». Следует отметить, что региональные исследования в большинстве своем выполнены на достаточно высоком профессиональном уровне.

В последние годы функцию исследовательской деятельности в области чтения берут на себя региональные центры книги и чтения, многие из которых прописали ее в своих уставных документах. Например, согласно Положению о центре Белгородской государственной ОУНБ одной из его задач является «проведение научно-исследовательской работы по изучению читательских интересов жителей региона», а одной из основных форм деятельности – «проведение социологических исследований, мониторинга по проблеме чтения». Нижегородский центр чтения начал свою деятельность с проведения регионального исследования «Чтение в жизни нижегородцев». Помимо крупномасштабных исследований центры книги и чтения осуществляют локальные исследования в рамках отдельных проектов и акций. Однако подобные структуры существуют далеко не во всех регионах. Тем не менее деятельность библиотек по пропаганде книги и чтения является сейчас одним из перспективных направлений. В рамках этой деятельности библиотеки самостоятельно и с привлечением широкого круга партнеров осуществляют акции, программы, проекты разного уровня, важной составляющей которой является изучение читателей и чтения. Так, в Приморском крае в 2002–2005 гг. была реализована краевая программа «Чтение». Составной частью этой программы стало социологическое исследование «Чтение художественной литературы в муниципальных библиотеках». Широкое распространение получает такая форма, как проведение года чтения в рамках города, области, края, республики. Например, библио-

течный проект «Год чтения в городе лидеров» (г. Череповец, 2006 г.), региональные программы «2003 год – год детского чтения в Челябинской области», «2006 год – год чтения в Республике Бурятия» обязательно включают в себя исследовательскую деятельность. В 2007 г. подобные проекты реализуются во многих местах.

3) Исследовательские проекты в рамках крупного города.

Подобные проекты могут охватывать не только читателей библиотек, но и жителей города. Здесь, например, можно назвать исследование «Читающий саратовец», проведенное Саратовской центральной городской библиотекой (ЦГБ) в 2006 г. Разноплановая деятельность осуществляется сектором научно-исследовательской работы Центральной муниципальной библиотеки (ЦМБ) г. Ижевска – победителя Второго конкурса РБА для муниципальных библиотек в 2003 г. На сегодняшний день ЦМБ является одним из лидеров в области социологических исследований среди публичных библиотек. Сектор научно-исследовательской работы, созданный здесь в 1997 г., координирует работу всех специалистов ЦБС. Библиотекари прошли повышение квалификации в школе социолога при Удмуртском госуниверситете, а также обучались на различных семинарах и тренингах.

4) Исследования, проводимые в рамках ЦБС или отдельной библиотеки.

Таких исследований в России больше всего. С 1990-х гг. социологическая исследовательская практика получает все более широкое распространение в муниципальных библиотеках. К сожалению, не вся информация об этой деятельности распространяется за пределами библиотечной системы и становится доступной широкому кругу специалистов. Типичным для сегодняшнего дня является отсутствие координации исследовательской деятельности в области изучения читателей и чтения со стороны региональных библиотек. Не случайно именно эта огромная часть библиотечных исследовательских проектов привлекает к себе наибольшее внимание, так как требует анализа и осмысления.

Тем не менее необходимо отметить деятельность Секции по научно-исследовательской работе РБА, работа которой направлена на повышение уровня и осуществление координации библиотечковедческих научных исследований, в том числе в области чтения и библиотечного обслуживания. ЦМБ им. Н.А. Некрасова г. Ижевска, Кемеровская ОУНБ и ЦГБ г. Саратова имеют наибольший опыт работы в данном направлении.

Конкурс РБА, о котором говорилось выше, был предназначен преимущественно для муниципальных библиотек. Причем примерно треть конкурсных работ поступила из сел и поселков, значительная часть – из небольших городов. В рамках

исследования центра чтения РНБ «Чтение в библиотеках России» в начале 2006 г. была поставлена задача получить информацию о состоянии исследовательской деятельности и выяснить отношение к ней специалистов публичных библиотек. Из 28 ЦГБ и центральных районных библиотек (ЦРБ), расположенных в 18 областях и краях, были получены материалы исследований и мнения библиотекарей на предмет проводимой ими исследовательской деятельности. Эти данные, анализ работ, присланных на конкурс «Изучение читателей и чтения», публикации в профессиональной периодической печати позволяют сделать вывод, что имеющаяся картина мозаична и неоднозначна. Обращают на себя внимание как разнообразная тематика проектов, так и разница в уровне проведения исследовательской работы, в подходах библиотек к изучению чтения.

В тематике проводимых социологических исследований в области чтения и библиотечного обслуживания условно можно выделить несколько блоков:

1) Исследования, направленные на изучение чтения – наиболее многочисленная группа. Из них подавляющее большинство посвящено изучению читательских интересов (в том числе реальному, желаемому и любимому чтению, чтению литературы определенных тем и жанров). Значительная часть посвящена отношению к книге и чтению вообще (месту чтения в структуре досуга, источникам получения информации, мотивам чтения). Заметно реже изучается психологическая сторона чтения, это касается в основном особенностей восприятия определенных тем и жанров литературы: поэзии, фантастики и т.д.

2) Исследования определенной группы читателей библиотек. В них анализируется состав пользователей по социально-демографическим характеристикам (пол, возраст, образование, род занятий, национальность) либо выбирается группа, интересы которой изучаются более подробно (не только чтение респондентов, но и их представления и мнения по различным вопросам). Чаще всего такой группой, в том числе и в библиотеках-базах исследования «Чтение в библиотеках России», становится молодежь. В качестве примера можно привести такие проекты: «Основы нравственных категорий в понятии молодых» – ЦГБ г. Инзы Ульяновской обл., «Что читает молодежь?» – центральной библиотеки (ЦБ) г. Осташкова Тверской обл., «Библиотека и чтение в жизни юношества» – ЦРБ г. Тары Омской обл. Также внимание уделяется информационным потребностям предпринимателей, местных депутатов, педагогов, семей, рабочей молодежи. Изучаются и читательские интересы самих библиотекарей. В частности, базы исследования «Чтение в библиотеках России» –

ЦБ Обнинска и Зернограда – представили результаты таких исследований на страницах журнала «Библиотека» [18, 34].

3) Исследовательские проекты, осуществляемые в рамках того или иного актуального направления деятельности библиотеки. Наиболее популярные направления: краеведческое, пропаганда здорового образа жизни, продвижение чтения, профориентация, патриотическое воспитание, работа с семьями.

4) Исследования, направленные на оценку качества работы библиотеки. Респондентам предлагается оценить как деятельность библиотеки в целом (примеры: «Библиотечное обслуживание на селе» – ЦРБ г. Ростова Великого Ярославской обл., «Библиотека глазами читателей» – ЦРБ г. Тары Омской обл.), так и отдельные библиотечные процессы: обслуживание, массовая работа, комплектование.

В качестве основного метода исследований в муниципальных библиотеках на протяжении длительного времени лидирует анкетирование. Также достаточно распространены анализ библиотечной документации (читательских и книжных формуляров, тетрадей и картотек отказов и т.д.) и вторичных данных (сопоставление с результатами более ранних этапов исследования или результатами исследований схожей тематики). Реже используются наблюдение, анализ специальной литературы.

Можно выделить несколько подходов к организации исследовательской деятельности. Очень часто берет на себя эти функции определенный отдел. По данным исследования «Чтение в библиотеках России», чаще всего это отдел обслуживания (абонемент, читальный зал). Лишь на втором месте по частоте упоминания оказались методические подразделения. Причины такой ситуации требуют специального изучения. В зависимости от тематики проекта исследования проводят и другие отделы: краеведческий, комплектования и обработки, массовой работы с читателями, публичный центр правовой информации и т.д. Исследования профильной тематики может возглавлять и специализированный филиал ЦБС, например библиотека семейного чтения. Другой подход – создание временных исследовательских коллективов из специалистов нескольких отделов (зачастую это ведущие подразделения). В единичных случаях, например в ЦГБ г. Стародуба Брянской обл., действуют социологические службы.

В процессе организации и проведения исследований муниципальные библиотеки сотрудничают с различными организациями. Их партнерами выступают областные библиотеки, школы, средние специальные и высшие учебные заведения и библиотеки этих учебных заведений, местные газеты, а также представители местной администрации. Информационную помощь библиотекам оказыва-

ют архивы, краеведческие музеи и отдельные краеведы, специалисты в той или иной сфере. Так, ЦГБ г. Ачинска Красноярского края сотрудничает с центрами занятости, ЦРБ пос. Кромы Орловской обл. – со специалистами сельского хозяйства.

Исследования муниципальных библиотек различаются и по качеству исполнения. Здесь можно выделить несколько уровней.

1) Наиболее качественные исследовательские проекты осуществляются библиотеками, которые тщательно подходят к разработке программы исследования, определению выборки, выбору методов. Результаты этих проектов находят конкретное применение в практике работы. Как правило, такие исследования являются этапом в осуществлении программы по определенному направлению. В этом случае исследователи четко осознают, для чего эти исследования проводятся. Материалы, присланные на конкурс РБА, подтвердили эту тенденцию. Так, заслужившая поощрительную премию работа «Изучение читательских потребностей и развитие интереса к чтению у инвалидов по зрению в Кисловодской ЦБС» представляет собой интересную и практически значимую программу по работе с незрячими, важной составляющей которой была исследовательская деятельность.

2) В ряде исследований программа может быть составлена не совсем грамотно с социологической точки зрения (сказывается недостаток специальных знаний). Однако такие проекты отличает, с одной стороны, достаточно четкое осмысление цели и задач, с другой стороны, творческий подход исследователей. Как следствие, участие в подобных исследованиях представляет интерес для респондентов, а полученные результаты имеют практическую значимость.

3) Часть муниципальных библиотек проводят исследования одной и той же тематики на протяжении ряда лет, действуют при этом по весьма шаблонной схеме, используют в анкете набор стандартных вопросов. Тематика отдельных проектов не имеет отношения собственно к деятельности библиотеки, при этом не сформулированы цели и задачи, не осознана проблемная ситуация, таким образом, практического выхода такие исследования не имеют и оказываются для библиотеки бесполезными.

4) Среди сотрудников муниципальных библиотек продолжает бытовать мнение о нецелесообразности и неэффективности исследовательской деятельности. Здесь может сказываться фактор отсутствия специалистов и специальных знаний, позволяющих оценить значение социологических и маркетинговых исследований для успешного функционирования библиотеки.

Нам было важно оценить уровень профессионального сознания специалистов муниципальных

библиотек, принимающих участие в исследовании «Чтение в библиотеках России» и их отношение к исследовательской деятельности как таковой. Одним из критериев оценки стала рефлексия библиотекарей по поводу проблем, возникающих при проведении ими исследований. Открытый вопрос был сформулирован следующим образом: «С какими проблемами сталкиваются ваши специалисты, проводящие исследования?». Показательно, что самый распространенный ответ свелся к переносу тяжести с собственно исследовательских задач на респондента. Анализ полученных ответов показал, что основная проблема исследовательской деятельности сводится к желанию или нежеланию респондентов принять участие в исследовании. Ответы «анкетлируемые плохо идут на контакт», «нежелание респондентов сотрудничать», «анкетлируемые часто отвечают на вопросы наспех, не задумываясь, чтобы дать полный ответ» являются типичными. С другой стороны, основную аргументацию отсутствия проблем при проведении исследований ярко характеризует следующее высказывание: «Проблем обычно не бывает, жители округа и наши читатели охотно отзываются на участие в исследованиях». В то же время такие трудности, как отсутствие специальных социологических знаний и методик, незнание общих проблем развития общества, занимают весьма незначительное место в ответах респондентов. С нашей точки зрения, это подтверждает широкое распространение в среде библиотекарей муниципального уровня такого стереотипа, как отождествление социологического исследования в целом с этапом сбора данных, тогда как данный этап должен занимать в среднем 10% времени, отведенного на все исследование. Таким образом, многие исследователи муниципальных библиотек не осознают всей сложности данной деятельности, что и приводит к несоответствию полученных результатов ожиданиям, финансовым и временным затратам. Кроме того, как отмечалось выше, часто библиотеки не уделяют должного внимания разработке программы. Как следствие, не всегда обоснованы объем и состав выборки, методы исследования.

Существует определенная путаница в понятиях. Нередко библиотекари отождествляют исследование с одним из методов, отсюда понятия «исследование» и «опрос», «анкетирование» рассматриваются как синонимичные.

Трудности наблюдаются и при обработке и представлении полученных данных. Зачастую простое перечисление ответов на открытый вопрос называют анализом. При графическом отображении результатов не всегда учитывается, насколько оно будет показательным. Отдельные диаграммы и таблицы построены неграмотно. Типичной ошибкой является построение круговых диаграмм при

отображении ответов на множественные вопросы, сумма которых превышает 100% (с этим можно столкнуться даже на страницах профессиональной журнальной периодики).

Тем не менее нельзя обвинять библиотеки в недостаточно серьезном подходе к исследовательской деятельности. Недочеты исследований во многом объясняются проблемами, существующими в библиотечной социологии:

1) *Теоретические*. Накоплен большой эмпирический материал, однако сложно собрать и проанализировать столь большой массив. Несколько лучше обстоят дела с изучением детского и юношеского чтения, в чем немалая заслуга принадлежит РГДБ и РГЮБ. Сотрудники этих библиотек поставили задачу формирования баз данных об исследованиях и исследователях проблем чтения, читателя и библиотеки [14]. С конца 1990-х гг. начали создаваться базы данных «Исследования» и «Исследователи». Регулярно публикуются обзоры исследовательской деятельности в области детского чтения [4, 20, 36, 38, 39].

С исследованиями универсальных библиотек ситуация обстоит сложнее. Лишь отдельные региональные библиотеки занимаются анализом этой работы в республиканском, краевом или областном масштабе. Примерами могут служить Татарстан, Омская область.

Нельзя с точностью говорить и о существовании теории библиотечной социологии. Есть два пособия по библиосоциологии, созданные профессором Алтайского государственного института искусств и культуры Р.А. Трофимовой [30, 31]. С позицией автора можно соглашаться или не соглашаться. Однако общепризнанной теории в настоящее время нет. Один из крупнейших социологов чтения В.Д. Стельмах заметила: «Социология чтения и библиотечного дела как научное направление так и не сформировалось. Соответственно, не сложилась и научная школа». По ее мнению, это направление не было востребовано и оценено «...может быть, по причине чужеродности социологии как самостоятельной науки для библиотечной отрасли – она так и не смогла вписаться со своей методологией и техникой в “чужую” сферу» [28, с. 40]. В настоящее время специалисты говорят не столько о библиотечной социологии, сколько об использовании социологических методов в библиотечных исследованиях.

2) *Методические*. На сегодняшний день слишком мало методических пособий по проведению исследований в библиотеках. Хорошее пособие «Социологические исследования в библиотеках» было создано в 2001 г. специалистами РНБ [27], но его суммарный тираж с учетом допечатки составил около 7 000 экз. С середины 1990-х гг. методические разработки осуществляют многие областные

и краевые библиотеки [19], но, во-первых, не всегда они получали достаточное распространение даже в собственном регионе, во-вторых, не все из них выполнены на должном уровне. Недостаток методических пособий приводит к тому, что они создаются даже силами ЦБС: так, на конкурс РБА было представлено пять таких пособий. Особенно остро нехватка методического обеспечения ощущается в библиотеках малых городов и поселков. Далеко не всегда в фондах небольших библиотек представлена социологическая литература прикладного характера, которая могла бы оказать помощь при проведении исследований. На страницах сборника «Социолог и психолог в библиотеке» неоднократно выдвигалась идея создания документа по исследовательской деятельности для всех библиотек [26], но, к сожалению, такого общего документа пока не существует. Хотя попытки его создания есть, в частности это модельный кодекс этики исследователя, разработанный профессором Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств В.С. Крейденко [9].

Помощь может оказать информация, содержащаяся в Интернете. В настоящее время М.М. Самохина создает электронное пособие «Социолог в библиотеке», с главами которого можно познакомиться на «Странице социолога» информационно-справочного портала «Library.ru» (<http://www.library.ru/1/sociolog/posobie/>). «Страница социолога» представляет также тексты статей и библиографических указателей, посвященных различным аспектам исследовательской деятельности библиотек (<http://www.library.ru/1/sociolog/>). Однако не все библиотеки имеют выход в Интернет.

3) *Практические*. Прежде всего, это касается недостатка в библиотеках квалифицированных специалистов-исследователей. В крупных городах дела обстоят лучше. Нередко библиотекари сотрудничают с профессиональными социологами – специалистами вузов или социологических служб. Продуктивность такого сотрудничества доказала ЦМБ г. Ижевска. Малые города и села такой возможности лишены.

Повышение квалификации сотрудников в области проведения социологических исследований в настоящее время осуществляется лишь в отдельных регионах. В качестве примера можно привести работу НБ Республики Чувашия, которая в рамках системы повышения квалификации своих сотрудников провела в 2005 г. Школу социолога для ведущих специалистов в целях активизации исследовательской деятельности структурных подразделений библиотеки. Сибирский региональный библиотечный центр в мае 2006 г. провел для сотрудников муниципальных публичных библиотек г. Новосибирска однодневный обучающий семинар «Социологические исследования в библио-

теках. Инструменты и правила». На базе Псковской ОУНБ в октябре 2004 г. была открыта ежегодная Всероссийская «Школа качества» для менеджеров библиотек. Структура программы профессиональной переподготовки содержит раздел, посвященный социологическим и маркетинговым исследованиям.

Однако подавляющее большинство библиотекарей российской провинции лишены возможности повышать свою квалификацию в данной сфере. Так, по данным исследования центра чтения РНБ, 86% специалистов, проводящих исследования в муниципальных библиотеках, не проходили специальной подготовки. Библиотекари лишь трех из 28 библиотек обучались на курсах повышения квалификации (Мурманская, Оренбургская обл., Красноярский край). Специалисты еще трех библиотек пополнили свои знания путем самообразования на основе изучения социологической литературы.

Еще одна важная проблема, с которой сталкиваются библиотеки – финансовая. Таким образом, исследовательская деятельность страдает из-за невозможности оплатить транспортные, почтовые расходы, телефонные переговоры, из-за недостаточного технического оснащения. Безусловно, эта деятельность требует и дополнительного времени, на нехватку которого часто ссылаются библиотечные работники.

Существуют и объективные трудности. В связи со значительными законодательными изменениями, когда юридический и экономический статус многих библиотек на местах меняется, основные усилия библиотекарей направлены на определение своего места в жизни населенного пункта. Таким образом, исследовательская деятельность отходит на второй план. С другой стороны, только при постоянном мониторинге читательских интересов местного сообщества библиотека может функционировать наиболее эффективно.

Тем не менее практика показывает, что многое зависит от личности специалиста, и даже при всех существующих проблемах можно проводить максимально результативные исследования.

Массив исследовательских проектов, реализуемых библиотеками, очень велик. Рассмотрим, как и где находит отображение информация о них.

Наиболее доступным для библиотечных специалистов источником информации остаются профессиональные журналы. Однако статей, посвященных непосредственно проведению какого-либо исследования, не так много. В большинстве случаев лишь упоминается о проведении библиотекой того или иного исследования. Конкретные методические разработки на страницах профессиональных журналов встречаются в единичных случаях. Исключением являются научные журна-

лы. В частности, в журнале «Библиосфера» выделена отдельная рубрика «Методология НИР». Материалы, опубликованные под этой рубрикой, отражают теорию, методику и практику современных социологических исследований библиотечного дела [1, 3, 5, 10, 13, 23, 24, 32]. В журнале «Библиотековедение» имеется рубрика «Книга – чтение – читатель», где в подрубике «Человек читающий» регулярно публикуются статьи по результатам исследований.

Значительная часть представленных в прессе исследовательских проектов по чтению либо осуществляются детскими и юношескими библиотеками, либо проводятся в библиотеках для взрослых, но касаются детей и молодежи. Анализ профессиональных журналов за 2004–2006 гг. показал, что эта тенденция, появившаяся еще в середине 1990-х гг., сохраняется по сей день. В 2000-х гг. активизировалась исследовательская деятельность вузовских библиотек. Типовые положения о научных библиотеках вузов включают в себя пункт об изучении информационных потребностей пользователей. Знакомство с публикациями по результатам этих исследований позволяет говорить о том, что они выполнены на достаточно высоком профессиональном уровне с использованием разнообразных методик и исследовательских процедур [8, 12, 21, 29]. Информации об исследованиях чтения взрослых в муниципальных библиотеках в профессиональной печати мало. Речь идет не о простом упоминании, что было проведено исследование, – это встречается достаточно часто. Редко становится предметом публикации собственно содержание исследовательской деятельности.

К сожалению, представленные в журналах статьи об исследованиях не всегда проходят должную редактуру, таким образом, в печать попадают материалы с неграмотными формулировками или с плохо оформленными графическими материалами. Это особенно опасно, если учесть, что библиотекари с мест, доверяя публикациям в центральных журналах и не имея должного методического обеспечения, могут необдуманно копировать эти ошибки.

Таким образом, количество и качество информации, отображаемой в библиотечной печати, еще раз подтверждают существующие проблемы.

Картину исследовательской деятельности на местах дают издания региональных библиотек. Так, Омская ОНБ на протяжении ряда лет публикует в издаваемых ею годовых отчетах о работе список всех исследований, проведенных муниципальными библиотеками области [16]. Сборник «Омская библиотечная панорама» содержит публикации, в которых представлены не только результаты проведенных исследований, но и их программы, инструментарий, методика [35].

В отчете Псковской ОУНБ за 2005 г. обзору исследовательской деятельности ЦБС впервые посвящена отдельная глава [6]. В периодическом издании «Библиотечная жизнь Псковщины» есть рубрика «Изучение читателей и чтения».

«Библиотечный вестник Карелии», посвященный итогам 2005 г., также содержит обзор исследовательской деятельности библиотек, кроме того, одна из статей посвящена изучению чтения молодежи, и к ней прилагается анкета [2]. На страницах вестника публикуются обзоры исследований отдельных ЦБС [11].

В 2006 г. НБ Республики Чувашия выпустила сборник, в котором нашли отражение результаты социологических исследований, проведенных библиотеками республики [15].

Среди муниципальных библиотек активную издательскую деятельность ведет ЦМБ г. Ижевска. В сериях «НИР в муниципальной библиотеке», «Практикум» публикуются результаты социологических исследований. Непосредственно методическим и организационным проблемам посвящена серия «Социологический дайджест», в которой вышло около 30 выпусков.

Результаты региональных исследований также могут быть представлены на страницах сборников материалов конференций и круглых столов и сборников научных трудов библиотек и вузов культуры. Примером может служить прекрасная книга, созданная силами специалистов ГПНТБ СО РАН [7]. Однако тиражи подобных изданий крайне незначительны, таким образом, возможность для получения этой информации в масштабах страны ограничена.

Более доступны широкому кругу специалистов данные, представленные в сети Интернет. Опять же, значительная часть материалов в сети касается исследований детских библиотек. На сайте РГДБ имеется рубрика «Исследования детского чтения», затрагивающая исследования как самой РГДБ, так и библиотек регионов и представляющая полные тексты публикаций (<http://www.rgdb.ru/research.asp>). Сайты некоторых универсальных библиотек также публикуют информацию об исследовательской деятельности не только в своей библиотеке, но и на территории России. В качестве примера можно привести сайты НБ Республики Татарстан (<http://www.kitaphane.ru/present/index.shtml>), ЦГБ г. Новоуральска (<http://www.library.novouralsk.ru/lib-publish-bestworks-1.html>). Некоторые библиотеки размещают на сайте достаточно подробную информацию об исследовательской деятельности своей библиотеки или библиотек своего региона. ЦМБ г. Ижевска представляет в сети информацию о содержании всех выпусков «Социологического дайджеста», кроме того, здесь содержится информация о предпосылках и основных направлениях научно-исследовательской деятельности библио-

теки (<http://www.nekrlib.udm.ru/n24.htm>). На сайте Национальной библиотеки Республики Коми опубликован обзор прикладных исследований сельских библиотек республики (<http://www.nbrk.komi.com/sociol.html>). На сайте Тверской ОУНБ представлен сборник докладов научно-практической конференции «Чтение в тверских библиотеках» (<http://www.library.tver.ru/document/d-0436.htm>).

Обращает на себя внимание разница в подходах региональных библиотек к представлению информации в сети. Одни библиотеки информируют пользователей сети о результатах своей деятельности по изучению чтения, другие только упоминают о проведении того или иного исследования, третьи вообще не дают никакой информации о научно-исследовательской работе.

Подводя итоги всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) Сегодня существует огромный массив библиотечных исследований в области чтения.

2) Для муниципальных библиотек наиболее перспективным является проведение исследований в русле конкретных программ и проектов по актуальным направлениям деятельности, что позволяет получить наиболее значимые для библиотечной практики результаты.

3) Главные проблемы библиотечной социологии, требующие решения в ближайшее время, – это разработка теоретических вопросов, методическое обеспечение исследовательской деятельности библиотек, обобщение и анализ накопленного эмпирического материала.

Тем не менее, несмотря на существующие проблемы социологии чтения и библиотечной социологии, библиотеками России накоплен большой положительный опыт. Возрастает качество и эффективность проводимых исследований. Отрадно сознавать, что библиотечным исследованиям уделяется все большее внимание как со стороны ученых-библиотечников, так и библиотечных практиков.

Список литературы

1. Афанасьева, О. И. Об актуальных проблемах изучения и продвижения чтения в Республике Саха (Якутия) // Библиосфера. – 2005. – № 2. – С. 35–38.
2. Библиотечный вестник Карелии. Вып. 19 (26). Библиотеки Карелии в 2005 году / Нац. б-ка Респ. Карелия; [отв. ред. и сост. В. П. Лапичкова]. – Петрозаводск, 2006.
3. Варанова, Г. В. Кейс-стадис как метод научного исследования // Библиосфера. – 2006. – № 2. – С. 36–42.
4. Детское чтение на рубеже веков. Проблемы. Исследования. Прогнозы: сб. науч. тр. Ч. 1–2 / сост.: Е. И. Голубева, В. П. Чудинова, Л. П. Михайлова. – М., 2001.
5. Езова, С. А. Ситуационный анализ в изучении библиотечных явлений // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 37–38.

6. Исследовательская деятельность муниципальных библиотек // Библиотечная жизнь Псковщины. – Псков, 2006. – Вып. 1 (21). – С. 74–83.
7. Книга, общество, читатель: современные аспекты : сб. науч. тр. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; ред. В. Н. Волкова. – Новосибирск, 2004. – 233 с.
8. Кожевникова, Е. С. Читатель и Интернет // Библиотекосведение. – 2005. – № 2. – С. 35–41.
9. Крейденко, В. С. О кодексе профессиональной этики исследователя библиотечной отрасли // Методология исследовательской работы. – СПб., 2001. – Вып. 6. – С. 23–25.
10. Крейденко, В. С. Полнотекстовое ретроспективное интервью: к конструированию специального метода для изучения библиотечной отрасли // Библиосфера. – 2006. – № 1. – С. 40–42.
11. Кузьмина, В. В. Исследовательская деятельность библиотек Кемской ЦБС // Библиотечный вестник Карелии. – Петрозаводск, 2005. – Вып. 16 (23). – С. 95–98.
12. Куракова, Е. В. Библиотечные ресурсы и услуги: социологическое исследование / Е. В. Куракова, А. В. Баранникова // Новая б-ка. – 2006. – № 2. – С. 28–35.
13. Матвеев, М. Ю. Использование художественной литературы при анализе проблем, связанных с имиджем библиотек: методические вопросы // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 32–36.
14. На пути к созданию профессионального сообщества / Л. С. Бахурина [и др.] // Юношеские библиотеки России. – М., 1999. – Вып. 4 (11). – С. 18.
15. Национальная библиотека Чувашской Республики: научный ракурс : материалы социолог. исслед. / Нац. б-ка Чуваш. Респ. ; сост.: Р. Н. Глухова, Т. Ф. Селиванова. – Чебоксары, 2006. – 52 с.
16. Омская библиотечная панорама. Вып. 5 / Ом. гос. обл. науч. б-ка ; сост.: С. Г. Борина, Ю. Н. Емельянова ; отв. ред. Л. В. Лапина. – Омск, 2004. – 104 с.
17. Организация обслуживания читателей в Национальной библиотеке: итоги социологического исследования. III этап / Нац. б-ка Респ. Татарстан ; сост. Э. Г. Хусаинова ; отв. ред. Р. У. Измайлова. – Казань : Милли китап, 2000. – 85 с.
18. Орлова, Т. Две стороны одной медали. Читаем для себя или для работы // Библиотека. – 2000. – № 1. – С. 80–81.
19. Проведение социологических исследований в библиотеках : метод. рекомендации / Орлов. обл. публич. б-ка ; сост. Л. С. Глоба. – 2-е изд. – Орел, 2003. – 28 с.
20. Рудишина, Т. Кто на кого похож?: Социологические исследования в детских, юношеских и школьных библиотеках на страницах профессиональной печати // Библиотека в школе. – 2003. – № 6. – С. 8–10.
21. Свергунова, Н. В зеркале социологического анализа: Библиотека глазами студента // Библиотечное дело. – 2005. – № 8. – С. 11–13.
22. Селиванова, Т. Ф. «Социальный облик читающей Чувашии» (по итогам социологического исследования) // Библиотекосведение. – 2006. – № 3. – С. 56–60.
23. Соколов, А. В. Методы изучения ценностных ориентаций студенчества // Библиосфера. – 2006. – № 1. – С. 40–42.
24. Соколов, А. В. Мысленный эксперимент как метод культурфутурологии // Библиосфера. – 2006. – № 3. – С. 30–31.
25. Социальный облик читающей Чувашии (по материалам социологического исследования) / Нац. б-ка Чуваш. Респ. ; сост.: А. А. Деомидова, Т. Ф. Селиванова. – Чебоксары, 2005. – 28 с.
26. Социолог и психолог в библиотеке. Вып. 1–4 / Рос. гос. юнош. б-ка. – М., 2001–2002.
27. Социологические исследования в библиотеках : практ. пособие / сост.: И. Г. Васильев, М. Е. Илле, Д. К. Равинский. – СПб., 2001. – 176 с.
28. Стельмах, В. А за державу по-прежнему обидно / беседу вел В. Крахотина // Библиотека. – 2005. – № 11. – С. 37–40.
29. Татарова, С. П. «Читающая Бурятия»: опыт исследования читательских интересов // Библиотекосведение. – 2006. – № 1. – С. 71–76.
30. Трофимова, Р. А. Библиосоциология: научный статус, методология и методика / Р. А. Трофимова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Изд-во АГИИК, 2002. – 164 с.
31. Трофимова, Р. А. Исторические и теоретические начала библиосоциологии / Р. А. Трофимова. – Барнаул : Изд-во АГИИК, 2002. – 190 с.
32. Трофимова, Р. А. Основные направления социологических исследований отечественного библиотечного дела: к постановке вопроса о библиосоциологии // Библиосфера. – 2005. – № 2. – С. 13–22.
33. Фрост, О. Роль книги и чтения в жизни Южно-Уральского села // Библиополе. – 2006. – № 1. – С. 13–22.
34. Частикова, Э. Нас не разгадать вовек // Библиотека. – 2000. – № 5. – С. 72–73.
35. Чернявская, Н. Л. «Русская классическая литература в современной библиотеке»: итоги социологического исследования // Омская библиотечная панорама. – Омск, 2004. – Вып. 5. – С. 77–89.
36. Читали! Читают! Будут читать? : сб. ст. о дет. чтении / Рос. гос. дет. б-ка ; ред.-сост. Е. И. Голубева. – М., 2003. – 68 с.
37. Чтение в библиотеках России : информ. изд. Вып. 1–5 / Рос. нац. б-ка. – СПб., 1997–2004.
38. Чудинова, В. П. Чтение детей России в 1990-е годы (по материалам региональных исследований) // Библиотекосведение. – 2000. – № 1. – С. 75–81 ; № 2. – С. 62–66.
39. Юный читатель и книжная культура России : материалы исследования : сб. ст. / Рос. гос. дет. б-ка ; сост.: Е. И. Голубева, В. П. Чудинова. – М., 2003. – 112 с.

Материал поступил в редакцию 9.04.2007 г.

Сведения об авторах: Ялышева Вера Викторовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, тел.: (812) 710-57-85; e-mail: consult@nlr.ru
 Степанова Анна Сергеевна – научный сотрудник, тел.: (812) 710-57-85; e-mail: consult@nlr.ru

Вышли в свет

УЧЕБНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

Вьюжанина, О. М. Тенденции развития документального потока педагогической литературы и его отражение в фондах ГПНТБ СО РАН : конспект лекций / О. М. Вьюжанина ; отв. за выпуск Е. Б. Артемьева ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2007. – 72 с. ; 60×84/16. – 200 экз. – (В обл.) : 80 р.

Рассматриваются тенденции развития документального потока по педагогике, особенности его развития, а также библиографические ресурсы и методы их анализа. Особое внимание уделяется исследованию состояния фондов педагогической литературы в ГПНТБ СО РАН, характеризуется система обслуживания читателей этой литературой.

Для студентов библиотечно-информационных специальностей гуманитарных вузов и библиотечных специалистов.

Дергилева, Т. В. Научно-методическая деятельность центральных библиотек: организация и приоритетные направления : учеб.-метод. пособие / Т. В. Дергилева ; науч. ред. Л. А. Кожевникова ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2007. – 84 с. ; 60×84/16. – 400 экз. – (В обл.) : 110 р.

Учебно-методическое пособие состоит из двух разделов: «История развития и становления методической работы библиотек» (теоретический раздел); «Методики организации и проведения методической работы центральных библиотек ЦБС» (практические руководства).

Для руководителей и методистов централизованных библиотечных систем различных организационно-правовых форм, слушателей системы дополнительного профессионального образования.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ПО ЭКОЛОГИИ

Экологическое сопровождение разработки нефтегазовых месторождений. Вып. 3. Современные методы изучения болотных систем. Регламентирование деятельности недропользователей в условиях Западной Сибири : аналит. обзор / А. Г. Гендрин [и др.] ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, ТомскНИПИнефть ВНК. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2007. – 111 с. : ил.+вкл. табл. : 135 р.

Третий выпуск серии «Экологическое сопровождение разработки нефтегазовых месторождений» посвящен экологическим проблемам, связанным с воздействием нефтегазовой промышленности на водные ресурсы.

Представлен опыт использования аэрокосмической информации и методов дешифрирования снимков. Рассмотрены вопросы оценки экологической ситуации водных объектов при пересечении трубопроводов и инженерно-геологический мониторинг участков подводных переходов.

Обзор предназначен для специалистов в области охраны окружающей среды и природопользования, а также для преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

УДК 655.4(091)(470)"17"
ББК 76.17

ВОЕННОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В РОССИИ В XVIII в. ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© С.Ю. Дутов, С.Н. Лютов, 2007

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Впервые предпринята попытка обобщить и проанализировать статистические сведения, отражающие динамику выпуска военных изданий в России в XVIII в. и основные тенденции формирования ведомственного книжного массива.

Ключевые слова: военное книгоиздание, статистика, ведомственный книжный массив, тематика военных изданий.

История книги и книжного дела в России в XVIII в. остается одной из привлекательных тем для исследователей. Несмотря на то что основные проблемы издания, распространения и использования книги с разной степенью детализации освещены в трудах специалистов, изучение частных вопросов позволяет выявлять новые интересные сведения, дополняющие историю книжной культуры этого столетия. К числу таких вопросов относится и история становления военного книгоиздания в России в XVIII в. Имеющиеся немногочисленные публикации по этой теме посвящены в основном петровскому времени, а попытки отразить в цифрах динамику формирования ведомственного книжного массива в разные периоды данного столетия дают очень противоречивые сведения.

Так, Н.Н. Обручевым в «Обзоре рукописных и печатных памятников относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год», напечатанном в 1853 г., представлена следующая статистика: за период правления Петра I, с 1696 по 1725 г., по военному делу было напечатано «оригинальных сочинений... 10, переводных 13»; с 1725 по 1761 г. «на каждые 6 лет едва приходится по одному переводу и одному оригинальному сочинению»; за годы царствования Петра III, Екатерины II и Павла I число оригинальных сочинений «простирается до 37, а переводных – до 44» [1].

Спустя более ста лет, в 1968 г. Е.Е. Колосов в статье «Русская военная книга петровского времени» указывает, что с 1699 по 1706 г. в России была напечатана лишь одна военная книга, а после введения гражданского шрифта с 1708 по январь 1725 г. вышло в свет 115 военных и военно-

морских изданий, что составляло 36% от всех книг гражданской печати [2]. При этом Е.Е. Колосов не упоминает статистику Н.Н. Обручева, а в подсчетах ссылается на труд П.П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862) и указатели Т.А. Быковой и М.М. Гуревич «Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г.» (М. ; Л., 1958) и «Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.» (М. ; Л., 1955).

В 2006 г. вышла в свет монография И.Е. Баренбаума «Французская переводная книга в России в XVIII веке», в которой автор весьма подробно и интересно описывает историю перевода и издания французских книг по военному делу, которых он насчитал: с 1708 по 1724 г. – 5; во второй четверти XVIII в. – 2; во второй половине столетия – 25 [3].

Такова, в общих чертах, статистика военного книгоиздания в России в XVIII в., выявленная в опубликованных к настоящему времени работах. Считать ее исчерпывающей нельзя, а использовать можно лишь для статистического подкрепления при анализе отдельных фрагментов истории книги. Кроме того, ряд показателей, особенно по отдельным тематическим разделам, нуждаются в уточнениях. Если по общим показателям выпуска военных книг в первой четверти XVIII в. наши подсчеты незначительно расходятся с ранее опубликованной статистикой, то попытки классифицировать военные издания по тематическим разделам выявляют различие в подходах, особенно при идентификации «Регламентов», «Реляций», некоторых исторических изданий, а также в подсчетах повторных и многотомных изданий,

выпуск которых продолжался в течение нескольких лет.

По нашему мнению, главными причинами расхождений и противоречий в статистике военного книгоиздания на ранних этапах его становления является, во-первых, отсутствие единства в предлагаемых вариантах периодизации истории военной книги XVIII в., во-вторых, использование авторами разных критериев отнесения того или иного издания к военной книге, и, в-третьих, разные методики подсчетов, особенно в рамках тематических разделов или групп изданий.

Исходным пунктом нашего анализа стало максимально полное выявление совокупности военных изданий XVIII в. с использованием всех доступных каталогов, сочинений отдельных авторов и электронных баз данных [4]. Перечень выявленных книг военной тематики составил 762 издания с учетом повторных выпусков¹. Если учесть, что всего за столетие в России было напечатано 9 513 печатных книг (не считая церковно-служебных книг, газет и журналов) [5], то доля военных изданий составит 8%. Это высокий показатель, если сравнить его с аналогичной статистикой XIX в., когда доля книг по военному делу в общих показателях книгоиздания составляла от 6 до 3% [6].

Для выявления наиболее значимых тенденций в динамике развития военного книгоиздания целесообразно, на наш взгляд, придерживаться общеизвестной периодизации – по времени пребывания у власти очередных правителей России. При этом общий массив военных книг, напечатанных за столетие, распределился следующим образом: за время правления Петра I (1699 – январь 1725 г.) вышло в свет 244 издания по военному делу; при первых преемниках Петра Великого – Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне (1725–1740 гг.) – выпуск военных книг ограничился 21 изданием; время правления Елизаветы Петровны (ноябрь 1741 – декабрь 1762 г.) оставило потомкам 60 военных изданий; в «золотой век» Екатерины II (1763 – 1796 гг.) было выпущено и переиздано разными тиражами 357 названий книг военной тематики; за время пребывания на троне Павла I (ноябрь 1796 – март 1801 г.) массив военной книги пополнился 80 изданиями.

Наиболее рельефно картина выпуска военной литературы в России в XVIII в. предстает в сочетании статистики с тематическим анализом формировавшегося ведомственного книжного массива (таблица на с. 15).

Представленные в таблице сведения, обобщенные по периодам и тематическим разделам, могут уточняться и подвергаться критике или быть пред-

¹ Выявлены еще 9 книг, но сведения о форме их существования (рукописной или печатной), о месте и времени выпуска пока неизвестны.

ставленными в других вариантах, но в целом они позволяют характеризовать условия и тенденции, определявшие эволюцию военной книги в XVIII в.

Период правления Петра I отличается от других количеством указов и уставов, наставлений, что обусловлено его личными качествами и стремлением сформировать законодательно-нормативную базу для вооруженных сил, создававшихся на принципиально новых основах. Отсутствие к началу XVIII в. военных законодательных актов и уставов², отвечавших требованиям времени и целям преобразований, восполнялось тиражированием с помощью печатного станка многочисленных царских указов по вопросам устройства, содержания и деятельности полков регулярной армии и флота. Этим же объясняется ежегодное печатание всевозможных инструкций и наставлений, разработанных по указанию и с участием Петра I. Наиболее типичным для начала века изданием является «Краткое обыкновенное учение, с крепчайшим растолкованием, в строении пеших полков, как при том поступати, и во усмотрении имети надлежит господам капитаном, и прочым начальным, и оурядником»³, печатавшееся кириллицей в Москве в 1699, 1700 (дважды), 1702, 1704 гг. и по своему содержанию представлявшее прообраз строевого устава для полков регулярной армии. Для кавалерии на рубеже 1700–1701 гг. было разработано аналогичное «Краткое положение о учении конного драгунского строя»⁴. Первой инструкцией для флота стали «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте его царского величества», напечатанные в Москве в мае 1708 г. числом 200 экз.

Многочисленность указов и инструкций объясняется еще и желанием Петра I апробировать в этих указах и инструкциях те принципиальные положения, которые должны были составить нормативную базу вооруженных сил обновляющегося государства. Статьи указов и инструкций, корректировавшиеся при каждом новом издании и выдержавшие проверку временем и войной, составили основу трех выдающихся военных законоположений Петровской эпохи: «Артикул воинский купно с процессом надлежачи судящим» (СПб., 1715),

² До начала XVIII в. русское войско руководствовалось переводным уставом «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г. и «Воинским уставом», составленным в 1698 г. и посвященным Петру Великому генералом Вейде, но этот устав, составленный по опыту армий европейских государств, был распространен лишь в рукописных экземплярах и в XVIII в. не печатался.

³ Авторство данной инструкции, по свидетельству некоторых источников, принадлежит Якову Головину и Петру I. См.: Буганов, В. И. Петр Великий и его время. – М., 1989. – С. 55.

⁴ Сведений о печатании данной инструкции не выявлено. По всей видимости, немногочисленность кавалерии позволяла обходиться рукописными экземплярами.

Динамика выпуска военных изданий в России в отдельные годы XVIII в.

Тематический раздел	1699–1725	1726–1740	1741–1762	1763–1796	1797–1801	Всего
Императорские указы по военным вопросам	66	1	5	18	2	92
Уставы, артикулы, инструкции, наставления для сухопутных войск	30	6	17	65	20	138
Книги общевойсковой тематики	1	-	5	24	1	31
Уставы, артикулы, регламенты, сигналы для военно-морского флота	53	3	9	18	7	90
Книги общеморской тематики	5	1	1	15	3	25
Книги по фортификации	14	1	2	19	3	39
Книги по артиллерии	5	1	2	9	1	18
Военно-исторические сочинения	17	3	7	57	13	97
Реляции, журналы и дневники боевых действий	26	-	2	19	2	49
Книги о штатах, наградах, обмундировании и обеспечении войск	2	4	6	78	27	117
Посвящения, оды	25	1	4	35	1	66
Итого	244	21	60	357	80	762

«Книга устав воинский о должности генералов, фелт маршалов, и всего генералитета, и прочих чинов которые при воиске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно» (СПб., 1716), «Книга устав морской, О всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море» (СПб., 1720). История подготовки и издания этих книг в исторической и книговедческой литературе изложена весьма подробно, но с точки зрения статистики подчеркнем их востребованность на протяжении длительного времени: «Устав воинский...» при жизни Петра I выпускался 6 раз, а за столетие выдержал 21 издание разными тиражами; «Устав морской...» переиздавался 15 раз в XVIII в. и оставался действующим до середины XIX в., с небольшим перерывом (1797–1804 гг.), вызванным попыткой Павла I ввести новый «Устав военного флота»; «Артикул воинский...» полтора века служил главным военно-уголовным кодексом для лиц военного звания и на протяжении XVIII столетия 15 раз печатался отдельным изданием и 10 раз в одном переплете с «Уставом воинским...».

Другая тенденция военного книгоиздания, зародившаяся при Петре I, – активная переводческая деятельность в интересах развития военного дела. Этот аспект развития военной книги весьма подробно проанализирован в вышеупомянутых работах Е.Е. Колосова и И.Е. Баренбаума, но анализ переведенных и напечатанных в России при Петре I иностранных военных сочинений вполне опреде-

ленно свидетельствует не о копировании и насаждении догм европейских военных авторитетов, а о критическом переосмыслении передовых для того времени достижений военной науки и творческом их применении в интересах формирования базиса национальной военной науки и внедрения в практику обучения и воспитания войск. Всего, по нашим подсчетам, было переведено более 20 книг с французского, голландского, немецкого, английского, датского, шведского и латинского языков.

Печатание переводных и национальных сочинений и документов позволило заметно расширить военно-издательский репертуар. Наряду с уставами и инструкциями появились книги по фортификации – 14 изданий, артиллерии – 5 изданий, военно-морскому делу – 58 изданий, военно-исторические сочинения – 17 изданий.

При анализе статистики первой четверти XVIII в. нельзя не заметить стремление первого российского императора сохранить для истории в печатном виде победы армии и флота (26 изданий реляций и журналов боевых действий) и широко распропагандировать эти успехи в народе, печатая оды и посвящения (25 изданий). Такие издания способствовали внедрению в общественное сознание нового статуса вооруженных сил и их значимости в формировании престижа России в международных делах.

В целом среднестатистический показатель – более 9 военных изданий в год на начальном этапе становления книгоиздания – свидетельствует о

том, какое большое внимание уделялось военной книге в период преобразований и создания регулярной армии и флота.

При первых преемниках Петра I – Екатерине I, Петре II и Анне Иоанновне – темпы книгоиздания в России замедлились. За 15 лет, с 1725 по 1740 г., по подсчетам И.Е. Баренбаума, было выпущено 616 книг на русском и иностранных языках [7]. Число военных книг, напечатанных за эти годы, ограничилось, по нашим подсчетам, 21 изданием (3,4%). Одна из причин такого положения заключается в том, что после смерти Петра I произошло перераспределение полиграфической базы без учета потребностей общества и вооруженных сил в военной книге. Типографии были оставлены «... в Санкт-Петербурге в двух местах, а именно: для печатания указов в Сенате, для печатания ж исторических книг, которые на российский язык переведены и в Синоде апробированы будут – при Академии; а прочим, которые здесь были в Синоде и в Александрове монастыре Невского, то перевести в Москву со всеми инструментами, и печатать только одни церковные книги... под ведением синодским» [8]. Заказы на выпуск военных книг выполнялись в эти годы в основном в типографии Академии наук (12 книг), 5 книг напечатала типография Сената, 2 издания морской тематики вышли в свет из типографии Морской академии.

Другая причина усматривается в деятельности президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала Миниха, не осмеливавшегося отменить «Устав воинский...» 1716 г., но рассылавшего в войска рукописные разъяснения, изменявшие суть уставных положений. В рукописном же виде в 1731 г. в войска был направлен составленный под руководством Миниха «Пехотный строевой устав», с описанием мелочей, «противных духу Петровского показа», и известный как «Прусская экзерциция». Рукописный устав для кавалерии «Экзерциция конная» («Кирасирская экзерциция») также был переводом прусского устава и внедрялся в практику обучения конницы с «теми же вредными последствиями, как и в пехоте» [9]. Нововведения Миниха были встречены в полках без одобрения, офицеры продолжали руководствоваться петровскими уставами, что привело к переизданию в типографии Академии наук «Артикула воинского...» в 1735 г. и «Устава воинского...» в 1737 г.

За этот период не издавались книги по фортификации и инженерному делу⁵, а по артиллерии в 1732–1733 гг. академической типографией были

напечатаны в двух томах переведенные еще в петровское время «Мемории или записки артиллерийские...» П. Сюриера де Сен-Реми в исправленном переводе и новой редакции В.К. Тредиаковского.

Даже война с Турцией 1735–1739 гг. не пополнила перечень военных книг сочинениями русских военачальников или историков. В типографии Академии наук были напечатаны переведенные на русский язык сочинения графа де Марсильи «Военное состояние Оттоманской империи» (1737 г.) и Г.З. Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу...» (1738 г.).

Оживление в военном книгоиздании наступило с вступлением на престол в 1741 г. дочери первого российского императора Елизаветы Петровны. Ее приверженность петровским основам в развитии военного дела вполне определенно просматривается в высочайшем указе от 15 января 1742 г., в котором объявлялось повеление «экзерциции и барабанному бою быть как при Петре I» [10]. Подтверждением этому стало активное переиздание петровских уставов и инструкций: «Устав воинский...» – 4 издания, «Артикул воинский...» – 5 изданий, в 1746 г. был переиздан «Устав морской...», неоднократно переиздавались «Генеральная сигналы для надзирания в российской карабельном флоте...» и «Инструкция и сигналы, которые надлежит обсервовать во время бою».

Наряду с возрождением петровских основ развития военного дела, середина XVIII в. не стала исключением в попытках внедрения новых воинских уставов. Инициатором в этом деле выступил генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов. Под его руководством был разработан и опубликован в 1755 г. новый устав «Описание пехотного полкового строю», который предусматривал изменение содержания, форм и методов боевой подготовки войск. Однако в отличие от устава 1716 г. в нем не были разработаны все вопросы полевой и гарнизонной службы и не определены обязанности воинских чинов. Для кавалерии была издана «Экзерциция и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии 1755 года». Военные историки, указывая на сложность нововведений П.И. Шувалова, отмечали, что «уставы 1755 г., отрешившись от взглядов Петровского устава 1716 года на относительное значение в бою удара и огня, удалились от него и по духу» [11]. По мнению А.А. Керсновского, уставам 1755 г. «суждено было остаться мертвой буквой для большей части русской армии» [12]. Однако выявленный в Новосибирской областной научной библиотеке экземпляр «Экзерциции... кавалерии 1755 г.» с автографом прапорщика Семеновского полка, датированным 1767 г., свидетельствует о том, что так назы-

⁵ В вышедшей в 1730 г. книге Я. Германа и Н. Делиля в переводе И.С. Горлицкого «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» часть III под названием «Содержащая фортификацию» состояла из компиляций известных сочинений по военной архитектуре Вобана, Кугорна и др.

ваемые шуваловские уставы сохранялись офицерами и после введения уставов и полковничьих инструкций, разработанных Военной комиссией в 1763–1766 гг.

Всего за период правления Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.) было напечатано 60 изданий военной тематики, большинство из которых вышло в свет из типографий Академии наук и Московского университета. Но очень важным достижением этого периода, заложившим долгосрочную перспективу развития военного книгоиздания в России, следует считать расширение производственной базы путем создания типографий при военно-учебных заведениях. С учреждением в 1752 г. Морского шляхетного кадетского корпуса в штат этого корпуса в полном составе была передана типография Морской академии. По образцу и опыту работы типографии Морского шляхетного кадетского корпуса в 1757 г. Правительствующий сенат приказал учредить типографию в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе – «для печатания ко обучению находящихся при том корпусе унтер-офицеров и кадетов книг и прочего, к воинским обрядам принадлежащего» [13]. В 1759 г. по инициативе П.И. Шувалова была учреждена типография при Артиллерийском инженерном кадетском корпусе. Открытие специализированных по родам войск военно-учебных заведе-

ний с большой пользой отразилось на развитии различных отраслей военной науки и практики, а создание при кадетских корпусах типографий способствовало последующей тематической дифференциации военных изданий. Для подготовки офицеров стали более востребованы как переводы иностранных военных сочинений, так и труды русских военных специалистов, среди которых «Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и кавалером, графом Петром Ивановичем Шуваловым, и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления в артиллерийских школах» (СПб., 1760) и «Начальные знания теории и практики в артиллерии с приобщением гидростатических правил с задачами и фигурами. Собранное капитаном артиллерии Михайлом Даниловым» (М., 1762).

Позитивные начинания в выпуске военных книг, сформировавшиеся в первой четверти и в

середине XVIII в., получили новое развитие в период правления Екатерины II, с июля 1762 по ноябрь 1796 г., который исследователи характеризуют «вновь пробудившейся деятельностью в нашей военной литературе» [14]. К числу первых мер, давших новый импульс развитию военного книгоиздания, следует отнести создание в апреле 1763 г. военной типографии при Военной коллегии и деятельность Военной комиссии, разработавшей с 1763 по 1766 г. новые уставы: «Пехотный строевой устав 1763 года», «Устав воинский о конной экзерциции 1763 г.», «Дополнительные главы к Генераль-

Титульный лист устава для кавалерии 1755 г., напечатанный в типографии Академии наук, с дарственной надписью прапорщика Семеновского полка, датированной 18 августа 1767 г.

(Экземпляр Новосибирской областной научной библиотеки. Выявлен С.Ю. Дутовым)

ному уставу по полевой службе 1765 г.», «Инструкция пехотного полка полковнику» (1764 г.), «Инструкция конного полку полковнику» (1766 г.).

Принятые уставы, обобщившие опыт Семилетней войны 1756–1763 гг., оставались действующими в продолжение всего царствования Екатерины II. «Пехотный строевой устав» переиздавался 5 раз, «Устав воинский о конной экзерциции» – 3 раза, «Дополнительные главы к Генеральному уставу по полевой службе» – 6 раз, «Инструкция пехотного полка полковнику» 5 раз издавалась в 1764 г. и переиздавалась в 1784 и 1789 гг., «Инструкция конного полку полковнику» – 3 раза. Новые уставы, следуя инструкции Екатерины II, данной членам комиссии, «не колебать старого основания», развивали принципиальные положения петровских уставов, что подтверждается и фактами переизданий «Устава воинского...» 1716 г. (11 раз), «Артикула воинского...» 1715 г. (5 раз), «Устава морского...» 1720 г. (8 раз).

Интересно мнение об этих уставах известного военного деятеля, историка и юриста П.О. Бобровского, который, рассматривая значение «Пехотного строевого устава» и «Инструкции полковничьей пехотного полка» для развития русской пехоты, о первом уставе писал, что он «и по букве и по духу есть слепое подражание фридриховскому боевому порядку, которому отдавала предпочтение вся Европа...», а «Инструкция полковничья...», по его мнению, воспроизводила «идею Петра I о нравственном элементе в воспитании солдата как главном условии для достижения успеха в бою» и «открывала деятельному и сведущему командиру полка свободное поле для развития военного образования...» [15]. Подмеченная особенность заимствования передовых идей в развитии военного дела и творческое их развитие в практике боевой подготовки русских войск с учетом национального «нравственного элемента» находит подтверждение в авторских сочинениях известных военачальников Екатерининской эпохи, в числе которых «Учреждение», «Обряд службы» и «Мысль» П. Румянцева, «Полковое учреждение» и «Наука побеждать» А. Суворова, «Наставление от предводителя Второй армии...» П. Панина, «Примечания о пехотной службе вообще и о егерской особенно» М. Кутузова. Некоторые из этих трудов, в том числе и «Наука побеждать», в XVIII в. оставались в рукописном виде, но вложенный в них потенциал военной мысли давал пищу для осмысления многим поколениям военных теоретиков и практиков.

«Золотой век Екатерины» был беспрецедентным по уровню военной активности. Россия вела восемь внешних войн, и каждая война обуславливала качественный сдвиг в эволюции военного дела, что, в свою очередь, требовало отражения этих изменений в военной литературе. Всего с 1763 по 1796 г. в России было напечатано различными тиражами 357 изданий военной тематики. Императорских указов, по сравнению с первой четвертью XVIII в., публиковалось значительно меньше, что свидетельствует о большом доверии императрицы Военной коллегии, готовившей к выпуску уставы, инструкции и наставления. Значительно возросло количество книг для сухопутной армии (117 изданий). Более чем в два раза по сравнению с двумя предыдущими периодами увеличилось число книг военно-морской тематики (34 издания). Развитие инженерного дела и артиллерии отразилось в последовательном увеличении количества книг по этим отраслям военного дела. Особо следует подчеркнуть многократно возросшее число книг в разделах общевойсковой и общеморской тематики, включающих издания военно-научного, военно-учебного, военно-прикладного характера, востребованные в различных сферах воинской деятельности. Процесс всестороннего обновления армии и

флота в екатерининский период нашел отражение в 78 изданиях, посвященных введению новых штатов, новых наград, нового обмундирования.

На екатерининский период приходится более 50 изданий военно-исторической тематики. Наряду с повторными выпусками уже известных российскому читателю военно-исторических книг, появились новые оригинальные сочинения русских авторов. Азовской теме посвящено изданное в 1773 г. сочинение В. Рубана «Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову». В 1784 г. вышла в свет книга А. Палицина «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах», в 1792 г. – исследование П. Левашова «Картина, или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их тут браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти непрерывно через восьмисот лет продолжавшихся». Военная тема заняла достойное место и в напечатанном в 1793 г. труде М. Спиридова «Родословной российской словарь, содержащей в себе: историческое описание родов князей и дворян российских».

Приверженность Екатерины II идеям европейского просвещения способствовала активизации переводческой деятельности. За 33 года ее правления было переведено более 50 военных трудов. Традиционно более 20 книг составляли переводы с французского; почти столько же составили переводы немецких сочинений, 6 книг было переведено с латинского и по одной с английского и турецкого языков. В целом за столетие это был самый продуктивный период переводческой деятельности.

Примечательной чертой военного книгоиздания Екатерининской эпохи стало стремление к самостоятельному авторскому творчеству представителей российской военной школы, ранее переводивших иностранные военные сочинения. Наиболее очевидно эта тенденция проявилась в деятельности майора Морского кадетского корпуса Н.Г. Курганова, специализировавшегося на переводах с французского языка книг морской тематики и опубликовавшего в 1777 г. самостоятельный капитальный труд «Книга о науке военной, содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест; о нападении и обороне крепостей и гаваней; с описанием бывших знатнейших атак и с присовокуплением наук о перспективе и словаря инженерного»⁶, профессора

⁶ Книга вышла в свет с двумя титульными листами, на одном из которых было другое название: «Книга: Морской инженер, то есть теория и практика о укреплении напольных и приморских мест, о защищении флотов в укрепленных гаванях и о бывших знатнейших атаках многих портов, с присовокуплением науки о перспективе, о напасти и обороне разных крепостей и словаря инженерного».

Московского университета Д.С. Аничкова, подготовившего в 1787 г. после переводов с латинского языка сочинения по фортификации «Начальные основания фортификации, или военной архитектуры, служащие в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках, собранные из разных авторов с приобщением гравированных фигур на семнадцати досках», майора артиллерии А.И. Маркевича, переведшего с немецкого труды по артиллерии, а в 1799 г. опубликовавшего собственное сочинение «Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях и наводить оныя на градусы; с приобщением рассуждения о прицеливании орудий, высоте и виде мушек и диоптров на оных».

Следствием переводческой деятельности стало и издание в России первых военных словарей, составителями которых были В.И. Суворов, Д.С. Аничков, Е.Д. Войтяховский, Н.Г. Курганов, Г.Г. Кушелев, А.С. Шишков [16].

Коротким, но интересным периодом в истории военной книги XVIII в. является время пребывания у власти Павла I, с ноября 1796 по март 1801 г. Как правило, исследователи, рассматривая этот период, приводят факты снижения общего количества выпускавшихся книг, усиления цензуры и реакции в области русской литературы. В то же время статистика выпуска военных книг показывает, что на четыре года Павловского правления приходится 80 изданий, что по среднегодовому показателю превосходит все предшествующие периоды. Но если учесть, что 2/3 от общего количества изданий составляли нормативно-регламентирующие документы, суть которых сводилась к искоренению тех основ национальной военной системы и военного искусства, которые были заложены Петром I и упрочены полководцами Екатерининской эпохи, то следует согласиться с оценкой А.А. Зайцевой о том, что в эти годы книга во всех своих важнейших ответвлениях как бы выхолащивалась «изнутри» [17].

Павел I в короткий срок пересмотрел все прежние военные уставы, артикулы, наставления и издал новые. Только в 1797 г. «Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе» печатался в пяти типографиях семью выпусками. Три выпуска в трех типографиях вышли «Воинский устав о полевой гусарской службе» и «Воинский устав о полевой кавалерийской службе». Новые уставы и инструкции отличались недоверием к инициативе и нравственным достоинствам офицеров, чрезмерной регламентацией поведения всех воинских чинов с множественными напоминаниями о строгой каре за всякое отклонение от уставных требований. О воспитании солдат, о значении нравственного элемен-

та в войсках было забыто, и «русскую армию, ни в чем не повинную, начали истязать по правилам немецкой муштры» [18].

Среди единственного издания по артиллерии и четырех книг по инженерному делу обращают на себя внимание 27 изданий, относящихся к разделу: штаты, награды, обмундирование. Однако это не продолжение екатерининских традиций, воспитывавших уважение и национальную гордость к русскому мундиру и российским наградам, а наглядное подтверждение чрезмерного увлечения Павла I внешними элементами, регламентирующими плац-парадную сторону военной службы.

Резюмируя краткий статистический анализ военного книгоиздания в XVIII в., подчеркнем, что на протяжении всего столетия шел сложный процесс становления военного книгоиздания в России. Свидетельством востребованности военной книги стало создание сети военных типографий при военно-учебных заведениях и Военной коллегии, а также активная военно-издательская практика многих гражданских типографий. Сформировавшиеся в течение столетия традиции военного книгоиздания продемонстрировали свою жизнеспособность в изменяющихся политических и экономических условиях и составили базу для дальнейшей эволюции русской военной книги.

Список литературы

1. *Обручев, Н. Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год / Н. Н. Обручев. – СПб., 1853. – С. 2–3.
2. *Колосов, Е. Е.* Русская военная книга петровского времени // Книга. Исследования и материалы. – М., 1968. – Сб. 16. – С. 114.
3. *Баренбаум, И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке / И. Е. Баренбаум. – М., 2006. – С. 39, 83, 327.
4. Книга гражданской печати XVIII века. – Киев, 1956; Сводный каталог изданий гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. I–IV. – М., 1962–1967; Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. – М., 1968; *Быкова, Т. А.* Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – М.; Л., 1958; *Быкова, Т. А.* Описание изданий гражданской печати. 1708–1725 г. / Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. – М.; Л., 1955; *Обручев, Н. Н.* Обзор рукописных и печатных памятников относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год / Н. Н. Обручев. – СПб., 1853; *Пекарский, П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом / П. П. Пекарский. – СПб., 1862; *Соколов, А. П.* Русская морская библиотека 1701–1851. Исчисление и описание книг, рукописей и статей по морскому делу за 150 лет / А. П. Соколов. – 2-е изд. – СПб., 1883; *Соц, В.* Опыт библиотеки для военных людей / В. Соц. – 2-е изд. – СПб., 1826; *Тартаковский, А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX веков / А. Г. Тартаковский. – М., 1991; *Чернышева, Н. Ф.*

КНИГОВЕДЕНИЕ

- Военная наука и военное дело в XVIII веке. 1725–1800 / Н. Ф. Чернышева. – М., 1981 ; История отечественной военно-энциклопедической литературы. – М., 1980 и др.
5. Милуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3 / П. Н. Милуков. – М., 1994. – С. 338.
  6. Книга в России (1861–1888). Т. 1. – М., 1988. – С. 24–26 ; Книга в России (1881–1895). – СПб., 1997. – С. 18–21.
  7. Баренбаум, И. Е. История книги / И. Е. Баренбаум. – М., 1984. – С. 49.
  8. Быкова, Т. А. Книгопечатанье в России во второй четверти XVIII века (февраль 1725 – октябрь 1740) // Книга. Исследования и материалы. – М., 1961. – Сб. 4. – С. 230.
  9. Столетие Военного министерства (1802–1902). Главный штаб : ист. очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. – СПб., 1903. – С. 65–66.
  10. Там же. Кн. 2. Отд. 3. – С. 44.
  11. Столетие Военного министерства (1802–1902). Главный штаб : ист. очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. – СПб., 1903. – С. 166.
  12. Керсновский, А. А. История русской армии. Т. 1 / А. А. Керсновский. – М., 1992. – С. 91.
  13. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 314, оп. 1, д. 45, л. 16.
  14. Обручев, Н. Н. Обзор рукописных и печатных памятников относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год / Н. Н. Обручев. – СПб., 1853. – С. 3.
  15. Рогулин, Н. Г. «Полковое учреждение» А.В. Суворова и пехотные инструкции екатерининского времени / Н. Г. Рогулин. – СПб., 2005. – С. 8.
  16. История отечественной военно-энциклопедической литературы. – М., 1980. – С. 22–35.
  17. Зайцева, А. А. Книгопечатание в России на рубеже XVIII–XIX вв. // Книга в России до середины XIX в. – Л., 1978. – С. 187.
  18. Столетие Военного министерства (1802–1902). Главный штаб : ист. очерк. Т. 4. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 1. – СПб., 1903. – С. 237.

Материал поступил в редакцию 24.05.2007 г.

Сведения об авторах: *Дутов Сергей Юрьевич – соискатель ГПНТБ СО РАН,
Лютов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор,
тел.: (383) 266-26-30, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru*

УДК 001.8+16
ББК 72+87

КОМПАРАТИВИСТИКА – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РАЗВИТИЯ НАУКИ

© В.П. Котенко, 2007

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Аккумулируются одна из современных тенденций развития науки – сегментация, все большее разветвление наук, ведущее к изоляции ученых внутри научного сообщества. Следствием этого становится рост информации и ослабление эвристического потенциала отдельных направлений и научного сообщества в целом. Вследствие этого могут быть утрачены единство и целостная картина мира. Для решения этой проблемы предлагается совместная работа по компаративистике. Излагаются основы и возможности данного методологического подхода.

Ключевые слова: наука, компаративистика, методология, научное знание, закономерности.

В связи с вступлением науки в новую эпоху развития, характеризующуюся углублением дифференциации познания, ростом фрагментарных знаний в различных областях духовного освоения мира, как никогда ранее актуальным становится всесторонний комплексный взгляд на общие тенденции и проблемы научной деятельности и развития науки. Интенсивный процесс развития всей системы знаний происходит в одно и то же время кумулятивно и диффузно, т.е. огромный массив информации по всей системе наук накапливается, растворяясь в потоках повседневности и специализированной коммуникации, не становясь при этом ни средством дальнейшего познания, ни инструментом сознания и управления, ни методом миропонимания. Динамика современного научного знания неудержимо разрушает границы и «дестабилизирует» сложившуюся институциональную структуру дисциплинарного знания. Например, длительное время первенством в системе научного знания обладали естественные науки, а в их сфере математика. Символическая иерархия в научном сообществе по мере сил сохраняет сейчас конфигурацию доминирования.

Усилившаяся локализация научного знания оборачивается разрывом возможных методологических и междисциплинарных связей. Дистанцирование основных отраслей наук зашло столь далеко, что теперь уже мало кто решается на соединение бурно разрастающегося знания. Все более очевидной становится тенденция сегментации, все большего разветвления наук, ведущая к растущей изоляции ученых внутри научного сообщества. Вероятно, подобное обособление отдельных науч-

ных миров объективно неизбежно, поскольку идет накопление конкретных знаний каждой из наук. Но автономизация, ведя к осязаемому росту информации, ослабляет эвристический потенциал отдельных направлений и научного сообщества в целом. Демаркация научных специализаций затрудняет междисциплинарное обобщение всего универсума знаний. Утрата единства и целостности картины мира и уникальности человека в ней – такова перспектива специализирующегося обособления знания, угроза внутридисциплинарному развитию каждой отрасли науки. Предположить подобный ход событий можно лишь своевременно обозначив данную проблему, наметив способы ее решения.

Основные формы рефлексии науки, получившие распространение в современном науковедении (кумулятивный, научных революций, кейстадис, системный, эволюционный, информационный, социокультурологический, синергетический подходы) и философии науки (по основным философским направлениям и школам), не позволяют, на наш взгляд, выявить общие тенденции развития научной реальности, требуются новые подходы рефлексии науки. По мнению многих исследователей, важным направлением решения этой кардинальной проблемы является совместная работа по компаративистике: самоописание и констатация методологических, предметных, символических и других различий каждой отдельной дисциплины и концепции науки, обнаружение общих тенденций развития родственных дисциплин и философских концепций науки. Компаративистский подход приобретает сегодня особое значение, так как от-

ражает более широкое поле интердисциплинарных процессов в постнеоклассическом научном дискурсе, в котором вырисовываются новые комплексные стратегии исследования, метатеории и методологические подходы, связывающие созданные в различных цивилизациях и культурах типы научного мышления, творчества и восприятия действительности.

Проблема компаративистики в настоящее время обсуждается довольно широко, прежде всего, в рамках сравнительной лингвистики, сравнительного литературоведения, сравнительного правоведения, сравнительной политологии и социологии, сравнительных исследований в области экономики, сравнительной педагогики, сравнительного менеджмента, сравнительного страноведения, исторической компаративистики, сравнительного религиоведения, сравнительных исследований в области образования, массовых коммуникаций. Значительно активизировались исследования философской компаративистики [1].

Методология компаративистского анализа, широко представленная в современных гуманитарных науках и истории философии, наводит на мысль использования специфических наработок в этих сферах для разработки этого подхода в рамках науковедения, техноведения, библиотековедения.

Компаративистика науки, как нам представляется, – это собирательное понятие, которое может быть использовано для названия нового научного направления, которое состоит в создании трансдисциплинарной методологии социальных, гуманитарных, естественных, технических наук и систем знания в рамках науковедения, обеспечивающих сравнимость всех этих сфер познания и знания. Это необычная область совместных исследований, непосредственная коммуникация ученых в области науки, позволяющая сопоставить достижения «малознакомых» друг другу систем знаний из различных областей, каждой области на различных этапах развития науки в различных странах, регионах мира, в различные исторические эпохи. Компаративистика может явиться одной из попыток преодолеть центробежную тенденцию все более сужающейся специализации и обособления как научного знания, так и образования.

Примерно до середины XX в. существовало достаточно жесткое «разделение труда» между профессиональным изучением науки в рамках истории, философии, социологии науки и их осмыслением в трудах различных научных и философских школ и направлений. К концу века ситуация изменилась таким образом, что наиболее острые проблемы, перед лицом которых стоят исследователи науки, не поддаются решению без их глубокого системного осмысления. Такая методология исследовательской практики приводит к опреде-

ленного рода совмещению проблематики истории, философии, социологии науки, других науковедческих дисциплин. В то же время имеет место и другая тенденция, вытекающая из процессов, происходящих в науке, – «разрушение границ и дестабилизация структуры» каждой из названных предметных областей. В области истории, философии науки, социологии науки одни и те же проблемы обсуждаются в рамках различных школ, направлений. Например, в области философии науки проблемы науки обсуждаются Э. Гуссерлем – в отдельной концепции научной рациональности и философского разума; М. Хайдеггером – в концепции науки как способа представлений всего, что есть; К.-О. Апелем – в теории предельного обоснования в трансцендентальной прагматике; К. Ясперсом, О. Павлом Флоренским и т.д. [2].

Различные подходы, противопоставление их друг другу затрудняют уяснить предмет, понятие и закономерности научной реальности. Компаративистика позволяет, на наш взгляд, интегрировать все существующие подходы, разработать более целостный подход анализа этого феномена. В узкоспециальном смысле «компаративистика науки» включает в себе теорию, исследующую различные концепции, области системы научной реальности, прежде всего, ее методологический аспект. Наше убеждение в необходимости такого типа компаративности основано на том, что методология исследования западной философии науки должна во многом отличаться от подобных стратегий в изучении отдельных теорий и концепций восточной философии науки; философия науки одной формации и цивилизации от другой; античной науки от науки средних веков, эпохи Возрождения, Нового времени и т.д. В то же время им всем присущи общие черты. Компаративистский подход выделяет совершенно особую сферу исследования, те исследования, которые ставят своей целью выявление неких общих характеристик, присущих многим автономно возникшим наукам, их исторических типов, научных направлений, школ, проблем. Широко понимаемая сравнительная методология существовала всегда, ибо любой мыслитель рассматривает одну или большее количество альтернативных точек зрения и вовлекается в сравнение для поиска лучшего решения проблем. Любой изучающий историю науки в пределах той или иной цивилизации сравнивает все взгляды одного ученого с другими или современниками, или предшественниками, или преемниками. Следовательно, сравнения одних научных концепций с другими – естественная часть самой природы науки. Другое значение компаративистики относится к сравнениям относительно взглядов философов или научных школ и движений в двух различных цивилизациях.

Развитие научной компаративистики связано с определением ее проблемного поля, переходом от анализа частных к анализу исторических, онтологических, эпистемологических, логических, методологических, аксиологических, этико-эстетических проблем научной реальности, различных научных направлений и школ.

Компаративистика науки выступает не просто методом, а исследовательской и практической методологической ориентацией и, что особенно важно, – познавательно-преобразовательным мировоззрением, которое предполагает не просто некое изобретение определенных навыков, сравнений, а коррекцию и иногда глубокую перестройку ценностных структур ученого, помогая ему понять и изменить, перестроить социально-мировоззренческую среду своей деятельности (научного сообщества), сущность и структуру научной реальности. Сравнительный анализ может исходить из различных установок. Вступая в диалог, субъекты науки должны понять ее не как сумму школ, направлений, течений, региональных образований, а как целостный феномен, который являет и проявляет себя через систему школ, а последнее не расчленяет ее, а способствует устойчивости и целостности в единой теоретической форме. В пользу предложения о единстве науки, при общепринятом признании разнообразия и многоаспектности, говорит ее социально-функциональный статус: наука обслуживает общество в рамках общей культуры века, отражает, выражает и сопровождает интегральный общественный процесс. Единство науки – это и результат познания единого действительного мира во всем его многообразии, целостной формы многообразного существования, а неоднородность ее в этом случае объясняется многообразием объективной действительности, личных устремлений.

Важной установкой компаративистики является идея об уникальности, самобытности науки в сравнении с традиционными историко-философскими представлениями, оставляющими этот аспект «в тени». Страноведческое науковедение как аспект компаративистики, всецело опирающийся на компаративистскую методологию, пока находится в стадии становления. В то же время его задачи определяются уже достаточно четко: выявление и описание историко-научного феномена национального науковедения, его своеобразия, особенности ментальной стилистики, основанные на определенных закономерностях, образе жизни и мышления, духовной культуре (пример «российская наука»).

И наконец, неотъемлемой характеристикой компаративистики является сравнение по ассоциациям – свободное проявление творческого философского духа, отбросившего стандарты официально-обязательных критериев научно-исследова-

тельской деятельности (актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость и т.п.). Сравнительные исследования подобного рода всецело на ответственности автора, опирающегося исключительно на свою интуицию, талант, эрудицию. Гносеологический характер компарации в данном случае определяется характером деятельности ученого, научной деятельности, обуславливающей ее как простейшую разновидность умозрения.

Компаративистский анализ научной реальности включает систему подходов. Из них аналитический и синтетический являются основными. Они предполагают, с одной стороны, адекватное рассмотрение данной эпохи, ареала, концепции науки и выявление причин, основ и фундаментальных принципов ее построения; с другой – сравнение, сопоставление оснований, принципов, методов и идеалов, традиций и новаций развития данных эпох, ареалов, столкновение парадигм, традиций, основных эпох развития научной реальности. Кроме того, аналитический подход предполагает рассмотрение эпох науки, их парадигм уже как результата и интерпретаций предшествующих систем, как содержания некоего диалога философских, научных и культурных традиций. Истинное содержание исследуемой эпохи науки можно выявить, имея в виду принципиальную незавершенность и открытость ее последующих трактовок и интерпретаций. Компаративистский подход присутствует во всяком исследовании науки. Становление научной идеи, концепции всегда проходит компаративистскую стадию. Последняя есть философская, науковедческая, метатеоретическая, теоретическая рефлексия. Однако в нашем понимании компаративистика науки формируется по мере становления и развития науки, ее различных направлений и школ, т.е. имеет конкретно-исторический характер.

Под влиянием компаративистских идей в настоящее время происходит формирование нового взгляда на науку, новой постмодернистской парадигмы, в рамках которой наука предстанет как история диалога науки и других форм духовного освоения мира. Диалогичный принцип, лежащий в основе развития науки, является ее неотъемлемой чертой. Отрицание этого внутреннего противоречивого характера развития науки ведет к догматизму, в область ее априорного провозглашения. Наука – постоянный полифункциональный диалог всех взглядов, концепций и направлений. Некоторые современные науковеды видят диалогичность науки то в виде диалога науки и искусства (дара мгновений метафизики немотивированного творчества – Г. Башляр), то как трибунал разума или сократического посредника между различными философскими дискурсами (Р. Рорти), то как по-

диалог деконструктивизма, способ самопознания (Ж. Деррида) и т.д.

Вести диалог с тем многообразием проявлений мысли, структура которой воссоздается на основе самых разнообразных формально-логических предпосылок, довольно трудно. Диалог в науке сегодня ведется: по отношению к науке (сциентизм и антисциентизм) и религии, к методологическим установкам (рационализм, иррационализм, интуитивизм, спиритуализм) и гносеологическим предпосылкам (сенсуализм, рационализм), по логико-философским аксиомам (гносеологизм, онтологизм, аксиологизм), по социальной функции (апологетика, либеральный и консервативный критицизм), по аксиологическим, мировоззренческим (дуализм, монизм, плюрализм) и исследовательским установкам (эмпиризм, логицизм, схоластицизм, натурализм), по формам культуры, по страноведческому и регионально-географическому признаку, по языковой принадлежности, по методам философствования (инструментализм, позитивизм, интуитивизм, эзотеризм, деконструкция и т.д.), по объекту исследования (антропология, феноменология, экзистенциализм, герменевтика, культурология), по социально-политическим воззрениям, по идейно-политическому выражению, по идейно-персональному признаку (постнищенство, неомарксизм, неофрейдизм и т.д.), по разделам, секторам наук и т.д. и т.п.

Компаративистский подход включает осмысление факта особенностей развития науки разных народов, его своеобразия и специфичности. Проблема национального своеобразия и национальных традиций в науке и философии науки содержит целый спектр методологических проблем. При этом неравномерность их развития является исходным фактом. Второй особенностью национальной составляющей является наличие различных уровней межкультурных контактов и взаимовлияния – уровня непосредственного заимствования, уровня творческого усвоения, уровня самопознания и самокритики. Изучение национальной традиции в развитии научной реальности методом сравнения предполагает рассмотрение национальной культуры; национальной философии как высшей формы выражения национального самосознания; национального характера; смыслов интеллектуальной эволюции национальной науки, школы, течения, направления; учета – институциональных форм организации культуры и науки и т.п.

Особенностью компаративистики науки является отход от стереотипного сравнительного анализа западной и восточной философской культур и типов научного философствования буржуазного и марксистского подходов, которые были характерны для работ 60–80-х гг. С 70–80-х гг. XX в. до настоящего времени как реакция на эпоху ради-

кальных противопоставлений философии науки Востока и Запада, марксизма и немарксизма начинает развиваться компаративистская противоположная тенденция. Предпринимаются попытки выявить общие реальные парадигмы развития научной реальности, подчеркивается параллелизм оснований и идеалов научной реальности, философии науки, науковедения Запада и Востока, марксизма и немарксизма. Однако продолжают существовать и крайности: делаются выводы о наличии самых очевидных несходств в историко-философском процессе различных философских и научных направлений [3].

Во второй половине XX в. в науке делается попытка преодолеть дихотомию – экстернализм – интернализм, вводится диалектический подход, теоретическая проблематика культуры, ее методологические аналоги – в науке принцип дополнительности, пролиферации, конвенционализма, смены «научных традиций» и т.п., что указывает на различные принципы организации познания, оснований рациональности, новые «нежесткие» типы регуляции и детерминации познающего субъекта. Специфическая совокупность ориентации создает и сохраняет стилевое единство постнеоклассики. В аксиологическом и экзистенциально-смысловом плане идеи-регуляторы создают современный набор ценностных установок, выполняя роль регулятора познания и практики. Введение сознательных и жизненных явлений в научную картину мира символизируют неоклассический, а осознание их культурно-исторической ценности – постнеоклассический идеалы рациональности. Постнеоклассические ориентации в науке приобретают статус парадигмального компонента.

Важной проблемой компаративистики науки является проблема языка науки. Со времени Гегеля и Шеллинга существует проблема перевода текстов, суть которой состоит в том, что формальная переводимость текстов и терминов не гарантирует тождественность содержаний мысли, выраженных ученым и переводчиком (флогистон, эфир и т.п.). В середине XX в. на основании проведенных исследований стало очевидно, что каждый язык науки формирует некое самодостаточное целое, функционирует в соответствии с собственным синтаксисом и практикует неповторимое «расчленение» реальности, которое определяет содержание значений фундаментальных категорий языка. Все ученые мыслят, отправляясь от архитектоники определенного языка науки, его конкретного исторически обусловленного состояния. Постмодернизм, постнеоклассическая парадигма указывают на кардинальные изменения в дискурсе научного знания, необходимость перехода на новый язык (новую философию науки), способный переосмыслить научную реальность на рубеже XXI в.

Компаративистская методология анализа научной реальности предполагает также классификацию объектов сравнения по двум основным признакам масштабности (микро- и макрокомпаративистика) и по содержательности. На уровне микрокомпаративистики предметом сравнения могут быть тексты отдельных ученых (с точки зрения эволюции взглядов); тексты разных ученых для прояснения их взглядов на одну и ту же проблему; системы идей различных ученых (Кузанский – Галилей, Паскаль – Декарт, Ф. Бэкон – И. Ньютон и т.д.). На уровне макрокомпаративистики соответственно сравниваются: концепции школ и направлений науки; исторические эпохи науки; философия науки и другие формы рефлексии науки; наука и другие формы духовного освоения мира и т.д.

В любом случае следует помнить, что сравнение (аналогия, сходство, подобие, равенство отношений) не есть доказательство, что сравнительный метод не сама цель, но служит определенным познавательным задачам, является средством расширения возможностей исторического и теоретического исследования научной реальности.

Таковы некоторые составляющие компаративистики научной реальности.

Продуктивность компаративистского подхода проиллюстрируем на примере анализа классической, неклассической и постнеклассической науки.

Каждый этап соответствует особому типу научной деятельности, научной реальности, направленной на объективное исследование мира. Схематично можно представить эту деятельность как отношение «субъекта» (с его целями «ценностями, идеалами и нормами») → средства и операция деятельности → «объекта». Классическая наука, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективного знания о мире. Классическая наука не осмысливает цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, доминирующие в культуре установки и ценностные ориентации.

Классическая наука (недисциплинарная и дисциплинарная) – состояние ищущего интеллекта, которое реализовалось как главное умонастроение на масштабном историко-культурном ареале от Галилея до Пуанкаре. О деятельности каких бы ученых в данный отрезок времени (с XVII до XX столетия) речь ни вести, в их творческом методе обнаруживается нечто существенно тождественное, отличающее их поисковые усилия от усилий позднейших коллег-последователей. Это система познавательных ориентаций, правил и навыков, отличающаяся единством и однородностью. Эври-

стическое начало типических особенностей теоретизирования (способ постановки проблем, приемы исследования, описание предметных областей, характер обоснования полученных выводов, манера изложения результатов, формы фиксации и отстаивания утверждений) на классической стадии развития научной реальности составляли следующие концептуальные принципы: фундаментализм, финализм, трансценданализм, абсолютизм, наивный реализм, субстанциональность, динамизм (классический детерминизм).

Неклассика отличается от классики тем, что вышеназванные принципы сохраняются, но специализируются применительно к дисциплинарному строению науки. Но неклассическая наука расширяет поле рефлексии над деятельностью, в рамках которой изучаются объекты. Она учитывает соотношенность характера получаемых знаний об объекте с особенностью средств и операций деятельности ценностно-целевыми структурами. В неклассике человек подходит к дилемме, что важнее: знание о мире или знание деятельности в мире. Неклассическая цепочка «знание – средства познания – реальность» трансформируется в неклассической науке в «реальное знание и его человеческий потенциал в онаучиваемой реальности». Натуралистические гео- и гелиоцентрализации уступают место аксиомической антропоцентрализации: высшим кредо постижения мира предстает не эпистемологический (знание – цель), а антропный принцип: знание – средство, при любых обстоятельствах познавательная экспансия должна получать гуманитарное оправдание. Некоторые складывающиеся составляющие парадигмы неклассической науки: расширение и изменение поля научной рефлексии, определение эффекта науки определенной системой идеалов, изменение стиля мышления, выдвижение на передний план сложных систем и повседневных объектов, междисциплинарность, трансформация языка науки, изменение форм организации науки, новое в контроверзе рационализм-иррационализм, детерминизм-индетерминизм, усложнение форм рефлексии науки и т.д.

Таким образом, каждый новый тип рациональности формирует свойственную ему систему идеалов и норм, которая позволяет исследовать соответствующие типы системных объектов. При этом каждый новый этап не ведет к исчезновению норм и черт науки предшествующего этапа, между ними существует преемственность, ограничивается только сфера действия норм предшествующего типа рациональности и научной реальности.

Характерной приметой XX и начала XXI в. является переход науки в фазу постнеклассической науки. Компаративистский подход позволяет не только проанализировать каждый этап развития

научной реальности, выявить особенности каждого из них, но и определить общие черты научной реальности.

Объем статьи не позволяет провести сравнительный анализ всех этапов развития научной реальности. Исходя из разграничения эпох развития науки в более широком плане, осуществим подробное сопоставление характеристик классической и постнеклассической научной реальности, главных составляющих их основных парадигм.

Первый пункт сопоставления касается отношения субъекта и объекта познания. Классическая наука строится на положении, что субъект при всех условиях может быть вынесен за пределы объекта (под субъектом понимается ученый, осуществляющий познание, и человечество в целом, под объектом – то, на что направлено познание). Мысленная операция отстранения субъекта от объекта понималась как специальный условный познавательный прием, как условный, поскольку вполне очевидно, что реально ученый неустраним из познавательной ситуации. Вместе с тем предполагалось, что такой прием принципиально осуществим. Более того, исключение (элиминация) возмущающего воздействия субъекта на объект рассматривалась как необходимое требование для любого знания, претендующего на статус научности. Такое понимание научности обеспечивало общезначимость знания, его независимость от субъективного произвола исследования.

Постнеклассическая наука строится на признании субъективности научного знания. Субъективность – это не право на субъективный произвол. Мысленная операция устранения субъекта осуществления далеко не всегда, не для всех объектов познания. Субъектно-объектная парадигма классической науки не безусловна. Ее применимость в каждом конкретном случае требует учета условий, за которыми она не осуществима. В большинстве случаев мы изучаем объект не в чистом виде, а в процессе взаимодействия человека с изучаемым объектом. Признание того, что ученый есть неотъемлемая часть изучаемой реальности, составляет существо признания субъективности научного знания. Одним из наиболее наглядных проявлений субъективности принято считать особенности познания мира элементарных частей. Следует помнить, что для ряда современных наук взаимоотношения человека и мира являются главным предметом изучения (экология, теория управления, информатики и коммуникации и др.).

Обнаружение субъективности научного знания по-новому поставило проблему его объективности. Субъективность не открывает дорогу к субъективизму, она лишь показывает, что познавательный процесс не нейтрален по отношению к объекту изучения (одна из его активных частей), при этом

поведение объекта не управляемо субъектом, его поведение определяется законами природы и особенностями, которые и обуславливают реакцию объекта на познавательные действия субъекта.

Объективность научного познания теперь следует понимать как обусловленный особенностями объекта характер его естественной реакции на познавательные действия субъекта. Новое понимание объективности сохраняет связь с практикой: знание ответных реакций объекта позволяет прогнозировать практическую деятельность, создавать технические устройства.

Обнаружение значительной доли субъективности научного знания с небывалой остротой поставило проблему ответственности человека за окружающий мир. Проникая все более глубоко в тайны мироздания, человек все в большей мере становится внутренним фактором природных процессов. При этом вмешательство субъекта нередко начинается не только на стадии применения научных знаний, создания технических средств. Такое вмешательство может происходить уже на стадии познания.

Классическая наука в общем исходила из положения, что все в мире поддается рациональному объяснению, постнеклассическая исходит из того, что наряду с рациональным в процессе познания существенную роль играет в нерациональное. Классические представления основывались на убежденности в принципиальной упорядоченности мира. В постнеклассической науке уверенность в строгой упорядоченности Вселенной все более поддается сомнению. Современная наука все чаще вынуждена обращаться к понятию «хаос». Проблеме неупорядоченного все большее значение отводит синергетика. С точки зрения синергетики хаос есть неотъемлемая сторона всех процессов развития и изменения. Хаос – это принципиальная непредсказуемость, иррациональность. В этом смысле хаос – творческое состояние. Но в то же время хаос чреват и разрушительными последствиями.

В современной науке поэтому наряду с динамическими закономерностями все большую роль играют закономерности вероятностно-статистические. Закономерности динамического типа позволяют предсказать поведение объекта точно и определенно. Вероятностно-статистические закономерности в постнеклассической науке не позволяют делать абсолютные предсказания. Кроме того, они применимы не к единичному объекту, а к их множеству. Они описывают и объясняют поведение больших совокупностей элементарных частиц, атомов, молекул или человеческих индивидов. Вероятностно-статистические методы в современной науке играют все большую роль.

Классическая наука была занята по преимуществу изучением макромира, области доступной

непосредственному восприятию органов чувств человека. Предметы макромира можно зафиксировать, используя относительно несложные приборы. Изучение микро- и мегамира предполагает обязательное применение приборов, отличающихся особой сложностью (синхрофазотрон, электронный микроскоп, радиотелескоп). Ученый наблюдать процессы этих миров непосредственно не может. Он имеет дело с отображениями, носящими вторичный характер. По этой причине картина происходящего реконструируется, а не воспринимается непосредственно. Наглядность становится чисто условной. Все более громоздким и дорогостоящим становится эксперимент для изучения объектов микро- и мегамира. Поэтому в постнеклассической науке особая роль отводится моделированию. Наиболее перспективным является математическое моделирование.

Для классической науки в целом характерна отчетливая дисциплинарность знания. К XIX в. сложились основные естественные науки (физика, химия, биология, геология и др.). Они четко обозначили свой предмет и методы познания. К концу XIX в. и особенно в XX в. появляются и развиваются междисциплинарные направления. Для процесса интеграции не менее показательным явилось создание общенаучных дисциплин, науковедения и философии науки и методов, применяемых для многих или даже для большинства наук (теория систем, структурный и системный подходы, синергетика, компаративистика и др.).

Изменения, происшедшие в постнеклассической науке по сравнению с классической наукой,

наложили существенный отпечаток на систему «наука – техника». Они, прежде всего, способствовали ее упрочению и повышению общественного значения: открытие и широкое использование ядерной энергии, создание новых информационных систем, совершенствование технических систем и технологий, изменения во всем жизненном укладе, общественных отношениях, стиле мышления и восприятия.

Проведенный краткий анализ одной из важнейших проблем философии – науки и науковедения позволяет сделать вывод в ретроспективной и перспективной компаративистике науки. Если ретроспективное позволяет понять и уяснить все то ценное, что дали прошлые научные традиции, школы, эпохи развития науки, то перспективное дает возможность выявить логику ассимиляции идеалов и норм научного дискурса, выявить новые повороты в развитии научной реальности, осуществить поиск новых моделей истории развития науки. Компаративистика научной реальности не только выполняет задачи реконструкции предшествующих эпох развития науки, но и позволяет обосновать новые типы философствования.

Список литературы

1. *Колесников, А. С.* Философская компаративистика: Восток-Запад : учеб. пособие / А. С. Колесников. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 388 с.
2. *Наука в зеркале философии XX века.* – М. : Ин-т философии РАН, 1992. – 126 с.
3. *Шохин, В. К.* Брахманистская философия: начальный и раннеклассический периоды / В. К. Шохин. – М., 1994. – С. 294.

Материал поступил в редакцию 9.04.2007 г.

Сведения об авторе: *Котенко Виталий Павлович – доктор философских наук, профессор,*
тел.: (812) 346-47-83, e-mail: fil@eltech.ru

УДК 159.9:02
ББК 88.4+78.30

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕКАРТОВОЙ ПРЯМОУГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ В ПРИКЛАДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

© С.А. Езова, 2007

*Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1*

Излагаются возможности декартовой прямоугольной системы координат как универсального средства распознавания типов различных социальных феноменов. Описано применение данного метода для иллюстрации типов поведения библиотекарей в этико-психологическом ракурсе.

Ключевые слова: система координат, поведение библиотекарей, прикладные исследования.

Система координат опробована на библиотечно-информационном факультете Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств в целях: 1) дать иллюстрации типов поведения библиотекарей в этико-психологическом ракурсе при изучении авторских курсов «Библиотечное общение», «Профессиональная этика» (этот аспект освещен в книге Езовой С.А. «Культура общения библиотекаря» и ее статьях в специальной печати) и 2) вооружить студентов эффективным способом диагностики типов поведения библиотекарей-читателей в библиотечно-информационной деятельности при изучении курса «Основы научных исследований»; этому аспекту и посвящен данный материал.

Декартову прямоугольную систему координат следует рассматривать не в качестве частнонаучного метода или узкопроцедурной методики, а как универсальное средство распознавания типов различных социальных феноменов, в частности типов поведения (деятельности) личности.

В литературе по педагогике, психологии встречается использование системы координат, но крайне редко и не в целях проведения прикладного научного исследования.

На мысль исследовать в наглядной форме различные взаимозависимости, определяющие типы поведения библиотечных специалистов, навел инструмент, с помощью которого психологи Джо Луфт и Гарри Ингэм изучали соотношение между самораскрытием личности и обратной связью во взаимодействии и который был назван Окном Джогари [1, с. 129–131].

За основу изучения взаимосвязей и взаимозависимостей нами была использована прямоугольная декартова система координат. Для ее заданности на плоскости были указаны две взаимно-

перпендикулярные прямые, на каждой из которых выбрано положительное направление осей координат: первая x – ось абсцисс, вторая y – ось ординат. Точка O пересечения осей координат является началом системы координат (рис. 1).

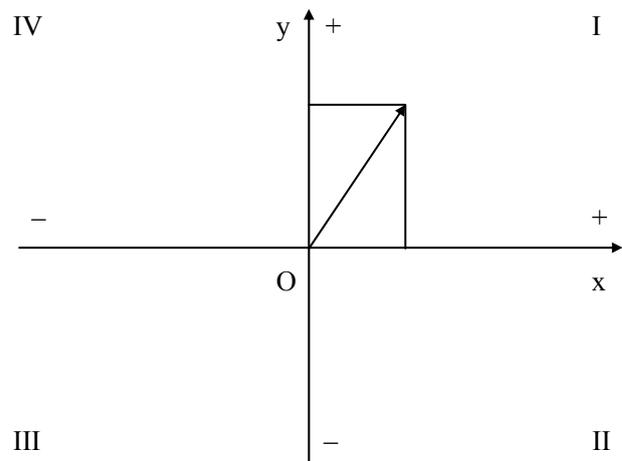

Рис. 1.

На осях x и y располагаем взаимозависимые признаки. Нумерация четвертей (квадрантов) определялась по часовой стрелке (классический вариант – против часовой стрелки). Отрезки символически отражают примерную длину выраженности в той или иной четверти взаимозависимых признаков. На их пересечении фиксируется вектор взаимосвязи изучаемых признаков в каждой четверти, а четверть (квадрант) отражает тип, полученный в результате логических операций с объектом изучения [2, с. 10].

Далее обратимся к уточнению исходного понятия типологии (греч. *τυπος* – отпечаток, образец) – т.е. научному методу, в основе которого лежит

расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной модели или типа [3, с. 398].

В системе координат можем представить только две пары признаков объекта, например в коммуникационной компетенции в соответствии с трактовкой Б. Спидберга выделяем ее признаки: достижение в коммуникации (общении) цели, соответствие коммуникации ситуации [1, с. 26].

В том случае, когда объект, например «культура общения», многомерен, расчленяем его на шесть парных признаков и соответственно каждую пару представляем в системе координат.

Выбор логического основания (признаков) для системы координат может носить гипотетический характер (исключение составляют взятые для изучения апробированные в науке основания тех или иных объектов).

В качестве примера использования системы координат в прикладном исследовании рассмотрим применение фундаментального принципа коммуникации американского эксперта Пауля Вацлавика (в интерпретации Веры Ф. Биркенбиль): общение между людьми осуществляется на двух уровнях: на уровне содержания и на уровне отношений, причем последний определяет первый [4].

Осознание этих уровней общения во взаимоотношениях библиотекаря и читателя – это путь к совершенствованию их взаимодействия. Обратимся к рис. 2. На оси x расположим уровень содержания, на оси y – уровень отношений.

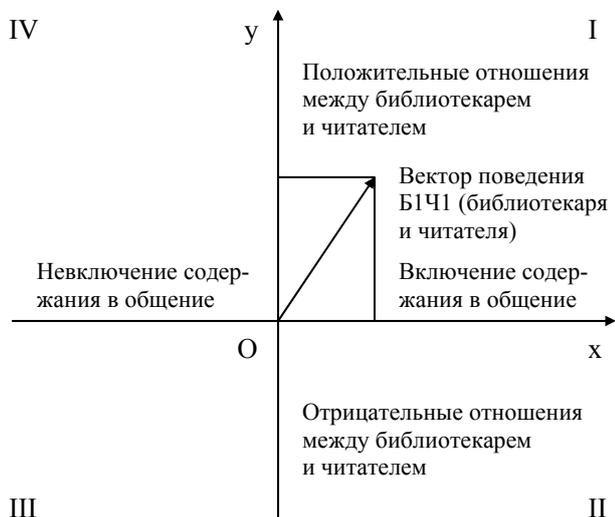

Рис. 2.

В I четверти библиотекарь выходит на содержательный уровень общения, который обусловлен уровнем положительных отношений.

Во II четверти негативные отношения не способствуют содержательному общению.

В III четверти происходит выяснение отношений, отсутствует выход партнеров на содержательную беседу.

В IV четверти отношения общающихся положительные, но у них отсутствует потребность в содержательном общении.

Перечисленные гипотетически выстроенные характеристики способствуют разработке формулировок вопросов для анкетирования или интервьюирования, а также выдвигению гипотез о процентном соотношении типов поведения библиотекарей в каждой четверти.

Читатель опрашивается после его взаимодействия с библиотекарем в библиотеке конкретного типа, вида.

Вопросы включают варианты ответов, в соответствии с которыми можно определить констатируемые читателями типы поведения библиотекарей. Например:

Каким было отношение библиотекаря к Вам в процессе обслуживания?

1. Положительное, как к равному партнеру.
2. Пренебрежительное, свысока.
3. Безразличное.
4. Заискивающее.
5. Другой вариант.

Ваше отношение к содержательной стороне взаимодействия с библиотекарем?

1. Общение было содержательным (о прочитанной книге, о новинках и т.п.).
2. Библиотекарь до конца не дослушал меня, в результате неточно выполнил запрос, вследствие чего отношения испортились.
3. Общение свелось к выяснению отношений с библиотекарем (в этом виноваты две стороны, одна сторона) по поводу моей задолженности, его плохого настроения, пассивности библиотекаря и т.д.
4. Не общались, так как мне нужно было только сдать книгу (взять книгу).
5. Другой вариант.

В зависимости от ответов на данные вопросы, а также на контрольные к ним становится возможным определение типа поведения библиотекаря с данным читателем в той или иной четверти.

При отборе репрезентативного материала в системе координат в каждой четверти вырисовывается процентное соотношение типов поведения библиотекарей, причем каждый тип поведения обретает качественную характеристику, обогащенную за счет свободно формулируемых читателями вариантов ответов на полузакрытые вопросы.

Систему координат можно использовать при сборе данных методом наблюдения, соответственно в карточке наблюдения отражаются признаки, на основе которых гипотетически выстроены характеристики в каждой четверти координат и которые фиксируются в процессе наблюдения за поведением библиотекарей (читателей) в ходе обслуживания.

МЕТОДОЛОГИЯ НИР

В заключение отмечу, что использование системы координат повышает теоретический уровень осмысления проблемы исследования, обогащает терминосистему библиотековедения, способствует выходу исследователя на уровень типологического анализа.

Список литературы

1. *Вердербер, Р.* Психология общения / Р. Вердербер, К. Вердербер. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 320 с. – (Серия «Главный учебник»).

2. Математическая энциклопедия / гл. ред. И. М. Виноградов. Т. 3. КОО-Од. – М. : Сов. энцикл., 1982. – 1184 стб., ил.
3. *Юзвишин, И. И.* Энциклопедия информатиологии : учеб. пособие / И. И. Юзвишин ; под ред. А. М. Прохорова. – М. : Междунар. изд-во «Информатиология», 2000. – 467 с.
4. *Биркенбиль, Вера Ф.* Коммуникационный тренинг: наука общения для всех : пер. с нем. Н. Чунеева / Вера Ф. Биркенбиль. – М. : ФАИР-ПРЕСС. – 2002. – 228 с.

Материал поступил в редакцию 9.04.2007 г.

Сведения об авторе: *Езова Светлана Андреевна* – кандидат педагогических наук, профессор, декан библиотечно-информационного факультета, академик Международной академии информатизации при ООН, тел.: (3012) 23-50-61

УДК 159.9:02
ББК 78.303+88.4

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ «ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧИТАТЕЛЕЙ»

© О.Л. Чурашева, 2007

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2*

Изложен опыт использования метода контент-анализа в диссертационном исследовании, посвященном роли публичной библиотеки в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей. Раскрывается индивидуальный алгоритм метода контент-анализа в конкретном исследовании, выявляются основные операции и их последовательность. Описывается, иллюстрируется и интерпретируется взаимосвязь между отдельными категориями (смысловыми единицами) контент-анализа, демонстрируются эвристические возможности метода.

Ключевые слова: контент-анализ, этапы, категории, эвристические возможности.

Контент-анализ представляет собой метод качественно-количественного изучения документов. Он подразумевает поиск, регистрацию и числовую обработку определенных смысловых единиц, зафиксированных в документе (или в совокупности документов), и дальнейшую интерпретацию полученных данных (описание обнаруженных закономерностей, установление взаимосвязи между выявленными тенденциями и т.д.). В качестве объектов контент-анализа могут выступать как тексты, так и телевизионные программы, кинофильмы, фотографии, аудиозаписи и т.д.

Контент-анализ сегодня приобретает все большую популярность у исследователей, расширяется сфера его применения. Рассматриваемый метод успешно используется специалистами в области рекламы, маркетинга и PR, политологии, психологии, юриспруденции, литературоведения, библиотековедения и других наук.

Теория и методика проведения контент-анализа в целом подробно раскрыты в современной литературе. Опишем процесс и результаты применения метода контент-анализа в конкретном исследовании на тему «Публичная библиотека в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей».

Первым этапом контент-анализа стал отбор документов, формирующих поток по проблеме информационно-психологической безопасности. В первую очередь были определены источники вторичной информации, необходимые для отбора документов, а также установлены хронологические, территориальные и содержательные критерии

такого отбора. При этом использовались следующие подходы:

1. *Отбор традиционных и электронных сетевых документов.* Отбирались как традиционные документы, отраженные в текущих указателях государственной библиографии (годовые комплекты таких библиографических пособий, как «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», «Летопись авторефератов диссертаций», указатели ИНИОН, реферативные журналы ВИНТИ), в каталогах крупнейших библиотек (РГБ, РНБ), так и электронные сетевые документы, найденные с помощью информационно-поисковых систем Яндекс, Апорт, Google, Alta-Vista.

2. *Использование различных типов библиографических пособий для поиска и отбора документов.* Учитывая особенности потока социально-экономической литературы и возникающие в связи с этим требования к выявлению документов в потоке, при отборе документов активно использовались не только указатели государственной библиографии, но и прикнижные и пристатейные списки цитированной (использованной) литературы.

3. *Хронологические рамки.* Хронологическими рамками отбора документов послужил период с 1 января 1996 г. по 1 октября 2004 г. Нижняя граница данного периода обоснована появлением в 1996 г. первого упоминания термина «информационно-психологическая безопасность». Верхняя граница периода отображает момент проведения исследования.

4. *Строгие содержательные ограничения в отборе документов.* Проблемное поле информа-

ционно-психологической безопасности чрезвычайно обширно, сложно по своей структуре, поэтому встала задача содержательного ограничения в отборе публикаций. Для анализа отбирались публикации, непосредственно содержащие термин «информационно-психологическая безопасность» (во избежание подмены понятий). Кроме того, учитывая такую особенность потока социально-экономической литературы, как изменение ключевой терминологии с течением времени, а также неоднозначность терминологии в области информационно-психологической безопасности, отбирались документы, посвященные как вопросам непосредственно информационно-психологической безопасности (с употреблением данного термина), так и вопросам информационной безопасности, но лишь в том случае, если в них информационная безопасность рассматривалась не в плане безопасности объектов (как защита информации, технических средств сбора, хранения, распространения информации, т.е. в узком техническом аспекте, рассмотрение которого не входило в тематику данного диссертационного исследования), а в плане безопасности субъектов, их защищенности от информации определенного рода.

5. *Отбор отечественных и зарубежных документов.* Наряду с отечественными документами для анализа отбирались и зарубежные. Однако ввиду недоступности большинства зарубежных публикаций и, соответственно, невозможности выявить весь зарубежный документальный поток по рассматриваемой проблематике и достигнуть достаточной полноты в отборе документов зарубежных публикации использовались только как иллюстративный материал.

Итогом первого этапа стало создание списка документов, отобранных для контент-анализа.

Вторым этапом исследования являлось выявление категорий анализа текста (смысловых единиц анализа). В соответствии с целью и задачами исследования были выбраны следующие категории анализа текста:

Первая группа: категории, которые могут быть выявлены путем ознакомления с библиографическим описанием, аннотацией, оглавлением, предисловием, т.е. путем беглого изучения документа:

- страна издания документа,
- год издания документа,
- отрасль знания, к которой принадлежит документ,
- тематика документа,
- тип документа,
- вид документа,
- принадлежность автора документа к определенному научному коллективу,
- научный статус автора документа.

Вторая группа: категории, которые могут быть выявлены только путем глубокого анализа текста:

- определение понятия «обеспечение информационно-психологической безопасности»,
- угрозы информационно-психологической безопасности,
- направления обеспечения информационно-психологической безопасности,
- средства обеспечения информационно-психологической безопасности.

На третьем этапе были установлены единицы счета, конкретизирующие каждую смысловую единицу. Итогом этого этапа стала разработка классификатора контент-анализа, связывающего воедино все смысловые категории и единицы счета (табл. 1).

Приведем образец **бланка контент-анализа** (табл. 2), т.е. таблицы, заполняемой на основе фиксации всех смысловых категорий и единиц счета во всех проанализированных документах. В заголовке таблицы перечислены анализируемые смысловые единицы, в графы заносилось название и автор конкретной публикации, а также единицы счета, присутствующие в ней.

На пятом этапе производилась обработка зафиксированных единиц счета. Проводился частотный и смысловой анализ этих единиц (примером последнего может служить поиск синонимичных определений информационно-психологической безопасности). В соответствии с задачами исследования устанавливались зависимости между определенными единицами (например, между количеством документов, изданных в тот или иной год, и их тематикой – для определения динамики развития тематической структуры потока и т.д.). Данные, полученные в ходе этой обработки, использовались для составления таблиц, схем, диаграмм, наглядно раскрывающих ключевые вопросы исследования.

На **шестом этапе** эти диаграммы и таблицы интерпретировались с позиций исследовательских задач. Приведем некоторые **результаты контент-анализа**, чтобы наглядно продемонстрировать возможности этого метода.

Одной из задач исследования было показать общемировой характер проблемы информационно-психологической безопасности. Результаты обработки материалов контент-анализа по **категории «страна издания»** свидетельствуют об обширной географии исследований данной проблемы (рис. 1).

Наряду с российскими специалистами в исследовании проблемы информационно-психологической безопасности в настоящее время принимают участие представители стран СНГ (Белоруссия, Казахстан, Украина), европейских стран (Западной Европы (Великобритания, Германия), Восточной Европы (Чехия, Словакия), Северной Европы (Финляндия), США и Канады, Австралии. Кроме того, проблема информационно-психологической безопасности отражается и в ряде международных

Классификатор контент-анализа по теме «Публичная библиотека в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей» (фрагмент)

Код единиц анализа	Смысловые категории	Единицы счета
1	Страна издания документа	1.1. Россия 1.2. Зарубежные страны, в том числе: 1.2.1. США 1.2.2. Канада 1.2.3. Великобритания ¹ ... 1.3. Международные документы
2	Год издания документа	1.1. 1996 ... 1.9. 2004
3	Отрасль знания, к которой принадлежит документ	1.1. Психология 1.2. Юриспруденция 1.3. Библиотекведение ...
4	Тематика документа	4.1. Государственная информационная политика 4.2. Информационная культура 4.3. Библиотека в информационном обществе ...
5	Тип документа	5.1. Официально-документальные публикации, в том числе: 5.1.1. Изданные в 1994 г. ... 5.1.9. Изданные в 2004 г. 5.2. Научные публикации, в том числе ² : 5.3. Справочные публикации, в том числе: ...
6	Вид документа	6.1. Книги, в том числе: 6.1.1. Изданные в 1994 г. ... 6.1.9. Изданные в 2004 г. 6.2. Статьи, в том числе: 6.3. Тезисы конференций ...
7	Принадлежность автора документа к определенному научному коллективу	7.1. Московский гос. университет 7.2. Санкт-Петербургский государственный университет 7.3. Институт психологии РАН ...
8	Научный статус автора документа	8.1. Доктора психологических наук 8.2. Кандидаты психологических наук ...
9	Определение понятия «обеспечение информационно-психологической безопасности читателей»	9.1. Безопасность 9.2. Информационная безопасность 9.3. Информационно-психологическая безопасность 9.4. Информационно-психологическая безопасность читателей 9.5. Обеспечение информационно-психологической безопасности 9.6. Обеспечение информационно-психологической безопасности читателей

¹ Здесь и далее единицы счета в однородных рядах приводятся выборочно.

² В пунктах 5.2–5.3 повторяется рубрикация, приведенная в пункте 5.1; в пунктах 6.2–6.3 повторяется рубрикация, приведенная в пункте 6.1.

Код единиц анализа	Смысловые категории	Единицы счета
10	Угрозы информационно-психологической безопасности	10.1. Отсутствие необходимой информации, незаконное ограничение доступа к информации 10.1.1. Применительно к читателям библиотек 10.2. Недостоверная информация 10.2.1. Применительно к читателям библиотек ... 10.7. Другие ³
11	Направления обеспечения информационно-психологической безопасности	11.1. Обеспечение свободного и беспрепятственного доступа личности к информации 11.1.1. В условиях библиотек 11.2. Совершенствование информационной культуры 11.2.1. В условиях библиотек ... 11.9. Другие
12	Средства обеспечения информационно-психологической безопасности	12.1. Технологии развития информационной культуры 12.1.1. В условиях библиотек 12.2. Описание, классификация, аннотирование, реферирование электронных сетевых документов в целях создания справочных пособий по ресурсам Интернета 12.2.1. В условиях библиотек ... 12.9. Другие

³ Поскольку трудно учесть все угрозы, направления и средства обеспечения информационно-психологической безопасности, которые могут быть описаны в публикациях, в пункты 10, 11, 12 включена рубрика «Другие» для фиксации неучтенных, но обнаруженных в тексте единиц счета.

документов, имеющих как общеевропейское, так и общемировое значение (документы Совета Европы, ЮНЕСКО, ООН).

Таким образом, обработка материалов контент-анализа позволила доказать, что проблема информационно-психологической безопасности носит международный характер, актуальна в общемировом масштабе.

Данные, полученные в ходе контент-анализа, позволяют судить и о степени разработанности изучаемой проблемы, наличии (или отсутствии) у специалистов интереса к ней. Для этого на основании обработки результатов контент-анализа по **единицам «тип документа», «вид документа» и «год издания»** необходимо наглядно отобразить видовую структуру научных публикаций (рис. 2), а также динамику развития видовой структуры в научной литературе (рис. 3).

В структуре научных публикаций существенно преобладают статьи и тезисы конференций (51 и 21%, соответственно, рис. 2), а доля книг (выполняющих функцию обобщения, подытоживания имеющегося знания) невелика (6%). Эти тенденции позволяют говорить о том, что проблема информационно-психологической безопасности в настоящий момент находится в стадии активной разработки, быстрого развития (согласно закономерностям развития документального потока, вы-

деленным Г.Ф. Гордукаловой), т.е. свидетельствуют об актуальности проблемы информационно-психологической безопасности на современном этапе.

С помощью анализа **категорий «отрасль знания» и «тематика документа»** нами доказан междисциплинарный статус исследуемой проблемы и наличие библиотековедческой тематики в ее изучении. К области библиотековедения принадлежит 13% проанализированных документов. При изучении взаимосвязи категорий **«отрасль знания» и «вид документа»** было зафиксировано, что если в области психологии, информатики, юриспруденции, политологии существуют отдельные крупные работы (книги), в целом посвященные вопросам информационно-психологической безопасности, то в области библиотековедения таких работ нет. Таким образом, контент-анализ позволил установить, что существует значительный разрыв между степенью разработанности вопросов информационно-психологической безопасности в библиотековедении и других науках.

На основании исследования взаимосвязи **категорий «отрасль знания» и «тематика документа»** выявлено, что библиотековеды в настоящее время затрагивают лишь отдельные аспекты проблемы в работах, посвященных следующей проблематике:

Фрагмент бланка контент-анализа

№ п/п	1	
Автор	Грачев Г.В.	
Название документа	ИПБ личности: состояние и возможности психологической защиты	
Страна издания	Россия	
Год издания	1998	
Отрасль знания	Психология	
Тематика	Манипуляции сознанием	
Тип документа	Научный	
Вид документа	Книга	
Научный коллектив, к которому принадлежит автор	Российская академия государственной службы	
Научный статус автора	Кандидат психологических наук	
Определение	ИПБ	
Угрозы ИПБ	в целом	Недостовверная информация
	применительно к читателям	–
Направления обеспечения ИПБ	в целом	Информирование об угрозах ИПБ
	в условиях библиотек	–
Средства обеспечения ИПБ	в целом	Коммуникативный тренинг
	в условиях библиотек	–
Примечания		

Примечания: 1. В графе «Определение» фиксировалось только наличие в документе тех или иных единиц счета («безопасность», «информационная безопасность», «информационно-психологическая безопасность» и т.д. (см. п. 9 Классификатора контент-анализа). Сами определения выписывались на регистрационных карточках.

2. ИПБ – аббревиатура понятия «информационно-психологическая безопасность».

- формирование информационной культуры,
- роль библиотек в создании в России информационного общества,
- библиотерапевтическая деятельность библиотек.

В ходе контент-анализа возможно **фиксирование не только наличия каких-либо изучаемых единиц в тексте, но и их отсутствия**. Нами выяснено, что такие лексические единицы, как «информационно-психологическая безопасность» и «обеспечение информационно-психологической безопасности», употребляются довольно широко и их содержание подробно раскрыто. В то же время понятие «информационно-психологическая безопасность читателей» употребляется лишь отдель-

ными авторами без раскрытия его сущности, а понятие «обеспечение информационно-психологической безопасности читателей» не употребляется совсем. Таким образом, контент-анализ вскрыл существующий терминологический пробел, показал необходимость создания собственных рабочих определений этих понятий и предоставил необходимые для выполнения такой задачи данные.

Материалы контент-анализа послужили основой для разработки анкеты по проблеме обеспечения информационно-психологической безопасности для читателей и библиотекарей публичных библиотек. Выявленные и систематизированные в ходе изучения документов угрозы информационно-психологической безопасности, направления и средства

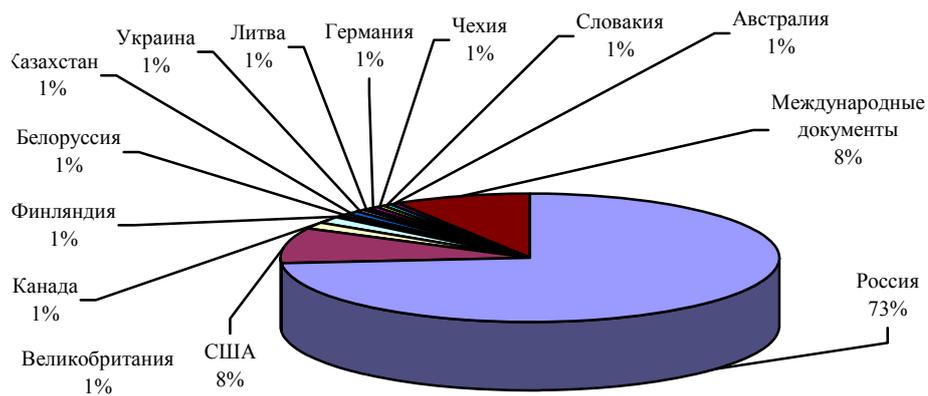

Рис. 1. Количественный анализ публикаций по признаку страны издания

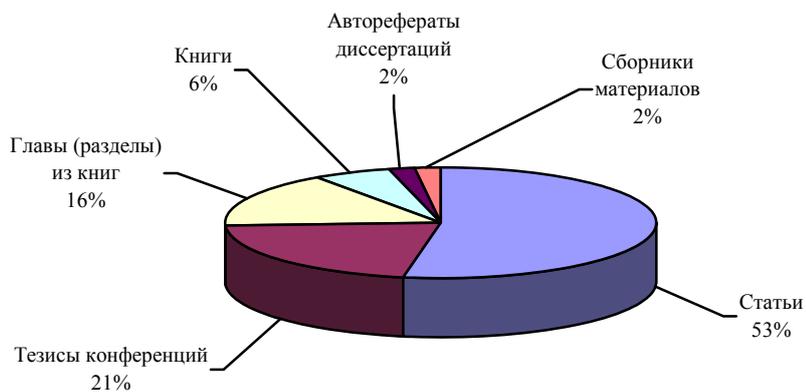

Рис. 2. Количественный анализ публикаций по видам

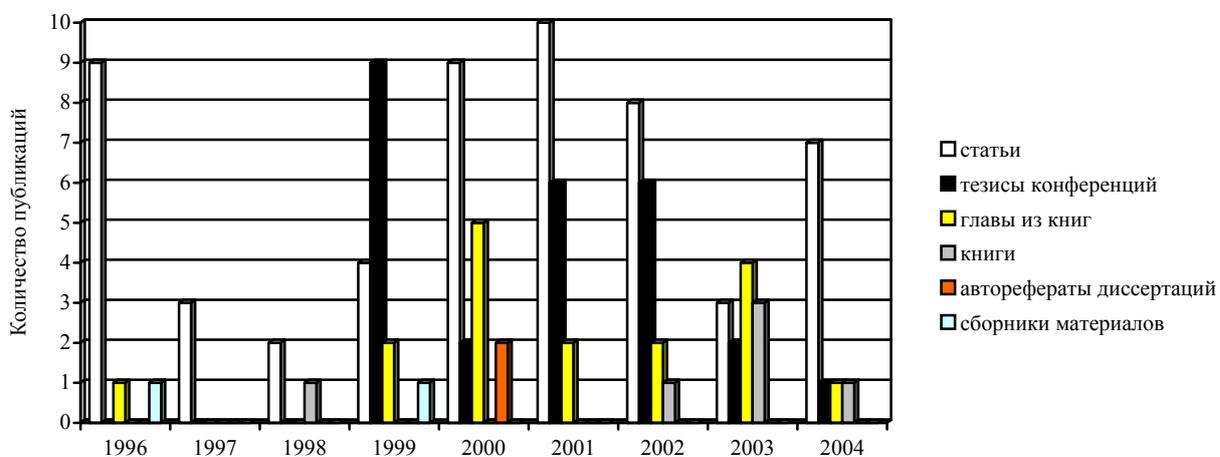

Рис. 3. Динамика развития видовой структуры в научной литературе (1996–2004 гг.)

ее обеспечения были предложены для оценки респондентам. Сопоставление результатов контент-анализа (отражающих мнение специалистов) и результатов анкетирования (отражающих мнение библиотекарей и читателей) позволило выявить расхождения между теоретическим и практическим представлением об обеспечении информационно-психологической безопасности читателей, а также круг вопросов, не рассматриваемых специалистами, но представляющих интерес для читателей.

Подытоживая изложенное, отметим, что метод контент-анализа использовался по-разному на различных этапах исследования для решения тех или иных задач:

- в качестве основного метода (для анализа документального потока);

- параллельного метода (в частности, при создании рабочего определения «обеспечение информационно-психологической безопасности читателей» он использовался параллельно с методами терминологического анализа и операционализации понятий);

- вспомогательного метода (например, при разработке анкеты для читателей и библиотекарей).

Таким образом, метод контент-анализа **открывает широкие эвристические возможности** для исследования такой сложной и многоаспектной проблемы, как публичная библиотека в обеспечении информационно-психологической безопасности читателей.

Материал поступил в редакцию 9.04.2007 г.

Сведения об авторе: *Чурашева Ольга Леонидовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры библиотековедения и книговедения, тел.: (812) 314-29-85*

УДК 378+02
ББК 74.58+78.34(2)

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СООБЩЕСТВА

© Е.В. Строгецкая, 2007

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Рассматривается взаимосвязь тенденций развития библиосферы и ценностных ориентаций современных университетских сообществ. Обсуждается проблема методологических особенностей исследования ценностных ориентаций. Демонстрируются возможности дискурс-анализа для изучения коммуникационного пространства вуза и выявления главных субъектов ценностных отношений. Выявляется особое значение реальной и виртуальной библиотек как ценностных объектов.

Ключевые слова: развитие библиосферы, университет, ценностные ориентации, дискурс-анализ, коммуникационное пространство.

Одним из главных субъектов развития библиосферы выступает университет. Его влияние можно разделить на два взаимопроникающих уровня. Первый условно может быть назван «текстуальным». Поскольку главными целями университета во все времена выступали производство и распространение знаний, то традиционно основным продуктом его деятельности выступали текст, книга, учебник, которые становились структурными единицами, наполнявшими библиосферу.

Второй уровень можно обозначить как «интертекстуальный». Он обуславливает принципы формирования, развития и функционирования библиосферы. Появление этого уровня связано с миссией классического университета – поиском истины, порождением духовных ценностей, передачей культуры. Говоря об истине, необходимо помнить, что каждый культурно-исторический период производил свой «формат» истины. М. Фуко называл этот формат матрицей «власть–знание» и подчеркивал ее коммуникационный характер. Сами способы извлечения, сбора, представления, обсуждения, легитимации, трансляции и хранения информации задавали устойчивые признаки, которыми должно было обладать знание, чтобы быть отнесенным к истине.

Фуко выделил три исторически сложившихся, последовательно сменяющих друг друга матрицы: «мера», «опрос» и «осмотр». Господство каждой из них придавало библиосфере новое культурное значение. Матрица «мера» делала научные трактаты античности своего рода инструментами для дальнейших экспериментов и исследований; мат-

рица «опрос» придавала книге значение «свидетеля», «очевидца» и возводила ее на высшую ступень среди источников знаний; матрица «осмотр» превращала библиосферу в своего рода хранилище карт и каталогов, содержащих эталоны для разного рода классификаций.

Индустриальный период в жизни человечества породил еще одну матричную структуру – матрицу «заказ». Такая когнитивно-телеологическая структура определяет жесткую зависимость субъекта познания от его заказчика. Основной принцип матрицы «заказ» заключается в конструировании характеристик объекта в соответствии с потребностями заказчика. Свойства объекта не столько постигаются в опыте, сколько приписываются ему и закрепляются в нем различными технологическими способами как технического, так и социального порядка. В период господства матрицы «заказ» библиосфера перестает быть лишь особым образом структурированной средой текста, а приобретает черты высокотехнологичного механизма, продуктом деятельности которого становятся целостные, «упакованные» ответы на заданные вопросы.

Современная постиндустриальная эпоха характеризуется заметным социально-политическим сегментированием и, как следствие, отсутствием единой доминирующей матрицы власти–знания. Сегодня относительно независимо друг от друга сосуществуют все перечисленные форматы истины. Их выбор зависит от ценностных приоритетов субъектов деятельности, связанной с производением, хранением и передачей знаний. Отсюда столь очевидной становится зависимость тенден-

ций развития библиосферы от трансформации ценностных ориентаций научно-образовательных и, в частности, университетских сообществ.

К сегодняшнему дню в области гуманитарных наук накоплено множество определений ценности. Многие из них сводятся либо к предмету, имеющему значение для человека или общества, либо к свойству этого предмета, задающему вектор значения. М.С. Каган считает, что и те и другие определения ограничены, поскольку предмет не может быть значим без своих специфических свойств, проявленных в деятельности, а свойство предмета не имеет ценностного значения без оценивающего их субъекта [1]. Кроме того, многие существующие концепции ценностей не дают возможности исследовать динамику ценностных ориентаций, что необходимо в условиях быстрых социальных изменений, характерных для современного исторического периода.

Задачу анализа динамических свойств ценностных систем, на взгляд автора, позволяет решить трактовка ценностной ориентации Т. Парсонса, выделяющего детерминирующую роль ценностей в социальном действии.

Ценностная ориентация относится к таким аспектам ориентации в ситуации социального действия, которые дают возможность индивидуальным авторам, составляющим социальную систему, и самой системе, как коллективному автору, обосновывать правильность или неправильность своих действий, т.е. соблюдать некоторые нормы, стандарты, критерии отбора в ситуации, позволяющей выбор или требующей таковой [2, с. 468–469].

На фоне парсоновской трактовки ценностной ориентации весьма операциональными представляются те методологические подходы, которые обращаются не к самой ценности, а к ценностному отношению. Ценностное отношение образуется особой формой связи индивидуального или коллективного субъекта и значимого для него объекта. В процессе деятельности субъекта подобная связь реализуется двояко – как отнесение к ценности оцениваемого объекта и как его осмысление [1, с. 50].

Отнесение к ценности, или, иначе говоря, оценка объекта исходя из уже сложившихся у субъекта представлений о ценностных образцах осуществляется прежде всего эмоционально. Объекты оцениваются с точки зрения влечения субъекта к тем из них, которые способны принести удовлетворение, или стремления избежать тех объектов, которые могут причинить вред. Оценочный способ ориентирования связан с личными пристрастиями индивидуальных субъектов, их вкусом или со стилевыми предпочтениями сообщества, составляющего коллективный субъект. Результатом оценочного способа ценностного ори-

ентирования становится легитимация переживания, выраженного в виде вербальных или невербальных символов.

Символически выраженная эмоциональная оценка может в той или иной степени осознаваться, подвергаться рационализации, когнитивной обработке субъекта с помощью ресурсов его мировоззрения. Когнитивный способ ориентирования позволяет устанавливать валидность познавательных суждений, релевантность данных, важность различных проблем. Этот процесс часто сталкивается с категориями, имплицитными структуре языка, посредством которых наблюдения и проблемы сознательно или бессознательно оцениваются как валидные. В процессе познавательного ценностного ориентирования легитимность получают определенные системы идей, верований или убеждений индивидуального субъекта, для коллективного субъекта формируется философия и идеология сообщества. Б. Тернер привлекал особое внимание исследователей к вопросам организационной идеологии. Он справедливо замечал, что идеология в скрытом виде содержится в таких социальных механизмах, как мифы и ритуалы, цель которых – воспроизводство культуры и системы организационных ценностей [3].

Таким образом, отнесение к ценности или оценка имеет два процессуальных уровня – психологический и мировоззренческий, в рамках которых осуществляется воспроизводство существующей системы ценностных отношений индивидуального или коллективного субъекта.

Результат ценностного ориентирования не ограничивается воспроизводством существующей системы ценностей, а сам этот процесс – автоматическим выбором тех или иных ценностных образцов, осуществляемым под действием аффекта и ставшего нерефлексируемым (фоновым) опыта. Синтез или конструирование новых ценностных отношений имеют место на этапе осмысления. Осмысление связано с третьим, интегрирующим способом ценностного ориентирования, который получает название морального. Моральный способ управляет выбором с учетом того, как воздействуют последствия этого выбора на интеграцию собственной личностной системы индивидуального субъекта и на интеграцию социальной системы коллективного субъекта [2, с. 470]. Сознательная оценка сделанного выбора с точки зрения целостности той или иной системы предполагает необходимость осмысления оцениваемого, т.е. выявления и понимания того конкретного смысла, который данный объект имеет для субъекта. Основным механизмом поиска смыслов и синтеза ценностных систем индивидуальным субъектом исследователи считают мысленный диалог.

В случае коллективного субъекта ценностная ориентация сможет состояться только тогда, когда все индивиды, составляющие коллектив, придут к соглашению по поводу оценки объекта и осмыслят его как ценность. При условии сходства эмоционального склада, социального опыта и мировоззрения индивидов, входящих в достаточно сплоченное сообщество, чтобы при обсуждении той или иной темы испытывать режим «огруппления» мышления, единство осмысления достигается быстро и относительно легко. В иных случаях ценностная ориентация коллективного субъекта представляет собой серьезную проблему.

Особенно остро вопрос осмысления различных объектов как ценных для всего сообщества стоит в крупных, жестко дифференцированных, гетерогенных, поликультурных организациях. Диалог здесь затруднен, поскольку противоречия в смыслопорождении приводят к внутренней символической борьбе.

В контексте символической борьбы для ценностной интеграции неоднородных сообществ особое значение приобретают дискуссионные и переговорные практики, к сожалению, столь часто сводящиеся к формальности. Они позволяют выработать «словарь» концептуальных категорий, наиболее важных терминов и понятий, тем самым переходя, в прямом смысле слова, от борьбы, конфронтации, невозможности понимать друг друга к интеграции.

Если сопоставить индивидуальный и коллективный механизмы осмысления ценностей, то можно обнаружить их общность, заключающуюся в коммуникационной природе обоих механизмов. Коммуникация выступает логическим продолжением мысленного диалога частичных субъектов и становится обязательным контекстом осмысления ценностей совокупным субъектом. Таким образом, осмысление ценностей происходит в рамках коммуникации (внутренней или внешней, в зависимости от качества субъекта).

Использование «деятельностных» или «отношенческих» методологических подходов в анализе ценностных ориентаций университетского сообщества диктует необходимость учета всех названных особенностей реализации ценностных отношений коллективным субъектом: во-первых, отношение к ценности в данном случае происходит в контексте символической системы, принятой сообществом, и детерминирована его идеологией; во-вторых, процесс осмысления ценности объектов для всего коллективного субъекта осуществляется в рамках коммуникационных практик (символической борьбы, дискуссии, переговоров и т.д.). Изучение коммуникационного уровня ценностного ориентирования приобретает в случае университета особое значение, поскольку он представляет

собой не просто неоднородную организацию, а поликультурную, конфликтную среду, где единство осмысления объектов как ценных для всех субгрупп практически недостижимо, а следовательно, весьма проблематичным оказывается формирование общей философии и идеологии университета, а также встречает сопротивление субгрупп распространение единой символической системы вуза.

Анализ ценностных ориентаций университетского сообщества можно разделить на несколько этапов. Первый – нацелен на выявление основных субъектов ценностных отношений, выбирающих те или иные объекты в качестве ценных и доказывающих их ценность для всего вуза в рамках собственной коммуникативной деятельности. Второй направлен на обнаружение ценностных противоречий внутри университетского сообщества, определение условий их проявления и способов преодоления. Наибольшее внимания требует анализ переговорных практик разрешения ценностных противоречий и фиксация их результатов, поскольку именно они определяют содержание аксиосферы исследуемого вуза. Переговорные практики являются предметом третьего, заключительного этапа анализа.

Исследование ценностных ориентаций в контексте коммуникативной деятельности обуславливает использование такого инструмента анализа, как дискурс. Из всех имеющихся традиций дискурс-анализа наиболее релевантной для достижения обозначенных выше целей автору представляется социально-коммуникативная парадигма, которая рассматривает дискурс как повседневную социально-коммуникативную практику и позволяет оценить ценностные отношения, проявляющие себя в непосредственном общении внутри вуза. Посредством социально-коммуникативного подхода возможно выяснить: а) каковы ценностные ориентации субгрупп разного уровня; б) каковы межгрупповые ценностные различия; в) как осуществляется дискурсивное оснащение кооперативной/конкурентной коммуникативной деятельности внутри сообщества; г) каковы коммуникативные модели переговоров, в рамках которых осуществляется осмысление и выявление общих для вуза ценностей.

В заключение автор хотел бы познакомить читателей с результатами первого этапа анализа ценностных ориентаций университетского сообщества, выполненного на базе принципов «отношенческого» методологического подхода и с использованием в качестве исследовательского метода дискурс-анализа. Для анализа использовались кейсы Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», Нижегородского государственного технического университета, Нижегородского государственного лин-

гвистического университета им. Н.А. Добролюбова и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Как показали пилотные исследования, формальная структура университетов не позволяет выделить субъектов ценностных отношений. Межгрупповые ценностные различия порождаются и поддерживаются не столько формальной разделенностью на профессиональные направления и функциональные подразделения, сколько неформальной коммуникативной структурой.

Для уточнения модели неформального коммуникационного пространства современного университета были выделены признаки, дифференцирующие вузовскую общественность на дискурсивные группы. Эти признаки оказывают существенное влияние на формирование субъективного опыта и заставляют людей по-разному переживать и выражать принадлежность к одной организации и одному профессиональному сообществу, продуцировать различные ценностные отношения. Неформальное коммуникационное пространство любого университета может быть разделено на несколько плоскостей: ролевую, статусную, праксиологическую, демографическую, профессиональную.

Преподавательское сообщество может быть разграничено по статусному и праксиологическому признаку. Ядро статусной плоскости составляют преподаватели, обладающие авторитетом среди вузовской общественности. Формальные источники авторитета – занимаемые должности (центральная группа в статусном поле вуза – «группа администраторов»). Неформальным источником авторитета является стаж работы в вузе. На основании этого признака формируется «группа старейшин» – сотрудников, находящихся в узлах сосредоточения разнообразных ресурсов (прежде всего информационных), но не обязательно формально занимающих ключевые посты в управлении университетом. В статусной плоскости группой аутсайдеров выступают рядовые преподаватели, не занимающие никаких административных должностей.

Праксиологический признак связан со спецификой деятельности преподавателя. Преподавателей, совмещающих науку и преподавание, можно условно разделить на преподавателей-«отечественников» и преподавателей-«глобалистов». Преподаватели-«отечественники» названы так, потому что финансирование их научных работ осуществляется отечественными научными фондами, Министерством образования, отраслевыми министерствами, промышленностью и т.д. Обычно «отечественники» возглавляют научные школы. Такие преподаватели рассматриваются элитой вузов, так как негласно подразумевается не только наличие у

них высокого профессионализма и научного потенциала, но и наличие возможностей и готовности лоббирования проектов на высшем уровне. Преподаватели-«глобалисты» получают финансирование из зарубежных источников. Наибольшим мотиватором для «глобалистов» является возможность получить мировое признание научной ответственности и расширить международные связи. Высшее учебное заведение, в котором они трудятся, в основном рассматривается как средство для достижения желаемых целей.

Преподавателей, не ведущих научные исследования, можно разделить на преподавателей-администраторов, о которых шла речь ранее, преподавателей-«репетиторов» и преподавателей конъюнктурного склада. Под «репетиторами» в данном случае рассматриваются преподаватели фундаментальных дисциплин. Влияние представителей данной группы в коммуникационном поле вуза определяется их профессиональным уровнем, количеством учеников и степенью участия в работе приемной комиссии вуза. Преподаватели конъюнктурного склада заняты образовательной деятельностью во многих вузах. Часто таковыми становятся люди, работающие на непрофильных кафедрах университетов.

Праксиологический признак разделения на дискурсивные группы студентов – степень их активности. Необходимо отметить, что для обозначения места студенческих групп в коммуникационном пространстве вуза важна не только активность в учебе, но и в общественной жизни вуза, которая значительно расширяет зону контактов. Демографическая плоскость коммуникационного пространства характерна для любого университета. Она появляется вследствие наличия в вузе иностранных и иногородних студентов. Особую ролевую группу составляют аспиранты.

Таким образом, на первом этапе анализа ценностных ориентаций университетского сообщества посредством дискурс-анализа в рамках коммуникационного пространства университета были выделены основные субъекты ценностных отношений. Для осуществления следующего этапа исследования – выявления ценностных противоречий и способов их преодоления – необходимо выбрать объекты, обладающие потенциальной ценностью в условиях научно-образовательной деятельности, и оценить степень интеграции университетского сообщества вокруг этих объектов.

К таким объектам, по мнению автора, в первую очередь необходимо отнести реальную и виртуальную библиотеки, поскольку сегодня это не просто несхожие пространства хранения информации, но и принципиально отличающиеся друг от друга сферы взаимодействия субъектов университетского сообщества и научно-образовательной среды,

МЕТОДОЛОГИЯ НИР

порождающие собственные правила, ценности и форматы истины.

Список литературы

1. *Каган, М. С.* Философская теория ценности / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 205 с.

2. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2000. – 879 с.
3. *Тернер, Б.* Символ и ритуал / Б. Тернер. – М. : Мысль, 1983.

Материал поступил в редакцию 22.05.2007 г.

Сведения об авторе: *Строгецкая Елена Витальевна* – кандидат политических наук, доцент,
зав. кафедрой социологии и политологии,
тел.: (812) 346-47-83, e-mail: avs1973@list.ru

УДК 02
ББК 78.30

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И БИБЛИОТЕЧНОЙ ПРАКТИКИ (обзор публикаций 30-х гг. XX в.)

© А.Н. Ванеев, 2007

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2*

Излагаются точки зрения и методики изучения читателей и библиотечной практики ведущих специалистов и авторитетов библиотечного дела 1930-х гг.

Ключевые слова: обзор, изучение читателей, наблюдения, эксперимент, сравнительный метод, метод технического нормирования, статистические методы, аннотирование, биографический метод.

К 1930-м гг. советские библиотеки накопили значительный опыт работы по обслуживанию читателей, пропаганде литературы. Теоретически обобщить и осмыслить этот опыт, сделать его достоянием всех библиотечных работников, выявить основные тенденции развития библиотечного дела в стране и на этой основе наметить перспективы его развития стало насущной задачей советского библиотековедения.

Н.К. Крупская, выступая в 1933 г. по радио, говорила: «За шестнадцать лет советской власти на библиотечном фронте сделано немало ценного, проявлена большая инициатива, в библиотечное дело внесено много нового – такого, что в корне меняет весь характер работы... Необходимо взяться всерьез за учет того, что есть, и за укрепление того, что имеется, чтобы на основе уже имеющегося двигаться дальше» [5, с. 336–337]. Особое внимание библиотековедов она обращала на исследование методов «наиболее быстрого и целесообразного» обслуживания читателей [4, с. 224].

Н.К. Крупская обращала внимание не только на изучение библиотечной практики, но и на отбор фактов. Она писала: «Надо уметь выбирать из бесконечной массы фактов самые важные, говорящие, волнующие, надо давать их в правильных связях и опосредствованиях, давать их в живом развитии» [6, с. 530].

Н.К. Крупская подчеркивала: «Научиться изучать опыт – это значит смотреть, выработать показатели, мерил качества... Научиться собирать – это значит научиться выбирать самое существенное, характерное, яркое. Научиться обобщать – значит научиться смотреть на факты трезво, без нытья и приукрашивания действительности, делать из наблюдений выводы, проверять их. Знать меру количества вопросов – значит научиться вы-

бирать самое важное, самое актуальное, самое показательное» [8, с. 580].

Эти мысли Н.К. Крупской во многом послужили базой для развертывания теоретической работы по исследованию библиотечной практики и, прежде всего, передового библиотечного опыта.

В рассматриваемый период, как и в 20-х гг. прошлого столетия, методы библиотековедческих исследований разрабатывались в основном в двух направлениях: методы исследования библиотечной практики и методы изучения читателей. При этом методы изучения читателей, как традиционно более разработанные в отечественном библиотековедении, оказывали свое влияние и на разработку методов исследования библиотечной практики. В библиотековедческой литературе тех лет неоднократно подчеркивалась применимость методов, используемых в изучении читательских интересов, для исследования проблем библиотечной практики.

В то же время следует отметить, что в основном методы исследования читателей и библиотечной практики разрабатывались самостоятельно и параллельно и в библиотековедческой литературе почти не рассматривались методы библиотековедческих исследований в целом.

В исследовании библиотечной практики библиотековеды на первое место ставили метод непосредственного наблюдения. В частности, подчеркивалось важное значение этого метода при изучении проблем рационализации библиотечных процессов, нормирования библиотечного труда и других проблем научной организации труда в библиотечном деле. При этом обращалось внимание на использование таких приемов наблюдения, как «фотография» рабочего дня и проведение хронометражных наблюдений [17, с. 18].

Наряду с этим в библиотековедческой литературе указывалось на необходимость более широкого использования в исследовании библиотечной практики экспериментальных методов. Так, А.Я. Виленкин считал, что основным направлением изучения библиотечной практики является «широкое развертывание обследовательской работы в сочетании с... постановкой опытных, экспериментальных мероприятий» [2, с. 10].

Обращалось также внимание на необходимость использования в исследовании библиотечной практики сравнительного метода. Так, Л.Б. Хавкина отмечала, что «сравнительное изучение какого-либо вопроса не только помогает его осветить и усвоить в теории, но и выбрать для практики то, что наиболее подходит к нашим условиям» [19, с. 71].

В библиотековедческих исследованиях, связанных с организационными проблемами библиотечного дела, использовались также методы технического нормирования, т.е. исследования «всего производственного цикла по элементам операций с точки зрения определения наиболее рационального его (цикла) и взаимодействия всех факторов, влияющих на норму» [15, с. 72].

Таким образом, в 30-х гг. XX в. были заложены основы методологии и методики исследования библиотечной практики. Однако это был лишь период становления данной проблемы. Вопросы углубленного изучения опыта библиотек, особенно проведения наблюдений и экспериментов, анализа и обобщения библиотечной практики, по существу, не получили разрешения.

В эти годы продолжалась разработка и методов изучения читателей. Причем важно отметить, что библиотековеды рассматривали не только отдельные методы изучения, но и их систему, стремились обосновать общие методологические требования к исследованию читателей.

Методологические проблемы изучения читателей были сформулированы Н.К. Крупской. Она подчеркивала, что при изучении читателей «надо выбирать тот слой, который имеет в данный момент решающее значение, изучить, как, чем он интересуется, не только на основании читательского спроса, а изучать надо одновременно и жизнь, которая будит определенные интересы у читателя» [9, с. 210].

Важный вклад в разработку этой проблемы был внесен Д.М. Лекаренко. Он подчеркивал, что изучать читателей – это не значит фотографировать их. К изучению читателей наблюдатель не может подходить беспристрастно. Во-первых, исследователь к наблюдению подходит с определенных позиций, с определенной идеей. Во-вторых, он пытается при исследовании обнаружить, насколько правильны его предположения. Поэтому он не ограничивается тем, что видно на поверхно-

сти, а изучает активно: беседует, разъясняет, задает вопросы и т.д. В-третьих, исследователь принимает меры к тому, чтобы на основании выводов наметить пути для достижения намеченной цели.

Д.М. Лекаренко подчеркивал, что объективность выводов заключается в том, что идея, которой руководствовался исследователь, является прогрессивной и что выводы он не выдумывает, не опирается на подтасованные факты, а на то, что есть в действительности. Он подчеркивал, что исследование и использованные в нем методы не могут быть оторваны от мировоззрения [10, с. 50].

Попытки Д.М. Лекаренко обосновать методологические требования к исследованию читательских интересов имели большое значение, так как, как указывала Н.К. Крупская, методы изучения читателей, которые использовались в библиотековедении, были «весьма мало научны, первобытны» [7, с. 395].

Выводы Д.М. Лекаренко имели большое теоретическое значение еще и потому, что в ходе «теоретической дискуссии» начала 30-х гг. прошлого столетия было подвергнуто необоснованной критике методологическое требование, которому стремились следовать библиотековеды при обобщении материалов изучения читательских интересов, которое запрещало делать какие бы то ни было выводы или предположения помимо изученного объективного, эмпирическим путем добытого материала и ограничиваться целиком его пределами. В библиотековедческой литературе начала 30-х гг. критиковалась позиция «созерцательного объективизма», которую усматривали в том, что исследователь строго ограничивал выводы данными, полученными в ходе исследования [1, с. 35].

Как и в 1920-х гг., в рассматриваемый период в советском библиотековедении проводится важное методологическое положение о системе методов изучения читателя как необходимом условии получения объективных результатов. Так, Д.М. Лекаренко и В.А. Невский указывали, что ни одно исследование читательских интересов, проведенное только одним каким-либо методом, не может дать объективных результатов. Они подчеркивали, что «читательские интересы, как и вся библиотечная работа, – столь сложное явление, что научное изучение их требует не только извлечения из читательского формуляра и регистрации спроса, но и достаточно глубокого знакомства с самим читателем, с его производственным, политическим и бытовым окружением, а также учета в период обследования особенностей жизни предприятия, книжного рынка, даже больше – жизни нашей страны в целом» [11, с. 21].

В эти же годы разрабатывались и статистические методы изучения читателя. Так, Л.Б. Хавкина писала: «Библиотека и читательская масса

рассматриваются как общественное явление, а изучение общественных явлений производится при помощи **статистического метода**, который состоит в том, чтобы группировать данные и делать выводы на основании массовых наблюдений». Она отмечала, что статистическим методом изучается «облик читающей массы со стороны ее состава и со стороны ее чтения, иначе говоря: **кто** пользуется библиотекой и **что** читается в библиотеке» [18, с. 329].

В то же время она указывала и на недостатки статистического метода, которые заключаются в том, что «он отождествляет интересы читателя с деятельностью библиотеки, тогда как это совпадает лишь до известной степени, а не полностью. Книга, взятая лишь для того, чтобы не уйти с пустыми руками, если в библиотеке не оказалось налицо ни одной из тех книг, которые требовал читатель, потому что они выданы, несколько не характерно для изучения интересов читателя. В подсчет выданных книг попадают и те, которые выбраны были неудачно или не понравились читателю, или он подержал их дома и вернул, не читая» [18, с. 125].

В.А. Невский также считал, что выдача книг отражает не столько читательские интересы, сколько интересы библиотекаря, комплектующего библиотеку и оказывающего влияние на читателя в процессе выдачи книг [12, с. 37].

В библиотековедческой литературе уделялось также внимание использованию анкетного метода в библиотековедческих исследованиях. Так, Е.И. Хлебцевич полагал, что анкета (под ней он понимал и письменный и устный опрос) позволяет получить материал по самым разнообразным вопросам обслуживания читателей, работы с книгой, руководства чтением [20, с. 148]. Он подчеркивал, что анкета заключает в себе «элементы массового наблюдения и даже эксперимента» [20, с. 150].

В то же время Е.И. Хлебцевич указывал и на недостатки анкетного метода. Он отмечал, что этот метод изучения читателей «выявляет лишь поверхностно общий характер их запросов и желаний и требует дальнейшей объективной проверки и конкретизации» [20, с. 7]. Характеризуя результаты анкетного опроса как «предварительные данные», он отмечал, что его результаты требуют объективной проверки либо постановкой «добавочного опыта», либо проверкой выводов данными, полученными в результате применения других методов изучения читателя, либо взаимной проверки имеющихся выводов [20, с. 158].

О.С. Чубарьян также предостерегал от чрезмерного увлечения методом анкетных обследований и подчеркивал, что анкетный опрос нужно проводить таким образом, чтобы получить мате-

риалы, «возможные для использования на длительный период времени» [21, с. 32].

Высокую оценку в эти годы получил в библиотековедении метод сбора и анализа отзывов читателей о прочитанных книгах. Так, Е.И. Хлебцевич полагал, что этот метод «выявляет социальный эффект книги» [20, с. 7].

В библиотековедческой литературе обращалось также внимание на «биографический метод». Так, З. Ривлин, Е. Стратановская и Г. Воронов указывали, что читательская автобиография – это воспоминания, составленные самим читателем, отражающие его постепенный рост как читателя [16, с. 61]. В.Н. Денисьев считал, что изучение «читательской биографии, т.е. круга ранее прочитанных читателем книг», поможет более объективно подойти к решению задач руководства чтением [3, с. 27].

В специальной литературе подчеркивалась необходимость использования в изучении читателей психологических методов. Л.Б. Хавкина объясняла их суть следующим образом: «Так как склонности человека, а в том числе и его читательские интересы, в значительной степени определяются общественной средой, то изучается психология определенных социальных групп, определенных профессий, определенных народностей и т.д.» [18, с. 127].

В.А. Невский указывал на приемы изучения читателя, позволяющие изучить «степень усвоения книги читателем и уровень его познаний по данному вопросу». Он предлагал использовать в этих целях тесты-определители, избирательные тесты, тесты-казусы, а также метод «жизненных коллизий». С помощью тестов, считал В.А. Невский, возможно «установить правильность и скорость чтения, понимание прочитанного, запас знаний читателя и его идеологические установки» [13, с. 64]. Впрочем, В.А. Невский отмечал, что предлагаемые им методы не только не используются в библиотековедческих исследованиях, но и «совсем еще неизвестны» библиотечным работникам [13, с. 44].

В целом разработке методов изучения читателей в рассматриваемый период уделялось значительно меньше внимания, чем в 20-х гг. Их развитие тормозилось тем, что в эти годы используемые в библиотековедении методы изучения читательских интересов были объявлены «буржуазными». Например, указывалось, что такие методы исследования, как «объективное наблюдение» и «опрос», целиком заимствованы советским библиотековедением из буржуазной педагогики и психологии «без соответствующей переработки применительно к особенностям общественных явлений» [14, с. 22].

Кроме того, в 30-х гг. отсутствовало четкое разграничение понятий «метод исследования» и «прием накопления материала», не была разработана научная классификация методов в библиоте-

коведении. Поэтому некоторые библиотековеды считали, что наблюдение, эксперимент, анкетный опрос и т.п. являются не методами исследования, а лишь приемами накопления материала, так как единственным научным методом исследования является марксистская диалектика.

Такое понимание не могло не сказываться на уровне развития методологии и методики библиотеческих исследований.

Выработанные в эти годы методологические положения не оказывали существенного воздействия на изучение читательских интересов, которое велось в 30-х гг. прошлого века, особенно во второй их половине, менее активно, чем в 20-х гг. Не проводились централизованные исследования, данные вопросы редко освещались в профессиональной печати. С 30-х гг. была по существу прекращена теоретическая разработка таких проблем, как изучение процесса чтения и восприятия прочитанного, психологическое воздействие форм и методов пропаганды книги и руководства чтением. К исследованию этих проблем советские библиотековеды обратились вновь лишь в 60–70-х гг.

Список литературы

1. *Виленкин, А. Я.* За решительную борьбу с ошибками // *Крас. библиотечкарь*. – 1931. – № 7. – С. 33–36.
2. *Виленкин, А. Я.* Как изучать опыт библиотечной работы в районах сплошной коллективизации // *Крас. библиотечкарь*. – 1930. – № 3. – С. 9–14.
3. *Денисьев, В. Н.* О работе массовых библиотек в помощь самообразованию читателей // *Крас. библиотечкарь*. – 1938. – № 4. – С. 21–32.
4. *Крупская, Н. К.* Беседа с директорами научных и краевых (областных) библиотек // *О библиотечном деле*. – М., 1986. – Т. 5. – С. 221–228.
5. *Крупская, Н. К.* Библиотека – важнейший участок культурного фронта // *О библиотечном деле*. – М., 1984. – Т. 3. – С. 336–340.
6. *Крупская, Н. К.* Действенный метод // *Педагогические сочинения в 10-ти т.* – М., 1960. – Т. 8. – С. 529–531.
7. *Крупская, Н. К.* Общество педагогов-марксистов // *Педагогические сочинения в 10-ти т.* – М., 1958. – Т. 2. – С. 394–397.
8. *Крупская, Н. К.* Очередные задачи общества педагогов-марксистов и журнала «На путях к новой школе» // *Педагогические сочинения в 10-ти т.* – М., 1958. – Т. 2. – С. 576–582.
9. *Крупская, Н. К.* Речь на совещании директоров научных госбюджетных библиотек // *О библиотечном деле*. – М., 1985. – Т. 4. – С. 204–212.
10. *Лекаренко, Д. М.* Изучение читателей народниками // *Труды ХГБИ*. – 1940. – Вып. 1. – С. 33–52.
11. *Лекаренко, Д. М.* Читательский спрос рабочей молодежи / Д. М. Лекаренко, В. А. Невский // *Крас. библиотечкарь*. – 1935. – № 6. – С. 20–25.
12. *Невский, В. А.* Работа с книгой, справочная работа и самообразование в рабочей библиотеке / В. А. Невский. – М., 1929. – 43 с.
13. *Невский, В. А.* Читатель-горняк (опыт выборочного обследования 13 горняцких библиотек) / В. А. Невский. – М. : Изд-во ЦИЗПО, 1931. – 67 с.
14. *Попов, А.* О путях социалистической реконструкции библиотечной работы // *Крас. библиотечкарь*. – 1931. – № 4. – С. 16–23.
15. *Рабей, М. И.* Методика разработки комплексных норм в крупных библиотеках // *Крас. библиотечкарь*. – 1937. – № 3. – С. 71–82.
16. *Ривлин, З.* За широкое развертывание самообразования / З. Ривлин, Е. Стратановская, Г. Воронов // *В помощь библиотеке*. – Л., 1934. – С. 55–66.
17. *Трифонов, И. З.* Нормирование процесса обработки книг в массовой библиотеке // *Крас. библиотечкарь*. – 1940. – № 4. – С. 12–21.
18. *Хавкина, Л. Б.* Руководство для небольших и средних библиотек. – 6-е изд. / Л. Б. Хавкина. – М. ; Л. : ГИЗ, 1930. – 384 с.
19. *Хавкина, Л. Б.* Сводный каталог и его составление // *Крас. библиотечкарь*. – 1931. – № 2. – С. 71–74.
20. *Хлебцевич, Е. И.* Массовый читатель и работа с книгой / Е. И. Хлебцевич. – М. : Учпедгиз, 1936. – 208 с.
21. *Чубарьян, О. С.* Техчас в библиотеке // *Крас. библиотечкарь*. – 1936. – № 1. – С. 31–37.

Материал поступил в редакцию 9.04.2007 г.

Сведения об авторе: *Ванев Анатолий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор*

УДК 02:001.8
ББК 78.303

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ (обзор публикаций второй половины XX в.)

© А.Н. Ванеев, 2007

*Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2*

В историческом обзоре дается картина уровня теоретического обобщения методологии и методов библиотекведения в трудах В.С. Крейденко, В.В. Скворцова, Ю.Н. Столярова и др. Излагается вклад в теорию исследовательских библиотеческих методов научных коллективов Ленинградского государственного института культуры и Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: методология, методы, принципы, прогностика, моделирование.

Активная разработка методологических проблем библиотекведения началась с 70-х гг. XX в. В разработку теории исследовательских методов в библиотекведении значительный вклад внесла совместная деятельность научных коллективов Государственной публичной библиотеки (ГПБ) и кафедры библиотекведения Ленинградского государственного института культуры, результаты которой выразились в создании серии пособий в помощь научной работе библиотек (18 выпусков) и завершились изданием в 1978 г. коллективной монографии «Библиотеческие исследования: методология и методика» [2]. В монографии впервые была систематизирована и изложена методика научно-исследовательской работы в области библиотечного дела.

Монография получила положительную оценку в библиотеческой печати. Вместе с тем в рецензиях указывалось, что рассмотрение в ней вопросов о взаимосвязях библиотекведения с другими науками излишне, так как, как считал, например, Н.С. Карташов, эти проблемы лишь отдаленно связаны с методологией и методикой конкретных научных исследований [14]. Ю.Н. Столяров также полагал, что отнесение вопроса о предмете библиотекведения к методологическим несостоятельно, так как основное отличие методологии от теории состоит в том, что первая представляет собой учение о методе научного познания безотносительно к его предмету [39].

Это положение представляется весьма спорным, так как выбор методов не только связан с объектом и предметом исследования, но и прямо зависит от них. Именно объектом и предметом

исследования определяется та система методов, которая является необходимой и достаточной для их изучения.

Проблемы методологии и методики библиотеческих исследований активно разрабатывались В.С. Крейденко в его докторской диссертации «Исследовательские методы в библиотекведении: современное состояние и пути повышения эффективности» [17], а также в учебных пособиях автора [16, 18] и в ряде статей, посвященных отдельным методам: терминологическому анализу, операционализации понятий, наблюдению, эксперименту, тестированию, контент-анализу, экспертным оценкам и др. [11].

В.С. Крейденко характеризовал методологию исследовательского труда, методы сбора информации, особенности этапов НИР. Рассматривая систему методов в библиотечной науке, он отмечал, что библиотекведение в процессе своего развития использует общенаучные методы и постоянно вырабатывает и продолжает создавать специальные методы исследования. Некоторые из них (например, анализ читательских автобиографий, отзывов на книги и др.) используются другими науками: теорией журналистики, литературоведением, библиографоведением.

Вопросы методологии как относительно самостоятельного раздела библиотекведения относятся к числу наиболее сложных проблем. В библиотекведении отсутствовало, прежде всего, единое толкование понятия «методология библиотекведения». Не было его и на терминологическом уровне. Оно отсутствовало в терминологических словарях по библиотечному делу, изданных в 1976 и 1986 гг.

В 1980-х гг. было предпринято несколько попыток определить методологию библиотековедения. А.Н. Ванеев определял методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки. Это определение показывало, что методология библиотековедения имеет не только научно-познавательное, но и прямое практическое значение для исследования библиотечных явлений и процессов. Она вооружает исследователя средствами, обеспечивающими наиболее эффективное, быстрое, достоверное получение результатов научного исследования. Вместе с тем была подчеркнута особая методологическая роль библиотековедческой теории в преодолении субъективизма в оценке явлений библиотечной практики [10].

В.С. Крейденко считал, что задача методологии библиотековедения заключается в том, чтобы систематизировать накопленную информацию о методах и других средствах познания библиотечных процессов, а также о возможностях их эффективного использования, поскольку многообразие традиционных и новых задач, входящих в круг современного библиотековедения, находится в противоречии с относительной ограниченностью исследовательских методов для их решения. По его мнению, основой методологии является теория методов исследования [17].

Несколько по-иному трактовала цель методологии библиотековедения Н.В. Бобылева, видя в ее создании средствами философского анализа «образа науки, адекватного библиотечному делу». Методология библиотековедения – это его мышление, которое реализуется через познание сущности библиотечных процессов. Наряду с описанием и разработкой конкретных научных методов для решения исследовательских задач, методология библиотековедения подразумевает систему средств (эмпирических и теоретических) научного исследования, методик анализа, способов проверки результатов [4].

Интересные, хотя и спорные соображения были высказаны Г.К. Пузиковым [32]. Проблемы методологии библиотековедения он сводил к использованию в нем методов других наук и отрицанию наличия у него своих, собственных методов. Говоря о применении к исследованию системного объекта библиотековедения методов других наук, он считал, что их использование не имеет какого-либо заметного отличия от применения этих методов другими науками. Г.К. Пузиков пришел к выводу, что специфический метод библиотековедения – это метод комплексного применения методов различных наук.

Заметим, что этим самым, по существу, игнорировалась специфика объекта библиотечной науки, его отличие от объекта других наук.

Эти положения были уточнены Г.К. Пузиковым в его кандидатской диссертации [31], где он подчеркнул, что методологическая специфика библиотековедения обусловлена системой методов, которая включает четыре уровня: философско-методологический, общенаучный, частнонаучный и конкретно-эмпирический. Библиотековедение использует в комплексе методы других наук и не имеет своих особых методов.

Библиотековедческая мысль была направлена также на обоснование методологических принципов библиотековедческих исследований.

Принцип партийности как основополагающий методологический принцип библиотековедения обосновывал Ю.Н. Столяров, который подчеркивал его основополагающее значение для более глубокого развития идеологических и теоретических основ библиотековедческих исследований [40].

Внимание было уделено также обоснованию принципа историзма. Необходимость его применения виделась в том, что процесс логического познания явлений находится в диалектическом единстве с процессом их исторического развития. Соблюдение этого принципа важно не только при изучении истории библиотечного дела, но и при исследовании его современных проблем [2, 7].

В библиотековедческой литературе отмечалось, что дифференциацией и интеграцией наук обуславливается принцип единства аналитического и синтетического, специализированного и комплексного подходов в библиотековедческих исследованиях. Наметив для исследования определенную сторону, определенные объекты и/или связи между ними, библиотековед осуществляет принцип специализированного подхода, выделяет те особенности объектов, которые его интересуют. В то же время в целях синтетического подхода к исследуемым объектам или связям между ними применяется комплекс различных методов исследования [5].

Указывая на важность применения в библиотековедческих исследованиях аналитико-синтетических методов, О.С. Чубарьян подчеркивал, что для получения выводов синтетического характера, анализа и прогнозирования процессов развития библиотечного дела необходимо выявить тенденции его развития в целом, во всех внутренних и внешних связях. Применение аналитико-синтетических методов (логических, статистических) должно привести к совершенствованию прогнозирования развития библиотечного дела [42].

В библиотековедческой литературе отмечалось, что комплексное рассмотрение проблем библиотековедения требует применения системного подхода. Подход к объекту как к системе означает, что главное внимание направляется на способ связи частей, элементов и подсистем объекта в единое

целое, на выявление функций каждого элемента в этом целом [34].

Система методов библиотековедческих исследований была рассмотрена в коллективной монографии «Библиотековедческие исследования: методология и методика» [2], в учебнике «Библиотековедение: общий курс» [1], в докторской диссертации В.С. Крейденко [17] и его пособиях по методике НИР в библиотечном деле [16, 18].

Важное значение для развития методологии библиотековедческих исследований имела разработка методов изучения библиотечной практики. Было обосновано методологическое положение о поисковом характере исследования библиотечной практики. Оно направлено на выявление передовых методов работы, лучших форм ее организации, на разрешение противоречий в библиотечной практике [8].

Среди методов анализа библиотечной практики (количественных и качественных) особо подчеркивалась необходимость использования ввиду сложности явлений библиотечной практики методов структурно-функционального, причинно-следственного и анализа по аналогии [2, 5, 6].

Одним из основных методов библиотековедческих исследований называлось наблюдение [2, 8, 19]. К сожалению, некоторые библиотечные специалисты рассматривали его как метод, использование которого не связано с какими-либо методологическими требованиями. Упрощенное понимание метода наблюдения основывалось на представлении, что им является любое непосредственное общение библиотекаря с читателем. Так, Б.А. Смирнова уверяла, что этот метод не требует никаких специальных условий, применяя его, библиотекари только фиксируют то, что считают важным в процессе работы [37].

Видимо, более точны были те библиотековеды, которые разделяли метод живого общения с читателем (беседы всех видов) и метод научного наблюдения. Характеризуя последний, В.С. Крейденко рассматривал наблюдение как важное средство сбора первичной информации об изучаемом объекте. Он охарактеризовал основные черты научного наблюдения, которое отличается от обычного тем, что подчиняется конкретной, четко сформулированной исследовательской задаче, строится по плану, отличается строгой системой фиксации фактов [19]. Другим важным методом библиотековедческих исследований называли эксперимент. В.С. Крейденко определял его как метод, позволяющий изучать библиотечные объекты путем активного, планомерного и поддающегося учету воздействия в намеренно измененных условиях [2, 21].

Разрабатывалась также методика использования документов в библиотековедческих исследо-

ваниях. Наряду с традиционной библиотечной документацией большое значение придавалось специально составляемым документам в связи с принятием исследованием. Анализ документов рассматривали как один из важнейших методов исследования массовых библиотечных явлений [2].

Ко второй половине XX в. относится возобновление в широких масштабах изучения читателей и чтения с помощью конкретных социологических методов. Примененные для этих целей методики исследования отличались, как отмечала И.К. Кирпичева, рядом специфических особенностей: комбинированным применением процедур, присущих библиотековедческим и социологическим исследованиям, машинной техникой обработки фактического материала, перекрестным контролем показателей [15].

Особенно обстоятельно разрабатывался метод анкетирования. Был не только накоплен богатый практический опыт, но и сделаны ценные методологические обобщения [2, 26]. Наряду с анкетированием разрабатывалась методика и техника применения интервью, отмечалась его особая ценность для библиотековедческих исследований [2, 13].

Уделялось внимание разработке и некоторых других социологических методов в библиотековедении. В частности, велась разработка монографического метода. В качестве одной из его разновидностей Г.Н. Горева рассматривала биографический метод как способ познания и последующего описания жизненного пути личности в форме биографии – характеристики чтения [12].

В.М. Пилецким был обоснован для изучения читателей и чтения метод панельного наблюдения, т.е. отбора репрезентативной группы населения и ежегодного ее опроса по стандартным программам [28].

С 60–70-х гг. XX в. в библиотековедческих исследованиях все шире стали применяться математические методы. Необходимость их использования связывали с усложнением решаемых библиотечной наукой задач. Смысл и значение применения этих методов видели в обогащении новым инструментом познания библиотеки как объекта изучения.

В.М. Мотылев убедительно доказал, что библиотечное дело предрасположено к количественному изучению в силу того, что многие свойства библиотечных объектов легко поддаются числовому выражению. Такой подход противостоял широко распространенному представлению о неформализуемости процессов библиотечной деятельности [27].

Ж.С. Шадринной была обстоятельно разработана методика применения в библиотековедческих исследованиях теории массового обслуживания. Преимущества ее использования автор видела в

том, что методика позволяет анализировать деятельность библиотеки, не меняя существующей формы ее организации, что было бы неизбежно при проведении эксперимента [43].

В 80-х гг. библиотековедческая мысль впервые обратилась к проблемам использования прогнозных методов исследования: моделирования, экспертных оценок, экстраполяции и др. Проблемы моделирования в библиотечной теории и практике активно разрабатывались в ходе исследования деятельности областных универсальных научных библиотек, проведенного в 1980-х гг. в Государственной публичной библиотеке под руководством Б.Ф. Володина. Он рассматривал его как метод решения наиболее важных и сложных проблем библиотечной деятельности. Б.Ф. Володин использовал понятие «углубленное моделирование», что предполагало рассмотрение объекта исследования на основе использования структурно-функционального подхода и анализа системных связей его составных частей. Особое значение моделирование имеет, по его мнению, когда необходимо создать варианты перевода объекта исследования в новое состояние и сделать выбор лучшего, оптимального варианта [30].

Разработка методики прогнозирования привела к формированию нового направления библиотековедческих исследований – библиотечной прогнозистики и прогнозистической ориентации комплексных библиотековедческих исследований. Были проведены специальные исследования, ориентированные на прогнозирование развития библиотек и библиотечного обслуживания в целом [33, 44].

Рассматривались в библиотековедческой литературе и возможности применения новых исследовательских методов. Их общая характеристика дана В.С. Крейденко. Им были определены основные пути поиска новых исследовательских методов: модификация традиционных методов, поиск методов в прошлой исследовательской практике, использование методов практической деятельности в качестве нового исследовательского метода; поиск методов в других науках и перенос их в библиотековедение [20].

Достиженные в советский период результаты позволяют говорить об определенной методологической зрелости библиотековедения, об овладении им современными методами научного познания. Однако оставалось еще много нерешенного в понимании методологии библиотековедения как науки и методологии как совокупности методов библиотековедческих исследований.

Отказ от марксистско-ленинской философии как «единственно верной» привел в 1990-х гг. к стремлению определить философские и методологические основания отечественного библиотековедения. В эти годы прошли активные дискуссии по

проблемам библиотечной философии и методологии. В отличие от советского периода основное внимание здесь уделялось не характеристике отдельных методов, используемых в библиотековедении, а теоретическому обоснованию методологии библиотековедения как науки.

Следует прежде всего отметить, что в отечественном библиотековедении наблюдалось расширительное понимание проблем библиотечной теории и практики как проблем методологических. И.В. Лукашов справедливо указывал, что такой подход приводил к тому, что в разряд методологических можно включать практически все проблемы библиотечного дела, лишая тем самым термин «методология» определенности [25].

Однако он со своей стороны неоправданно суживал это понятие, ограничивая его проблемой применения в библиотековедении исследовательских методов.

Примером расширительного понимания является определение библиотечной методологии, предложенное Е.В. Смолиной. По ее мнению, в понятие «методология» «наряду с научно-познавательной деятельностью включены и все другие виды теоретической и практической деятельности». Поэтому библиотековедение является разновидностью методологического знания, которое направлено на библиотечную деятельность [38, с. 95].

В эти годы понятие «методология библиотековедения» было определено на терминологическом уровне. Однако единства в определениях не было. Так, совершенно не выявляло специфику методологии библиотековедения определение, предложенное в терминологическом словаре по библиотечному делу (1995): «Раздел библиотековедения, рассматривающий структуру, логическую организацию, методы и средства библиотечной деятельности» [41, с. 105]. Заметим, что методы и средства библиотечной деятельности – это ее методика, организация и технология, а не методология науки и не методы библиотековедческих исследований.

По-иному трактует методологию библиотековедения терминологический словарь 1997 г.: «Область библиотечной науки, изучающая общие и частные методы научных исследований, принципы, подходы к исследованию различных объектов, относящихся к библиотечному делу».

Особо следует подчеркнуть, что в этом словаре разграничены понятия «методология библиотековедения» и «методология и методика библиотековедческих исследований». Последнее понятие рассматривалось как «инструментарий библиотечного исследования, его средства и способы». Методология – это область общей стратегии исследования, а методика – его тактика [3, с. 68–69].

К выводу, что методология библиотековедения не ограничивается рассмотрением методов исследова-

дования, пришли в эти годы и другие авторы. Так, В.С. Крейденко подчеркивал, что в методологии библиотековедения предметом является «само познание библиотечных фактов и взаимосвязей между ними, принципы и методы» [29, с. 6].

В.П. Леонов также полагал, что библиотековедение надо изучать не методом мониторинга, наблюдая и фиксируя изменения, а сконцентрировать усилия на познании сущности библиотечных процессов и явлений, их природы, свойств и особенностей протекания [22, с. 46].

И.В. Лукашов предложил условное деление фундаментальных библиотековедческих исследований на «чистые» и целенаправленные. К первой категории он относил системные структуры библиотеки как объекты библиотековедения, изучение закономерностей и принципов библиотечной деятельности, методологические и терминологические вопросы. Целенаправленными он считал НИР, признанные теоретически обосновывать разработку приоритетных проблем библиотековедения [23, с. 42–43; 24].

Наиболее развернутое определение методологии библиотековедения предложил В.В. Скворцов. Он полагал, что под методологией библиотековедения следует понимать систему исходных, наиболее общих законов, принципов, форм и способов построения научного знания в библиотечном деле [35, с. 28]. В понятие «методология библиотековедения» он включал три компонента: 1) мировую философию, обращенную к процессу познания; 2) науку логику; 3) специфические для библиотековедения законы и принципы. Он выделял общую методологию и частную методологию библиотековедения, подчеркивал особое методологическое значение для библиотековедения теории познания (гносеология), а также законов и принципов диалектики [36, с. 47].

В.В. Скворцов предложил свою классификацию методов библиотековедческих исследований, разделив их на общенаучные и частнонаучные, качественные и количественные. Особое внимание он уделил характеристике исследовательских процедур – абстрагированию, формализации, сравнению. Им была дана характеристика общенаучных методов: наблюдения, эксперимента, моделирования, прогнозирования, терминологического анализа и др. К частнонаучным методам он отнес опрос, контент-анализ, тестирование и др. [36, с. 53–65].

К концу рассматриваемого периода сложилось понимание, что методология является одной из фундаментальных сторон любой науки, составное звено триады: теория – история – методология. Переосмысление философии библиотечной науки и идеологии библиотечной деятельности требует и более четкого понимания методологии библиотековедения. Нами было выдвинуто предположение,

что более правильно рассматривать методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки. Поэтому понятия «методология библиотековедения» и «исследовательские методы в библиотечном деле» тесно взаимосвязаны, но не являются синонимами [9, с. 14].

Список литературы

1. Библиотековедение: общий курс : учеб. – М. : Кн. палата, 1988. – С. 52–62.
2. Библиотековедческие исследования: методология и методика. – М. : Книга, 1973. – 248 с.
3. Библиотечное дело : терминологич. слов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : РГБ, 1997. – 168 с.
4. *Бобылева, Н. В.* Пути построения методологической модели библиотековедения // Проблемы библиотековедения, библиографоведения, книговедения. – Кишинев, 1990. – С. 20–23.
5. *Ванеев, А. Н.* Изучение и обобщение опыта библиотечной работы / А. Н. Ванеев – Л. : ГПБ, 1973. – 75 с.
6. *Ванеев, А. Н.* Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР : автореф. дис. ... канд. пед. наук / А. Н. Ванеев. – М., 1966. – 24 с.
7. *Ванеев, А. Н.* Использование исторического материала в библиотековедческих исследованиях / А. Н. Ванеев. – Л. : ГПБ, 1973. – 67 с.
8. *Ванеев, А. Н.* Методика изучения опыта работы массовых библиотек // Тр. Ленингр. гос. ин-та культуры. – 1964. – Т. 15. – С. 85–106.
9. *Ванеев, А. Н.* О «кризисе» и «застое» в отечественном библиотековедении // Библиотековедение. – 1996. – № 1. – С. 10–19.
10. *Ванеев, А. Н.* Современный уровень и перспективные проблемы методологии и методики библиотечных исследований // Проблемы повышения эффективности научных исследований в библиотеках Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1984. – С. 30–48.
11. Владимир Семенович Крейденко : библиогр. указ. тр. – СПб. : СПбГУКИ, 2005. – 62 с.
12. *Горева, Г. Н.* Биографический метод изучения читателей : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. Н. Горева. – Л., 1976. – 16 с.
13. *Добрынина, Н. Е.* Опыт изучения интересов читателей в библиотеках СССР / Н. Е. Добрынина [и др.] // Библиотеки СССР: опыт работы. – 1969. – Вып. 41. – С. 80–92.
14. *Карташов, Н. С.* Обобщение методологического и методического опыта библиотековедения // Сов. библиотековедение. – 1979. – № 3. – С. 108–110.
15. *Кирпичева, И. К.* Информационные запросы специалистов и их значение для совершенствования библиотечно-библиографического обслуживания / И. К. Кирпичева. – Л. : ГПБ, 1967. – 2 с.
16. *Крейденко, В. С.* Библиотечные исследования: научные основы : учеб. пособие / В. С. Крейденко. – М. : Книга, 1983. – 148 с.
17. *Крейденко, В. С.* Исследовательские методы в библиотековедении: современное состояние и пути повышения эффективности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. С. Крейденко. – М., 1988. – 34 с.

ОБЗОРЫ

18. *Крейденко, В. С.* Методология и методика библиотечного исследования : учеб. пособие / В. С. Крейденко. – Л. : ЛГИК, 1977. – 81 с.
19. *Крейденко, В. С.* Наблюдение как метод библиотековедческого исследования / В. С. Крейденко. – Л. : ГПБ, 1973. – 92 с.
20. *Крейденко, В. С.* Новые исследовательские методы как важный показатель прогресса библиотековедения и резерв повышения эффективности НИР // Методы исследований в библиотечной теории и практике : сб. науч. тр. – Л. : ЛГИК, 1991. – С. 84–99.
21. *Крейденко, В. С.* Эксперимент в библиотековедении / В. С. Крейденко. – Л. : ГПБ. – 1973. – 89 с.
22. *Леонов, В. П.* Библиотековедение как наука // Вестн. Рос. акад. наук. – 2000. – Т. 20, № 1. – С. 45–49.
23. *Лукашов, И. В.* Библиотечная наука: поиск путей обновления // Сов. библиотековедение. – 1992. – № 2. – С. 32–45.
24. *Лукашов, И. В.* Статус библиотековедения в оценке специалистов // Сов. библиотековедение. – 1988. – № 3. – С. 53–69.
25. *Лукашов, И. В.* Уточним предмет дискуссии // Библиотековедение. – 1994. – № 5. – С. 136–139.
26. *Майзель, Л. И.* Анкетирование как метод библиотековедческих исследований / Л. И. Майзель. – Л. : ГПБ, 1974. – 66 с.
27. *Мотылев, В. М.* Основы количественных исследований в библиотечной теории и практике / В. М. Мотылев. – Л. : Наука, 1988. – 198 с.
28. *Пилецкий, В. М.* Читательские интересы молодых рабочих (по материалам Уралмашзавода) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. М. Пилецкий. – Л., 1968. – 22 с.
29. Проблемы методологии и методики изучения библиотечной отрасли : учеб. пособие. – СПб. : СПбГАКИ, 1994. – 158 с.
30. Проблемы теории и практики моделирования деятельности универсальной научной библиотеки как информационного центра : сб. науч. тр. – Л. : ГПБ, 1987. – 128 с.
31. *Пузиков, Г. К.* Библиотековедение в системе наук (методологические проблемы междисциплинарного изучения библиотечного дела) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. К. Пузиков. – М., 1981. – 16 с.
32. *Пузиков, Г. К.* О методологии советского библиотековедения // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1980. – № 10. – С. 3–6.
33. *Ратикова, Е. И.* Методологические проблемы прогнозирования развития универсальных научных библиотек (на примере Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. И. Ратикова. – М., 1977. – 18 с.
34. Сборник материалов в помощь научно-исследовательской деятельности областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек. Вып. 1. Общие вопросы методологии и методики библиотековедческих исследований. – Л. : ГПБ, 1973. – 87 с.
35. *Скворцов, В. В.* Библиотековедение: сущность, методология, статус : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. В. Скворцов. – М., 1997. – 39 с.
36. *Скворцов, В. В.* Теоретические основы библиотековедения : учеб. / В. В. Скворцов. – М. : МГУКИ, 1997. – 88 с.
37. *Смирнова, Б. А.* Изучение эффективности рекомендательной библиографии // Библиотекарь. – 1968. – № 8. – С. 20–24.
38. *Смолина, Е. В.* Постановка проблем библиотечного обслуживания на основе системно-деятельностного подхода // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров. – СПб., 1999. – Вып. 2. – С. 90–106.
39. *Столяров, Ю. Н.* О теоретических и методологических основах книги «Библиотековедческие исследования» // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1979. – № 3. – С. 22–29.
40. *Столяров, Ю. Н.* Партийность как основополагающий методологический принцип библиотековедения и библиотечного дела / Ю. Н. Столяров. – М. : МГИК, 1979. – 68 с.
41. Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания. – М. : БЕН, 1995. – 268 с.
42. *Чубарьян, О. С.* Проблемы совершенствования методического руководства библиотеками // Сов. библиотековедение. – 1975. – № 4. – С. 15–24.
43. *Шадрин, Ж. С.* Пути использования теории массового обслуживания в библиотековедении / Ж. С. Шадрин. – Л. : ГПБ, 1973. – 95 с.
44. *Энмаа, И. В.* Проблемы прогнозирования развития сети государственных массовых библиотек (на примере Эстонской ССР) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Энмаа. – Л., 1979. – 16 с.

Материал поступил в редакцию 23.04.2007 г.

Сведения об авторе: *Ванев Анатолий Николаевич – доктор педагогических наук, профессор*

УДК 02+002.52
ББК 78.34(2)

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТИХООКЕАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ)

© И.Н. Карпова, 2007

*Тихоокеанский государственный университет
680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136*

Отражены результаты анкетирования пользователей научной библиотеки Тихоокеанского государственного университета в целях изучения использования электронных ресурсов и библиотечно-информационных услуг, предоставляемых библиотекой, а также выявления новых потребностей в них.

Ключевые слова: электронные ресурсы, вузовские библиотеки, полнотекстовые базы данных.

Повышение качества библиотечно-информационного обслуживания, предоставление конкурентоспособной продукции и услуг, отвечающих ожиданиям и потребностям пользователей, являются одной из основных задач вузовской библиотеки. Необходимость более полного удовлетворения разнообразных запросов пользователей, повышение эффективности и оперативности обслуживания способствуют использованию в работе научной библиотеки Тихоокеанского государственного университета (НБ ТОГУ) новых информационных технологий и освоению ею широкого спектра информационных услуг.

Электронные ресурсы, наряду с печатными формами, сегодня рассматриваются как одно из документальных образований совокупного фонда современной библиотеки. Приобретение полнотекстовых электронных ресурсов, создание новых коллекций путем оцифровки собственных фондов позволяют расширить область использования традиционного фонда путем организации информационного обслуживания в локальном и удаленном режимах.

Одним из основных направлений деятельности библиотеки является выявление, отбор, оценка и предоставление доступа пользователям к электронным ресурсам. Роль библиотеки в процессе приобретения доступа к электронным информационным ресурсам также заключается в оформлении договорных отношений с консорциумами и другими организациями, в прописке IP-адресов и своевременном информировании пользователей обо всех доступных ресурсах. Для оценки и принятия решения о необходимости подписки библиотеке предоставляются базы данных во временное пользование в тестовом режиме. В дальнейшем по ито-

гам тестового доступа принимается решение о целесообразности приобретения того или иного ресурса. Последующие заключение и продление контрактов на предоставление и использование электронных ресурсов исходят из их востребованности пользователями и поступления заявок от кафедр университета на их приобретение.

Проведение систематических исследований удовлетворенности потребителей и оценка эффективности информационно-библиотечного обслуживания являются необходимым компонентом эффективно действующей и постоянно улучшающейся общеуниверситетской системы менеджмента качества, влияющей на уровень образовательного и научно-исследовательского процессов в вузе. Значительные средства, расходуемые университетом на приобретение доступа к информационным ресурсам, требуют оценки реального использования их нашими потребителями. В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в апреле 2007 г. Его целью являлось определение степени осведомленности и использования электронных ресурсов и библиотечно-информационных услуг, предоставляемых библиотекой, а также выявление новых потребностей пользователей в ресурсах и услугах. Исследование проводилось методом анкетирования.

В анкетировании приняли участие 70 студентов, 13 преподавателей и 2 аспиранта университета, всего 85 человек. Респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, выбрав готовый ответ или дав собственный. В анкете были обозначены следующие вопросы.

На вопрос «**Как часто и с какой целью Вы посещаете библиотеку?**» 48% респондентов ответили, что посещают библиотеку постоянно (не-

ОБМЕН ОПЫТОМ

сколько раз в неделю), 29% — один раз в неделю. Таким образом, около 80% опрошенных посещают библиотеку не реже одного раза в неделю, а не от сессии к сессии. Эти цифры свидетельствуют о высокой роли и значимости нашей библиотеки в учебном процессе. Более 75% анкетированных отметили основную цель посещения библиотеки как учебную и научную (рис. 1).

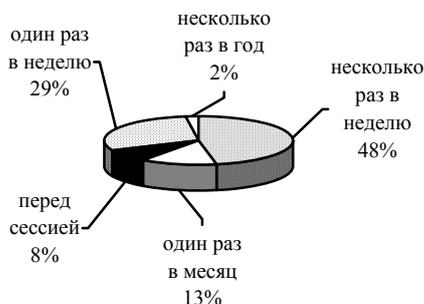

Рис. 1. Посещаемость НБ ТОГУ по результатам опроса

Результаты опроса о том, какие подразделения библиотеки чаще всего посещают наши читатели, показали, что посещаемость как традиционных читальных, так и залов электронной информации почти одинакова и составляет равную долю.

Основным местом и источником получения и удовлетворения информационных потребностей пользователей согласно ответам на вопрос «Где чаще всего они работают с информационными ресурсами?» стали залы электронной информации библиотеки (58% опрошенных), на втором месте — работа в домашних условиях (29%) и на третьем — кафедры университета (20%). В категорию «другое»

вошли интернет-кафе (1 человек). Это еще раз подтверждает высокую востребованность библиотеки и, в частности, залов электронной информации.

Библиотека постоянно проводит информирование пользователей о предоставляемых ею информационных ресурсах и услугах. Рекламе и продвижению информационных ресурсов способствует организация выставочной работы, создание информационных листовок, рекомендательных списков ресурсов по профилю вуза, регулярное размещение информации на стендах библиотеки, web-сайте НБ, кафедральном портале университета. В целях оценки эффективности этой работы был задан следующий вопрос: «Из каких источников чаще всего наши читатели получают информацию об услугах библиотеки?». Лидирующее место среди названных источников занимает web-страница библиотеки (39%). Далее следуют индивидуальные консультации (29%), информационные стенды (27%), web-страница университета (25%), рекламные буклеты и памятки (20%), групповые консультации (9%). В категории «другое» респонденты указали советы куратора, сокурсников и других студентов.

Библиотека широко использует новые формы информационно-библиографического обслуживания. Респондентам был предложен список предоставляемых библиотекой услуг, из которых предлагалось выделить те, о которых опрашиваемые имеют представление и какими из них они пользовались. Самой популярной услугой оказался доступ к электронному каталогу в сети Интернет (соответственно 78 и 62%). Посещаемость сайта библиотеки постоянно растет, что подтверждается статистикой (рис. 2).

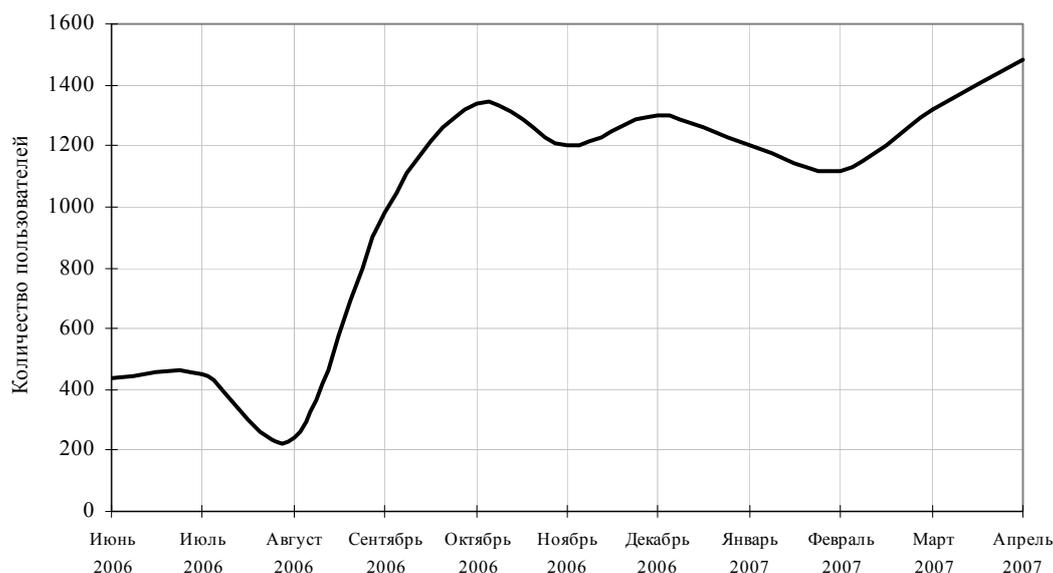

Рис. 2. Рост числа обращений пользователей к электронному каталогу НБ ТОГУ с июля 2006 г. по апрель 2007 г.

Далее следуют:

- доступ к библиографической информации (73 и 51%);
- доступ к полнотекстовой информации (53 и 25%).

Большое количество респондентов, как показал опрос, имеют представление о новых формах работы библиотеки: виртуальных выставках (14%), гостевой книге (22%). Такие услуги, как предоставление тематических, адресных и фактографических справок (26 и 8%) и подготовка списков литературы (45 и 8%), пользуются на сегодняшний день наименьшим спросом. Это можно объяснить растущей информационной грамотностью наших читателей, умением производить самостоятельно поиск литературы в электронном каталоге благодаря групповым занятиям и индивидуальным консультациям.

По этому же принципу – «знаю», «пользовался» – в анкете был представлен перечень информационных ресурсов, имеющих доступ в библиотеке. Необходимо было отметить ресурсы, о которых читатели слышали и какими из них пользовались. Наибольшую популярность, по результатам анкетирования, имеют правовые справочно-поисковые системы. Наиболее востребованные из них: СПС «КонсультантПлюс» (соответственно 53 и 28%), «Кодекс» (46 и 21%), «Референт» (36 и 18%), базы данных удаленного доступа (УИТС «РОССИЯ», Электронная библиотека диссертаций, НЭБ «Elibrary»), а также базы данных нормативно-технической направленности в локальном режиме.

К большому сожалению, интерес к ресурсам на иностранных языках по-прежнему очень низок, несмотря на значительные усилия со стороны работников библиотеки. Информация о полнотекстовых БД предоставляется для студентов на практических занятиях по курсу «Основы информационной культуры», регулярно передается на кафедры через референтов, помещается на сайте библиотеки, кафедральном портале университета и на информационных стендах. Начиная с 2002 г. в программу курса «Основы информационной культуры» для студентов первого курса включено и проводится обучение по работе с электронными ресурсами, доступ к которым имеет библиотека. Несмотря на это, анализ использования БД на иностранных языках показывает низкую обращаемость к ним со стороны преподавателей и студентов. Возможной причиной такой ситуации является недостаточное знание нашими пользователями иностранного языка, нежелание и незаинтересованность преподавателей использовать такие ресурсы в учебной деятельности.

В связи с этим доля подписки на иностранные ресурсы в текущем году была сокращена, мы огра-

ничились подпиской на БД EBSCO. Приоритет отдается подписке на русскоязычные ресурсы. Так, подписаны контракты с НЕЙКОН на русскоязычные полнотекстовые базы данных компании «East View Publications»: «Общественные и гуманитарные науки. Российские журналы»; «Библиотечное дело и информационное обслуживание»; с Научной электронной библиотекой «Elibrary» на «Полнотекстовую онлайн-коллекцию российских научных журналов». Прорабатывается вопрос о подписке на издания электронной библиотеки Издательского дома Гребенникова (около 30 периодических изданий по управлению персоналом, менеджменту, маркетингу и финансам). Доступ ко всем этим ресурсам осуществляется со всех рабочих мест университета по IP-адресу.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы спектром предоставляемых библиотекой баз данных?» только 9 человек выразили неудовлетворение, 55 ответили положительно и 15 человек затруднились с ответом.

На вопрос «К каким базам данных Вы бы хотели, чтобы библиотека получила доступ?» респонденты в большинстве случаев затруднялись ответить. Конкретный ответ дали только несколько респондентов, назвав базу данных Центральной библиотеки образовательных ресурсов, базы данных, связанные с туризмом и экскурсионной деятельностью, сферой занятости молодежи.

В заключение респондентам было предложено высказать свои пожелания о том, в какого рода услугах они нуждаются, в какой форме хотели бы их получать и каким образом обучаться работе с новыми информационными ресурсами.

Потребность в ожидаемых услугах выглядит следующим образом. Лидирующее место среди предложенных вариантов заняли: предоставление услуг удаленного доступа (38%), доступ к полнотекстовым публикациям через электронный каталог (36%), информирование о новых поступлениях на сайте (32%), библиографическое описание профильных ресурсов Интернета (29%), информирование на сайте о выписываемых периодических изданиях (24%), обучающие курсы по работе с ресурсами библиотеки (22%).

На вопрос «Каким образом читатели хотели бы обучаться работе с новыми информационными ресурсами?» лидирующее место заняли электронные путеводители (54%), обучающие семинары (32%), методические пособия и руководства (31%), а также индивидуальные занятия (27%).

Были также высказаны замечания и предложения руководству библиотеки по усовершенствованию библиотечных услуг, в частности:

- об увеличении скорости и времени работы в Интернете;

ОБМЕН ОПЫТОМ

- увеличении количества сенсорных киосков. На сегодняшний день их пять, и они существуют параллельно с доступом к электронному каталогу во всех залах электронной информации (85 АРМ). Многие читатели в строке, отведенной для замечаний и предложений, выставили положительную оценку качеству работы библиотеки с пожеланиями: «Так держать!».

Анализ показал недостаточную информированность и использование пользователями предлагаемых библиотекой ресурсов и услуг. Уже сейчас на сайте библиотеки выставлена информация о ресурсах удаленного доступа, на все читательские АРМы установлены программы перевода и словари (для работы с иностранными текстами), поме-

щены рекомендации по проведению поиска в БД. Подобные исследования позволяют изучать и выявлять потребности пользователей, внедрять новые формы информационно-библиографического обслуживания, находить пути повышения спроса на информационные ресурсы и услуги. Ответы респондентов говорят о том, что сегодня наши пользователи хотят и готовы работать с ресурсами библиотеки в удаленном режиме. А мы, в свою очередь, готовы чутко реагировать на их ожидания. Подобные исследования необходимо продолжать, так как от их результатов зависит эффективность использования и качество обслуживания пользователей библиотеки Тихоокеанского государственного университета.

Материал поступил в редакцию 11.05.2007 г.

Сведения об авторе: *Карпова Ирина Николаевна – зам. директора по научной работе, тел.: (421-2) 35-87-34, e-mail: Karpova@mail.khstu.ru*

Директору ГПНТБ СО РАН, главному редактору «Библиосферы» – 65!

13 августа 2007 г. исполняется 65 лет Борису Степановичу Елепову, доктору технических наук, профессору, директору ГПНТБ СО РАН и главному редактору журнала «Библиосфера».

В библиотеке существует легенда о том, что 15 января 1980 г. на главной лестнице, ведущей в ГПНТБ СО РАН, строгим контролером был остановлен еще довольно молодой человек, пытавшийся пройти в библиотеку без читательского билета. На его робкое заявление о том, что с сегодняшнего дня он является директором этой библиотеки, последовало весьма резонное: «Если директор, то ходить Вам следует через служебный вход». Вот с того времени Борис Степанович Елепов уже почти тридцать лет про-

ходит через этот самый *служебный вход...*

Решение Президиума Сибирского отделения Академии наук о его, математика по образованию, выдвижении на эту должность было неслучайным. Появление новых вычислительных средств в конце 1960-х гг. стимулировало развитие автоматизации библиотечных процессов. В 1970-х гг. появились комплексные автоматизированные системы, которые способствовали развитию направлений информатики, связанных с библиотечной технологией. В начале 1980-х гг. стали появляться базы данных на магнитных лентах и средства связи, обеспечивающие удаленный доступ к информации. Все это требовало нового подхода, нового взгляда на практику библиотеки и, главное, понимания необходимости изменения в системе ее управления, обеспечивающей внедрение автоматизации библиотечных процессов, новых информационных технологий.

Библиотека к тому времени была одной из крупнейших в стране. Она занимала ведущие позиции в координации деятельности научных и специальных библиотек Сибири и Дальнего Востока, успешно выполняла функции информационного

центра Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН), вела активную научную, научно-организационную и учебную деятельность.

Что же изменилось в библиотеке за эти годы? Какая идеология исповедуется сегодня? Б.С. Елепов всегда придерживался и придерживается следующей: сохранить все лучшее старое и внедрять все лучшее новое. Под его руководством в начале 1980-х гг. началась автоматизация информационно-библиотечных процессов, с середины 1990-х – использование Интернета для решения всего ком-

плекса информационно-библиотечных задач. С приходом нового директора были созданы новые структуры, ответственные за решение новых проблем. Сейчас решаются задачи по созданию единого информационно-библиотечного пространства СО РАН. Но особой его заботой является формирование электронного фонда библиотеки библиографическими и полнотекстовыми ресурсами, особенно удаленными, и организация обслуживания ими всех пользователей СО РАН.

Борис Степанович решает не только практические задачи. В основе успешной реализации всех проектов лежит их серьезная и всесторонняя научная проработка. Потому что он – ученый, научный руководитель, профессор. Уже весной 1982 г. на всесоюзной конференции были изложены разработанные принципы организации автоматизированной системы информационного обслуживания Сибирского отделения РАН, а на всесоюзном научно-техническом совещании в начале 1984 г. – полученные результаты по применению автоматизации для обеспечения оптимизации библиотечных фондов. В следующем году им была опубликована

работа «Состояние разработки и перспективы развития АСНТИ СО АН СССР», где рассмотрена специфика проектирования первой очереди автоматизированной системы НТИ, поставлены проблемы технического, программного и организационно-технологического обеспечения. Тогда же одна из статей была посвящена проблемам взаимосвязи информационной и библиотечной деятельности в условиях автоматизации. Эти работы легли в основу его докторской диссертации, защищенной в 1992 г., которая была посвящена разработке методологии создания автоматизированной системы научно-технической информации (АСНТИ) СО РАН.

Совместно со своими ведущими сотрудниками и аспирантами Б.С. Елепов занимался вопросами использования телекоммуникационного доступа к отечественным и зарубежным базам данных, автоматизированного информационного анализа документальных потоков, комплектования информационной базы отраслевых автоматизированных информационно-поисковых систем, программной реализацией диалоговой автоматизированной системы подготовки библиографических изданий, подходами к выбору топологии региональной АСНТИ и рядом других.

Общие научные итоги первого десятилетия были подведены в препринте «Интегрированная компьютерная система коммуникации НТИ ГПНТБ СО АН СССР» и в коллективных монографиях «Проектирование и эксплуатация региональных АСНТИ» и «Управление процессами использования информационных ресурсов». Последняя из названных монографий была фактически первой обобщающей работой, поднимающей вопрос управляемости процессов потребления информационных ресурсов в рамках системы НТИ.

В 1980-х гг. ГПНТБ СО РАН была первой библиотекой в стране, которая начала проводить семинары и научно-практические конференции по автоматизированным библиотечно-информационным системам. Их неизменным организатором и научным редактором издаваемых материалов был директор библиотеки. Путь очень многих специалистов в науку начинался именно с участия в этих конференциях. Молодые авторы середины и конца 1980-х гг. сейчас являются ведущими специалистами в области информатики не только в нашем регионе, но и в БАН, БЕН, ИНИОН.

Не оставались в тот период без внимания и «гуманитарные» проблемы. В одной из статей, например, были затронуты вопросы необходимости перестройки библиотечного образования.

Начало и середина 1990-х гг. – тяжелое для библиотек время. Поэтому не удивительно, что руководитель одной из крупнейших библиотек страны участвует в подготовке ряда публикаций,

посвященных краеугольным проблемам библиотечного дела в стране, прежде всего их выживания и взаимодействия в новой общественной ситуации, необходимости перестройки структуры.

С начала 1990-х гг. в проводимых в Сибирском отделении РАН научных исследованиях и крупных научно-исследовательских программах большое внимание стало уделяться природоохранному и экологическому аспектам. ГПНТБ СО РАН как информационно-библиотечный центр отделения отреагировала на это путем создания специальной системы информационного обеспечения данного направления. Результаты этой работы также отражены в ряде отечественных и зарубежных публикаций.

Не осталась без внимания информационная составляющая и нового философского течения – концепции устойчивого развития. Здесь были рассмотрены и предложены принципы формирования системы информационного обеспечения исследований в области устойчивого развития, а также с позиций этой концепции рассматривались социальные функции библиотеки, ее миссия.

1996–1997 гг. – период более стабильной финансовой ситуации в библиотеках и приход Интернета, постепенное внедрение в практику работы средств телекоммуникации, появление электронных полнотекстовых изданий, создание собственных электронных коллекций, развитие корпоративных библиотечных систем. Все это нашло отражение в большом числе публикаций, подготовленных Борисом Степановичем совместно с ведущими специалистами библиотеки.

Сейчас в программе научно-исследовательских работ, руководимых доктором технических наук, профессором Б.С. Елеповым, основное внимание уделяется исследованиям в области информационных инфраструктур и межбиблиотечной кооперации, направленным на формирование единой информационно-библиотечной среды СО РАН на базе современных информационных технологий.

Понятно, что разработка научной идеологии развития такой сложной структуры, как ГПНТБ СО РАН¹, – дело коллективное. Но руководит ею директор, которого отличает видение перспективы и прекрасные организаторские способности. Созданный им коллектив обеспечивает решение самых сложных научных, программно-технологиче-

¹ Напомним, что она является головной научной библиотекой централизованной библиотечной системы СО РАН; центром научно-технической информации СО РАН; НИИ, занимающимся проблемами библиотечного образования, библиографоведения, книговедения и информатики; крупнейшей универсальной публичной библиотекой в азиатской части России; координационным центром регионального объединения научных библиотек Сибири и Дальнего Востока; одним из федеральных органов НТИ, центром непрерывного библиотечного образования.

ческих и организационных задач. И результаты говорят за себя: ГПНТБ СО РАН является одним из лидеров по научным достижениям и уровню технологического развития в стране.

Уже 10 лет Б.С. Елепов возглавляет диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 05.25.03 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение», в котором за эти годы защищена 81 диссертация, почти 30 из них – сотрудниками ГПНТБ СО РАН.

Под его руководством защищены диссертации, связанные с разработкой программно-технологических комплексов, развитием библиотечной сети СО РАН, информационным обеспечением науки. Ряд его учеников уже стали докторами наук.

В 2004 г. Б.С. Елепов стал организатором научного журнала по проблемам библиотековедения, поскольку в регионе был накоплен значительный научный потенциал в области библиотековедения, библиографоведения, прикладной информатики и книговедения, но за Уралом не было ни одного научного журнала, который бы отражал на своих страницах актуальные проблемы и результаты научной деятельности библиотек и вузов региона, сформировавшихся здесь научных школ. И вот журнал перед Вами. Ему пошел уже третий год.

Дорогой Борис Степанович! Желаем Вам здоровья, счастья и везенья! Пусть Вам сопутствует успех, удачи и взлеты! Пусть Вам все удастся! Здоровья Вам и многие лета!

Коллектив ГПНТБ СО РАН

Готовятся к изданию**НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ**

Журналы Сибири и Дальнего Востока: из истории бытования : сб. науч. тр. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; отв. ред. С. А. Пайчадзе. – Новосибирск, 2007 (IV кв.). – 15 а. л. ; 60×84/16. – 200 экз. – ISBN 5-94560-118-7 (в обл.) : 150 р.

В сборнике представлены материалы по истории выпуска журналов в регионе в XVIII – начале XXI столетий. В числе авторов специалисты книжного и библиотечного дела, доктора и кандидаты наук, соискатели ученых степеней.

Для специалистов, интересующихся проблемами истории печатного слова и вопросы развития книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке.

Маслова, А. Н. Библиография сибирской библиографии : материалы к истории / А. Н. Маслова ; отв. ред. Е. Б. Соболева ; Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск, 2007 (IV кв.). – 5 а. л. ; 60×84/16. – 250 экз. – ISBN 5-94560-124-1 (в обл.) : 100 р.

Настоящая публикация – первая из серии планируемых к выпуску материалов по истории сибирской библиографии и посвящена истории создания уникального издания – «Указателя библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку. XVIII в. – 1968 г.», подготовленного Государственной публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и ГПНТБ СО АН СССР.

В этой работе публикуются архивная переписка руководителя работ Г.А. Озеровой с исполнителями, организационно-методические документы. Издание снабжено научными комментариями.

Предназначается специалистам в области библиографоведения, преподавателям, студентам вузов культуры и искусств.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Информационные ресурсы научных библиотек Сибири и Дальнего Востока: базы данных : справ. пользователя. – Изд. 4-е, перераб. и доп. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук ; сост. В. Г. Свирюкова ; отв. ред. Е. Б. Соболева. – Новосибирск, 2007 (III кв.). – 6 а. л. ; 60×84/16. – 300 экз. – (В обл.) : 110 р.

Справочник содержит сведения об отечественных и зарубежных базах данных, имеющихся в научных библиотеках Сибири и Дальнего Востока. Представлены БД по всем областям знаний, создаваемые самими библиотеками, а также крупнейшими информационными центрами страны и мира. По сравнению с предыдущим изданием увеличилось количество библиотек-участниц, предоставивших данные о своих ресурсах.

Предназначено для научных сотрудников, специалистов всех отраслей, работников информационных служб.

Для заказа изданий обращаться по адресу:

630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН,
к. 503, редакционно-издательский отдел.

Е-mail: rio@spsl.nsc.ru

Тел.: (383) 266-21-33

Факс: (383) 266-25-85;

266-33-65 (с пометкой «Для РИО»).

Рецензии

Левидов, А. М. Автор–образ–читатель» (1983) и «Литература и действительность» (1987)

ФИЛОСОФИЯ ОСВОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТВОРЕНИЙ

Так определил Дмитрий Сергеевич Лихачев содержание научного наследия ленинградского ученого А.М. Левидова (1895–1968), изданного в двух книгах. Первая – «Автор–образ–читатель» вышла в свет в Издательстве ЛГУ в 1977 г. (переиздана в 1983-м) с предисловием крупного отечественного психолога В.Н. Мясичева, названного им «Уникальное исследование». Вторая книга – «Литература и действительность» опубликована в 1987 г. Выпустило ее издательство «Советский писатель». Предисловие, озаглавленное «Крупное явление советской культуры», написал к ней Д.С. Лихачев. В обеих книгах, вместе взятых, опубликовано 25 из 32 глав основного труда А.М. Левидова «Диалектический метод изучения литературного произведения» с подзаголовком: «Руководство к чтению художественной литературы». Семь глав рукописи остались в архиве автора. Их планировал издать его сын. Но не успел. В 1995 г. его не стало.

Рукопись представляет собой напечатанное на машинке 3-томное сочинение объемом в 845 страниц со сносками, приложениями, указателями имен, литературных произведений, персонажей. Началом ее послужила защищенная автором в 1941 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена диссертация «Проблемы методологии и методики курса русской литературы 19 века». Много дала ему в осмыслении художественных произведений работа в Ленинградской государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ), где он в течение двух лет был систематизатором по разделам: педагогика, театр, изобразительное искусство, музыка. Через его руки проходили ценнейшие художественные издания. Он понял, что разные виды искусства не разделены непроходимой гранью и имеют общие закономерности создания и восприятия. Занятие разными видами искусства помогло Александру Михайловичу в продумывании главной темы: как читать художественную литературу. В целом книга была закончена к 1951 г., хотя работу над ней он продолжал до конца своих дней. К великому сожалению, при жизни он не увидел напечатанной из своего масштабного труда ни единой строчки. Путь книги к читателю оказался тернистым. В стенах редакций ее то принимали восторженно, то отвергали. Редакторы требовали убрать философию, сократить примеры, уменьшить количество цитат, упростить терминологию. На это автор не пошел, ибо в этих «недостатках» он видел суть работы. Он находил ценность книги в ее синтетичности: по методу она философская, по тому вниманию, какое уделяется в ней творчеству писателя и творчеству читателя, – психологическая, по подходу к художественному

произведению она искусствоведческая, по основному использованию иллюстративного материала – литературоведческая, по задачам, какие автор ставит, – педагогическая. Особое внимание в ней уделено деятельности основателей Московского художественного театра Вл.И. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского – читателей-творцов в самом точном и глубоком смысле этого слова. Многоголосие рукописи, обилие цитат, скупой комментарий автора – принцип ее построения.

Книги, в которых преобладает цитированный материал, достаточно распространены и, ценность многих из них бесспорна. Среди них «Опыты» М. Монтеня, «Мастерство Некрасова» К. Чуковского, «Пушкин в жизни» В. Вересаева. В данном случае автор как бы уподобляется дирижеру, объединяющему разнообразных людей в единый ансамбль. Мыслями о литературе и ее чтении в книге А.М. Левидова делятся писатели мирового уровня: Пушкин, Л. Толстой, Чехов, Мопассан, Флобер и многие другие. На страницах книги цитируются великие художники, писатели, музыканты, театральные деятели, кинорежиссеры. Что касается собственного текста, то в нем А.М. Левидов краток, ясен и точен. Вместе с тем, как сказал о книге Вл.И. Немирович-Данченко в письме автору, он пишет «необычно вдумчиво и проникновенно».

Ценнейшим фактическим материалом книги являются высказывания писателей, критиков, живописцев, скульпторов, актеров о своем опыте работы над образом – его понимании, истолковании, восприятии. Опыт мастеров искусства как читателей и интерпретаторов художественных произведений может служить образцом для всякого, кто хотел бы повысить собственную культуру чтения. Особенно этот материал важен для руководителей педагогического процесса в сфере искусства.

Для установления тесной связи конкретности искусства с теоретическими положениями, выдвинутыми автором, и в целях наглядности А.М. Левидов широко ввел в книгу отрывки из художественных произведений с точным указанием источника интерпретации. Это, как полагал он, поможет читателю обратиться к контексту, если в распоряжении его будет находиться другое издание. В целом же отрывки из произведений, интерпретированные автором с философских позиций, должны, по его мнению, содействовать полноценной практике творческого чтения в сфере искусства. Прочтение и истолкование отрывков художественных произведений на глазах у читателя имело для автора принципиальное значение еще и потому, что в этом он видел главный путь приобщения человека к литературе. Путь этот проходит через саму литературу. На этом пути творчество художника смыкается с творчеством читателя, зрителя, слушателя. Именно на этом стыке выявляются подходы к решению задачи учить читать художественную литературу, учить воспринимать искусство.

И еще об одном специфическом качестве работы А.М. Левидова надо сказать. В ней живут тысячи персонажей русской и мировой классики. Исследователь всматривается в их лица, вслушивается в их голоса, в диалоги, вчитывается в их речь, укрупняет «мелочи», устанавливает меру власти творца над своим художественным созданием, объясняет намек, показывает изменчивость, «текучесть» характера, его противоречивость. В указателе литературных персонажей мы найдем множество знакомых лиц, расставленных в порядке алфавита имен, начиная с Акакия Акакиевича и кончая Яичницей.

Погружаясь в жизнь людей, изображенных писателями, художниками, живущими на сцене или на экране, автор книги погружается в океан жизни и пытается, используя философский метод, его теоретически упорядочить, найти к нему ключ. Это поистине бесстрашный, дерзновенный поступок. Не случайно позже автора назовут Дон Кихотом. Надо заметить, что в книге, философской в своей основе, автора занимает, в первую очередь, не специальная разработка теоретических проблем искусства (хотя вклад его в эту область значителен), а непосредственное применение философии, ее практическое использование в целях повышения уровня восприятия произведений искусства.

Определенное представление о содержании и направленности труда А.М. Левидова могут дать названия глав. Назовем некоторые: «Сюжет и фабула», «Связь сюжета с закономерностями действительности», «Проблема объективации действительности и творчество читателя», «Процесс объективации действительности и автор», «Образы положительные и отрицательные», «Ситуация. Вариантность персонажей», «Живость и богатство действия», «Творчество писателя и творчество читателя».

Одна из центральных глав монографии – «Структура образа». Сквозь призму художественного образа (персонажа) раскрывается все богатство исследуемых произведений искусства. Художественный образ – сущность искусства. Нет художественного образа – нет искусства. Художественный образ, как его трактует А.М. Левидов, – «важнейшая промежуточная инстанция в общении читателя с автором, когда он читает, автора с читателем – когда он творит. Именно здесь – в художественном образе – сближаются, встречаются, соприкасаются, переплетаются, пересекаются их творческие пути». О каких бы сторонах художественного произведения ни шел разговор на страницах книги, каких бы закономерностей искусства автор ни касался, художественный образ вместе с той конкретностью, которая с ним связана, всегда перед глазами читателя. Какие же элементы придают художественному образу его полноценность?

Согласно концепции автора такими элементами являются:

1. Критерий **единичного** позволяет читателю воспринимать данный образ (персонаж) как определенное живое лицо со всеми его индивидуальными отличиями, признаками, приметами (вплоть до интонации голоса, своеобразия черт лица, деталей туалета и т.д.).

2. Критерий **особенного** помогает воспринимать данный исторический момент во всей его специфичности, проследить его влияние на личную, семейную и общественную жизнь человека, в персонаже видеть представителя определенного класса, органически связанного со всей социальной средой, ее бытом, запросами, интересами, устремлениями и т.д.

3. Критерий **всеобщего**. Под всеобщим автор монографии понимает такие черты характера человека, его интеллекта, которые встречаются вообще у людей, т.е. вне зависимости – в известном смысле – от пола, возраста, социального положения, эпохи.

Говоря об *единичном*, автор приводит аргументы, высказанные Мопассаном, Буниным, Шалапиным, Горьким. Вот что говорит последний: «Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдет, отметит и подчеркнет характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т.д. ...Людей совершенно одинаковых – нет, в каждом имеется нечто свое – и внешнее и внутреннее».

За высказываниями по этому вопросу идут художественные подтверждения, начиная с характеристики Евгения Онегина, Ленского, Ольги. За ними следуют персонажи Гоголя, Гончарова, Достоевского.

«*Особенное*» в художественных образах А.М. Левидов раскрывает на персонажах «Дела» Сухово-Кобылина, «Горя от ума» Грибоедова.

«*Всеобщее*» подтверждается сказкой Салтыкова-Щедрина «Добродетели и пороки», где всеобщее превратилось в персонажей, которые живут, действуют, отстаивают свои интересы, стремятся выполнить свое назначение. «Добродетели с Пороками истари во вражде жили». Но в конце концов прекратилась вражда, они «охотно помирились на Лицемерии». Обличается всеобщее – лесть, невежество, своекорыстие, бахвальство, тунеядство, лживость, жадность, скупость, подхалимство и другие отрицательные черты характера человека – в баснях Крылова. Все эти отрицательные черты характера человека, как и полярные им, взятые отвлеченно, вне человека, вне определенных обстоятельств, представляют собой чистую абстракцию. Находясь в единстве с «единичным» и «особенным», «всеобщее» становится типичным.

Для подтверждения этой мысли исследователь берет в союзники Белинского, Луначарского, Грибоедова, Флопера. По мнению Белинского, например, типичные образы «относятся к явлениям действительности, как роды к видам». Они, «при всей индивидуальности и особенности, заключают в себе все общие, родовые приметы целого рода явлений... И поэтому каждое лицо в художественном произведении есть представитель бесчисленного множества лиц одного рода и потому мы говорим: этот человек настоящий Отелло, эта девушка совершенная Офелия. Такие имена, как Онегин, Ленский, Татьяна, Ольга, Зарецкий, Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, Хлестаков, Сквозняк-Дмухановский, Бобчинский, Добчинский, Держиморда и прочие, – суть как бы не собственные, а нарицательные, общие ха-

ракетрические названия известных явлений действительности».

Говоря о структуре образа, А.М. Левидов на многочисленных примерах выделяет связь «всеобщего» и «единичного», «всеобщего» и «особенного». Заключает он свои рассуждения по этим вопросам разделом «Синтез “единичного”, “особенного” и “всеобщего” в художественном произведении».

Видеть «единичное» персонажа – это значит представлять себе его внешний вид, именно видеть и слышать в точном смысле слова. Человека создает не только тело в платье, но и поведение со всеми индивидуальными отклонениями, и речь, с присущим ей неповторимым своеобразием, и голос определенной высоты, окраски и силы звука. В подтверждение этой мысли автор приводит примеры внешнего вида и характерных черт поведения Федора Карамазова, Собакевича, Каренина, князя Василия, Рудина, Смердякова и др.

Находить «особенное» – находить то, что принадлежит истории, эпохе, видеть в образе порождение социальной среды, обстоятельств, момента, понимать, в чем сказались черты того класса, представителем которого является данный персонаж, его быт, его прогрессивные или реакционные устремления.

Думать о «всеобщем» – значит размышлять о характере персонажа, о том, насколько та или иная черта свойственна другим людям, встречается ли она теперь в повседневном окружении, понимать, учитывая наш собственный опыт, дан ли характер углубленно, во всей его сложности и противоречивости, или примитивно.

Замечательный по выразительности, по художественному совершенству синтез «единичного», «особенного», «всеобщего» автор нашел в образах Дон Кихота, Санчо Панса, в образах, созданных Чаплиным, Шекспиром. Особое внимание он останавливает на образах Анны Карениной и Григория Мелехова.

Элементы «единичного» у Григория Мелехова: «...вислый коршуначий нос, в чуть раскосых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз» – памятные штрихи его внешнего облика. Элементы «особенного»: «...ах, подлюга, казака хотел голыми руками взять!». О том, что он казак, Григорий Мелехов никогда не забывал. И традиции казачества оказывали влияние на его поведение, определяли его судьбу. Элементы «всеобщего»: Григорий Гаранже: «Ну,

хохол, спасибо, что глаза мне открыл...». Григорий, как мы знаем, принадлежит к числу тех людей, которых называют правдоискателями. И эта черта была ведущей, от нее во многом зависела его жизнь. Все элементы «единичного», «особенного» и «всеобщего», – подчеркивает А.М. Левидов, – во взаимосвязи, взаимопроникновении, взаимозависимости составляют неповторимую личность, которую Шолохов назвал Григорий Мелехов. Так же подошел исследователь и к образу Анны Карениной. О них двоих он говорит словами Гейне, сказанными о шекспировских Шейлоке и Порции: «оба главных действующих лица драмы настолько индивидуализированы, что кажется, будто это не созданные поэтической фантазией образы, а подлинные, женщиной рожденные люди. Да, они представляются нам даже жизненнее обыкновенных созданий природы, так как над ними не властны ни смерть, ни время и в их жилах бьется бессмертная кровь, вечная поэзия».

Понимание А.М. Левидовым художественного образа в единстве «единичного», «особенного» и «всеобщего», вывод, к какому он приходит, имеет существенное значение для практики чтения художественной литературы. Этот вывод – как он указывает сам, заканчивая главу «Структура образа», – подсказывает путь к наиболее исчерпывающей характеристике персонажа. Этот путь должны усвоить прежде всего педагоги и библиотекари, те, кто стоят у руля формирования подлинного читателя художественной литературы.

Чтобы дать представление о труде А.М. Левидова, мы остановились подробно лишь на одной главе. Рассказать о других даже в самом общем виде не представляется возможным. Книги его надо читать и на них учиться мастерству восприятия художественных произведений. Вместе с этим учиться познавать судьбы людей, сложность человеческих взаимоотношений, вдумываться в жизнь, в противоречия действительности, в тонкость и глубину человека, осознавать сущность творчества писателя, отвечать на него собственным творчеством.

*И.И. Тихомирова,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры детской литературы
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств*

Крейденко, В. С. «Библиотечные исследования» : учеб.-метод. пособие / В. С. Крейденко. – М., 2007.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ – ИНСТРУМЕНТАРИЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО СПЕЦИАЛИСТА

Методологические знания всегда были одной из важнейших граней профессиональной компетенции специалиста, элементом его общей культуры. К сожа-

лению, в области библиотековедческого знания сложилась такая ситуация, когда практика определяет систему абсолютного достоверного знания, а не наоборот. В связи с этим выход книги известного библиотековеда, доктора педагогических наук, профессора В.С. Крейденко, посвященной комплексу методов и процессов библиотековедческих исследований, имеет особое значение. Едва ли нужно доказывать, что методы, пригодные для изучения отечественного библиотековедения на различных этапах его становления и

развития, годятся в неизменном виде сегодня, в условиях изменения социокультурной практики людей. Учитывая это обстоятельство, В.С. Крейденко подробно проанализировал основные сущностные свойства как традиционных, так и новых методов исследования библиотечной теории и практики.

Особой заслугой автора является его подход к библиотековедению как комплексной научной дисциплине, занимающей равноценное место среди других дисциплин социально-гуманитарного цикла. Это позволило рассмотреть теорию библиотечной науки и методы ее изучения не только в соотнесении с предметом исследования, но и с позиций принципов, понятий, категорий философии, социологии, лингвистики.

Справедливым является утверждение В.С. Крейденко, что совершенствование методологии и методики библиотечных исследований возможно лишь на основе знания общих закономерностей научной деятельности, но с учетом места каждого метода в системе средств библиотечного познания. Четкость понятийно-терминологической системы всегда является «слабым местом» библиотековедческих исследований. Методу и методологии библиотечных исследова-

ний в книге посвящена отдельная глава. В ней рассматриваются теоретические основы метода, характеризуется практика и возможности его использования. Особый интерес представляют этапы и методика терминологического анализа, описываются трудности, которые подстерегают исследователей терминов.

Автор вводит в научный оборот методы, сравнительно слабо используемые в библиотековедческих исследованиях, такие как кейс-метод, хоуторнский эффект и др. Их применение расширяет возможности исследователей различных проблем и направлений библиотековедческих исследований.

Приведенный в учебно-методическом пособии материал позволяет сделать вывод, что помимо теоретического и практического значения книга будет играть важную роль в формировании методологической культуры библиотекаря. Этому способствуют и приложения, усиливающие дидактический характер издания. Хотя, на взгляд рецензента, они несколько перегружены неравноценным по содержанию и задачам материалом.

*Л.А. Кожевникова,
доктор педагогических наук, профессор*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнале «Библиосфера» печатаются не публиковавшиеся ранее материалы. Приветствуются оригинальные статьи, содержащие результаты научных исследований и разработок, новейший для страны опыт, аналитические обзоры по самым актуальным направлениям науки и практики в области книговедения, библиотековедения и библиографоведения, информатики и т.д., оригинальные лекции по новым направлениям обучения в вузах и системе дополнительного профессионального образования, рецензии на изданные в регионе монографии, учебники, сборники трудов.
2. Статьи, в которых приводятся результаты работ, проведенных в учреждениях, следует сопровождать направлениями от соответствующих учреждений.
3. Объем статьи не должен превышать 1 а.л., включая список литературы, таблицы и подрисуночные подписи, 5–6 рисунков или фотографий. Объем кратких сообщений – 0,2 а.л. текста и 2–3 рисунка или фотографии.
4. Присланный материал должен содержать: текст статьи, краткую аннотацию, ключевые слова и сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, место работы, должность, адрес организации, рабочий телефон, электронный адрес, желательна фотография автора.
5. В тексте желательно выделять введение, заключение, а основной текст разбивать на подразделы. Список литературы – в конце статьи. Номера ссылок на литературные источники в тексте даются в косых чертах – [1]. Желательно авторское выделение курсивом и полужирным шрифтом наиболее важных фрагментов текста.
6. Материал следует присылать по электронной почте на адрес ответственного за раздел, в котором Вы предполагаете опубликовать свою статью или информацию, или передавать на дискете. Текст должен быть в формате Microsoft Word, с расширением *.doc. Сноски оформлять командой «начинать в каждом разделе». Нумерация страниц не ставится. Фотографии должны быть выполнены в форматах tiff или jpg (отдельным файлом) с разрешением не менее 300 dpi.
7. Присланные материалы рецензируются. Редакция оставляет за собой право возвращать статью автору на доработку или не принимать ее к опубликованию. Датой поступления статьи в редакцию будет считаться дата получения редакцией окончательного текста.
8. Отредактированный текст и рисунки посылаются автору. Корректурa для просмотра не высылается.
9. После выхода журнала автору высылается электронная копия его статьи в формате PDF.
10. Статьи, оформленные без соблюдения приведенных правил, редакцией не принимаются.

Члены редколлегии, ответственные за разделы журнала:

Научные статьи:

Библиотековедение	д-р пед. наук Лариса Анатольевна Кожевникова	onimr@spsl.nsc.ru
Библиографоведение	канд. пед. наук Елена Борисовна Соболева	soboleva@spsl.nsc.ru
Книговедение	д-р ист. наук Александр Леонидович Посадсков	knigoved@spsl.nsc.ru
Информатика	канд. техн. наук Сергей Романович Баженов	bazhenov@spsl.nsc.ru
Обзоры	канд. пед. наук Ольга Павловна Федотова	kh@spsl.nsc.ru
Мастер-класс	канд. пед. наук Елена Борисовна Артемьева	artem@spsl.nsc.ru
Методология НИР	д-р пед. наук Владимир Семенович Крейденко	
Трибуна молодых	д-р пед. наук Галина Борисовна Паршукова	gb@spsl.nsc.ru
Научный архив	Галина Андреевна Лончакова	rk@spsl.nsc.ru
Книжные памятники.		
Реставрация и сохранность	канд. филол. наук Андрей Юрьевич Бородихин	rk@spsl.nsc.ru
Обмен опытом	Раиса Александровна Черныхаева	chern@spsl.nsc.ru
Дискуссии	д-р пед. наук Ольга Львовна Лаврик	lisa@spsl.nsc.ru
Письма в редакцию, новости и объявления	канд. ист. наук Ирина Александровна Гузнер	guzner@spsl.nsc.ru
Приглашают коллеги.		
Информационные контакты	канд. пед. наук Дмитрий Миронович Цукерблат	opki@spsl.nsc.ru
Новые книги. Рецензии	канд. пед. наук Галина Михайловна Вихрева	vihreva@spsl.nsc.ru

Библиосфера

Научный журнал

№ 3 • Июль – сентябрь • 2007

Редактор *Л.Н. Жалнирович*
Компьютерная верстка *Т.А. Калюжная*
Корректор *А.В. Овечкина*

Полиграфический участок:
Н.Ф. Починкова, зам. директора ГПНТБ СО РАН по издательским вопросам
В.И. Мазалова, начальник участка

Изд. лиц. ИД № 04108 от 27.02.01.
Сдано в набор 10.05.2007. Подписано в печать 23.07.2007.
Формат 60×84/8. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 6,4.
Тираж 300 экз. Заказ № 225.

Учредитель-издатель: Государственная публичная
научно-техническая библиотека Сибирского отделения
Российской академии наук
Адрес издателя: 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.

Адрес редакции:
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15, ГПНТБ СО РАН, к. 402.
Тел.: (383) 266-29-89, факс: (383) 266-35-65,
e-mail: lisa@spsl.nsc.ru, <http://www.spsl.nsc.ru/win/Bibliosfera/index.htm>

Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН.
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.